

Олег ХИМАНЫЧ

«Ленин» жил, «Ленин» жив, «Ленин» будет жить...

Атомный ледокол
«Ленин» у причала
северодвинской
«Звёздочки»,
1970 год.

В 2009 году в издательстве Paulsen вышла книга Владимира Блинова «Ледокол «Ленин». «Первый атомный». Внешне, точнее — полиграфически (бумага, обложка и супер-обложка) книга выглядела солидно. А вот о внутреннем оформлении, к сожалению, так не сказать: порой складывается впечатление — рукопись не редактировалась. Но, пожалуй, самое огорчительное: на 287 страницах книги пребыванию атомохода «Ленин» на капитальном ремонте и модернизации в Северодвинске посвящено всего три... строки! Вот они: «После технической модернизации атомного ледокола «Ленин», располагавшей теперь двумя ядерными энергетическими установками ОК-900, вновь вышел на арктические трассы в 1970 году». И ещё раз через 63 страницы (уже в две строки): «В 1970 году после замены ядерной энергетической установки атомный ледокол «Ленин» снова вышел на трассы Арктики».

СЕВЕРА
№ 2 (114), 2018

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

В оформлении обложки использованы
фотографии Владимира ДАМБАЕВА

Подписано в печать
23 апреля 2018 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.

Заказ 389к

СОДЕРЖАНИЕ

- 1 **ФЛАГМАНЫ АРКТИКИ**
Олег ХИМАНЫЧ
**«Ленин» жил, «Ленин» жив,
«Ленин» будет жить...**
- 7 **ТАЙНЫЕ МИССИИ ДИПЛОМАТОВ**
Олег ДЗЮБА
Послы. Интриги. Заговоры
- 16 **ПОВОДЫРИ РУССКОГО ДУХА**
Валерий ОРЛОВ
Ружьё Валерия Чкалова
- ЖЕРТВЫ ИЛИ ПРЕДАТЕЛИ**
- 23 Пётр ЦЫБУЛЬКИН
Борьба за правду
- 24 Мария МАКСИМОВА
Изменники
- ДРАМА**
- 29 Анфиса ШАРЫПОВА
**Послевоенный бунт
чукотских оленеводов:
как это было**
- 50 **НЕИЗВЕСТНЫЙ ГУЛАГ**
Борис МИСЮК
Воскресенье
- 59 **РЕГИОН ПОД МИКРОСКОПОМ**
Олег ДЗЮБА
Жадная Камчатка
- 69 **РАССКАЗ**
Артур ЖУРАВЛЁВ
День пенсии
- 74 **СЛЕД В ЖИЗНИ**
Пётр ЦЫБУЛЬКИН
За все учтённые грехи
- 75 Мирон ЭТЛИС
Кровяное давление
- 78 **ЗА ТОБОЙ И ЗА МНОЮ ПРИДУТ**
Николай ВАСИЛЬЕВ
**...Про древний хаос,
про родимый**

Более чем скупо поведал автор о капитальном ремонте и принципиальной модернизации ядерной энергетической установки, которую журналисты часто любят называть «атомным сердцем корабля». В книге, претендующей на полное повествование истории «Ленина», даже не упомянуто, что именно за эти ремонт и модернизацию коллектив северодвинской верфи «Звёздочка» был удостоен ордена! К тому же, ремонт и модернизация первого в мире атомного ледокола заняли три года (1967—1970), а эксплуатационная жизнь «Ленина» длилась тридцать (1959—1989). Уж очень легко из истории прославленного корабля автор «вычеркнул» одну десятую (и смею заверить — немаловажную) часть!

Не удивительно, что впоследствии ко мне обращались с вопросом северодвинские читатели: как же так?! И что им ответить? Сослаться на то, что до начала девяностых Северодвинск по причине оборонной специфики верфей считался «закрытым» городом? Но ведь до момента выхода книги в издательстве Paulsen все эти ограничения уже лет пятнадцать как были сняты, и, стало быть, возможность получить необходимую информацию имела. Жаль, автор этим не озаботился.

Иными словами, книга Владимира Блинова если не разочаровала, то явно не оправдала ожиданий многих, особенно историков арктического флота. Поэтому, когда в 2012 году уже на «Звёздочке» относительно небольшим тиражом издали сборник специальных статей и воспоминаний о первом атомном ледоколе, книга пошла нарасхват. Называется она — «Атомный ледокол «Ленин». Второе рождение».

Восстановление корабля, конструкторские и технологические проблемы, которые пришлось решать, достаточно подробно изложены на страницах этой книги. Там же названы сотни известных всей стране имён учёных, конструкторов, организаторов производства, но и простых тружеников «Звёздочки», проявивших тогда чудеса профессионализма и преданности общему делу. Поэтому здесь нет необходимости снова обращаться к подробному описанию событий, а тем более перечислять многие заслуженные фамилии. А вот напомнить главные эпизоды героической «ленинианы» на «Звёздочке» мы просто обязаны. Равно, как и несколько примечательных, но уже подзабытых фактов о советском арктическом флагмане...

Ещё одна высокая комиссия из Москвы, проверяющая готовность ледокола... В центре - министр судостроения СССР Борис Евстафьевич Бутoma и директор «Звёздочки» Григорий Лазаревич Просьянкин.

«Миру – мир!»

Главная уникальность ледокола «Ленин» – это первый в мире атомный ледокол и пример, когда ядерная энергия заработала на благо гражданского судоходства. Примечательно, что этот пример подала именно наша страна, причём, когда человечество стояло перед реальной угрозой новой мировой войны. Американцы уже имели в своём флоте атомные подлодки, а наши, бросившись вдогонку, лишь строили первую, между прочим – в Северодвинске. Но тогда же в Ленинграде, на заводе имени Андре Марти, позже ставшим «Адмиралтейскими верфями», заложили ледокол «Ленин» – показательный ответ агрессивным планам США.

К строительству корабля было приковано внимание политиков из многих стран. Когда ледокол ещё стоял на «Адмиралтейских верфях», его посещали президент Финляндии Урхо Кекконен, премьер Великобритании Гарольд Макмиллан, вице-президент США Ричард Никсон, а также посланцы зарубежья с меньшим общественно-политическим весом. Особый разговор об американском «морском ястребе» – адмирале Хаймане Риквере, отце атомного флота США. Он в 1959-м тоже приезжал в Ленинград и познакомился со строительством «Ленина». Тщательно осмотрев советский корабль, он доложил в сенате: «Русским потребуется пара лет, чтобы спустить «Ленин» на воду. У нас все шансы обогнать русских» (Американцы на тот час строили свой атомный ледокол – «Саванна». – *Прим. О.Х.*). Но адмирал обмишулился: «Ленин» вышел в море через два месяца после того, как Риквер покинул его борт, а «Саванну» американцы затем строили ещё три года, и дальше демонстрационных рейсов их затея так и не продвинулась.

Кто же стоял во главе советского чуда? Вспомните эти имена и почувствуйте масштаб: саму идею атомного ледокола благословлял многомудрый академик Анатолий Петрович Александров. Проект корабля, получивший код 92, разрабатывали конструкторы ЦКБ-15 (ныне «Айсберг») во главе с Василием Ивановичем Негановым. Ядерную установку «Ленина» создавали спецы Игоря Ивановича Африкантова. Антикоррозийную сталь для корпуса придумали в институте прикладной металлургии «Прометей». Турбины изготовил знаменитый Кировский завод, генераторы – Харьковский электро-механический, гребные электродвигатели собирали на «Электросиле», профильный прокат поставляли металлурги Краматорска, «нержавейка» шла от Южнотрубного завода Днепропетровской области, холодильные установки – из Одессы, якоря и якорные цепи – из Николаева... И всё остальное для

ледокола поставили предприятия Советского Союза. Ни одной гайки, ни метра труб или кабеля из-за рубежа, всё – своё! Это ли сегодня не показатель индустриальной мощи державы и вдохновляющий пример, когда нам выкручивают руки «санкциями»?!

12 сентября 1959 года «Ленин» вышел на ходовые испытания. Полное водоизмещение – 19–19,2 тысячи тонн (без балласта), длина корпуса – 134 метра, ширина – 27,6 метра, осадка 10,4 метра, мощность – 44 тысячи лошадиных сил, основная электростанция – 5 тысяч кВт, три гребных винта, скорость хода на чистой воде – 18 узлов, ледопродоимость скоростью 2 узла – 1,6 метра, автономность – 12 месяцев. Первый капитан – Павел Акимович Пономарёв, уроженец онежской Нименьги – помор, который в 1922-м штурманил на паровом двухтрубном ледоколе «Ленин». Вспоминается мне цветная обложка первого номера «Огонька» за 1961 год (не было в стране более популярного журнала. – *Прим. О.Х.*) – девочка мелом рисует на школьной доске ледокол «Ленин» и рядом знакомое – «Миру – мир!».

Новое сердце – ОК-900

Атомная установка на «Ленине» (ОК-150) состояла из трёх реакторов (причём на корабль её монтировали без предварительной отработки на наземном стенде-прототипе. – *Прим. О.Х.*). Почему три? Академик Анатолий Александров объяснял шуткой: «В случае отказа одного из них ледокол своим ходом может выйти из льдов. Конечно, риск есть, но ведь без риска и жениться нельзя»... Двадцать пять тысяч часов уверенно билось это атомное сердце ледокола, но 1965-м на одном из реакторов неожиданно образовалась течь по сварному шву. Причём, беда случилась, когда ледокол только-только принял свежее радиоактивное топливо и готовился выйти в море. Течь оказалась крупной, и с риском для жизни персонала шов попытались заварить, но сделать это до конца не удалось. К этому времени уже было известно – у конструкторов на подходе новая ядерная установка из двух реакторов – ОК-900. Вот тогда и встал вопрос: а стоит ли мучиться и рисковать, может пойти на радикальные меры? Подумали и решили: ядерное топливо передать на плавбазу «Лепсе», а реакторный отсек демонтировать. Но легко сказать, а как сделать? Инженеры предложили немало вариантов, пока выбор не остановили на демонтаже с последующим затоплением в море. К слову, отправить на морское дно целый отсек – такое тоже предпринималось впервые. Для этого сначала предстояло «отделить» реакторы от корпуса ледокола, но тут же их и закрепить на

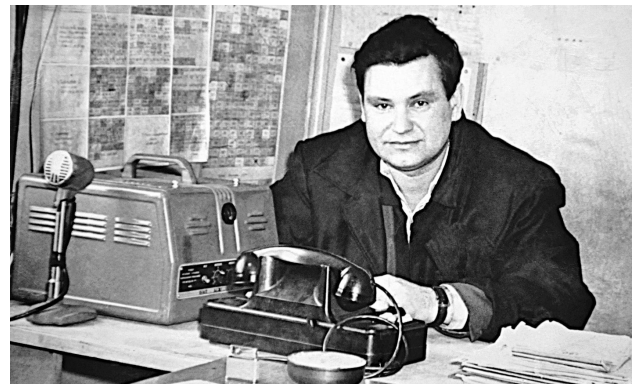
мощных подвесах с тем расчётом, чтобы они выдержали стальную конструкцию на переходе к месту затопления. С этой задачей справились специалисты мурманского «Атомфлота» и СРЗ-82 в Росляково.

«Захоронить» аварийный отсек решили в мелководном заливе Цивольки у Новой Земли. Туда и двинулся из Кольского залива целый караван из спасательного буксира «Капитан Афанасьев», ледокола «Ленин» и судов, обеспечивающих беспрецедентную техническую операцию. Пришли, стали на якоря. Подрывники заложили тротиловые заряды по периметру и под днищем реакторного отсека. Всё теперь зависело от их мастерства и опыта, ведь заряды должны были сработать одновременно, иначе отсек общей массой в четыре тысячи тонн могло перекосить внутри корпуса. По свидетельству наблюдавших кульминационный момент уникальной операции, в момент взрыва, «Ленин» лишь «подпрыгнул» из воды на полметра, чуть покачался и остался на ровном киле. Загерметизированный отсек ледокола отправился на дно, где и лежит по сей день под недреманным оком экологических служб.

Не ради «морковок»

Есть версия, что ремонт и модернизацию «Ленина» хотели доверить ленинградцам. Однако буксировкой обездвиженного ледокола решили не будоражить боязливую общественность скандинавских стран. Тогда стали думать, куда отправить корабль. В Мурманске имелись судоремонтные заводы, но доверить им столь сложное дело опасались. Оставался Северодвинск – Севмаш и «Звёздочка». Севмаш под завязку был загружен атомными подлодками, а «Звёздочка» считалась молодым предприятием – верфи от рождения исполнилось двенадцать лет. Говорят, главный довод в пользу «Звёздочки» прозвучал тогда от министра судостроения Бориса Евстафьевича Бутомы, который имел обыкновение поднимать технологический уровень предприятий, поручая тем новую и ответственную работу. На «Звёздочке» к концу 1967 года, надо признать, уже прошли ремонт шесть атомных подлодок, но «сердцевины» атомного ледокола никто не видел...

В Северодвинск «Ленина» привели вечером 12 декабря 1967 года. Без реакторного отсека – на его месте лишь старые несущие конструкции. Вдумайтесь в эти цифры: требовалось переоснастить 220 помещений из 678 имеющихся, установить 6200 единиц нового оборудования, проложить 200 километров кабеля, 50 километров труб... 6 января 1968 года на корабле начали монтаж временного теплоснабжения, ещё через две недели

Ответственный сдатчик атомного ледокола «Ленин» Вильям Тихонович Калганов.

закрыли «реакторный отсек» от атмосферных осадков и взялись за дальнейший демонтаж. С 17 апреля работы велись уже в две, а потом и в три смены. Общее число работающих на корабле перевалило за 1000 человек. Но вовсе не числом брали северодвинцы!

– Ряд работ на ледоколе курировал один из главных строителей «Адмиралтейских верфей», кстати, друг министра Бориса Бутомы, – рассказывал мне ответственный сдатчик «Ленина» Вильям Тихонович Калганов. – Он всё щепетильно добивался от нас: когда закроете построечные документы и, где приказ? Потом мы раскусили: он во всём искал материальный, денежный стимул и пытался выяснить, когда же наступит момент так называемой «раздачи морковок». А главным-то не это было! Может, и прозвучит с пафосом, но так сегодня не работают. О деньгах никто не говорил – всех мобилизовала идея!

В это сейчас верят немногие, ведь в девяностых псевдореформаторы объявили, мол, в России наступила эпоха прагматиков. А северодвинские «прагматики» тогда сутками не сходили с палуб корабля, там горбатились в три смены, там же и ночевали, питаюсь «пирожками из ближайшего заводского буфета»...

За месяц до начала ходовых испытаний северодвинцы отставали от графика на три месяца и счёт шёл буквально на минуты. И на «Звёздочке» был свой счёт. Новую атомную энергоустановку ледокола запустили так аккуратно ко дню рождения вождя – 21 апреля 1970 года, в 23 часа 30 минут...

Сегодня можно раскрыть карты: столичные чиновники в успех не верили, иные, выслушав о намерениях, называли северодвинцев фантазерами... А напрасно! Когда «Ленин» прямо с ходовых испытаний заявился в Мурманск, его там никто и не ждал. Местные ледокольщики только ахнули!

Рекорды и плейда

А дальше «Ленин» возобновил свою арктическую эпопею. В том же 1970-м ледокол

разрушил представления о сроках зимней навигации на Севморпути – провел в Енисейский залив дизель-электроход «Гижига». В 1971-м атомный ледокол в паре с дизель-электрическим «Владивостоком» преодолел Севморпуть «по высокоширотной траектории», побившись на Дальний Восток севернее Новосибирских островов. Осенью 1975-го «Ленин» сверхпоздним рейдом вывел дизель-электроход «Павел Пономарев» из устья Енисея к Карским воротам, а в следующую навигацию повёл того же «Пономарёва» в экспериментальный сверххранный рейс к полуострову Ямал. Ещё через год за «Лениным» к ледовому причалу Харасавэя пошли и обычные сухогрузы.

В метровом льду ледокол ходил как трамвай – с грохотом, но ровно и плавно, двухметровый лёд он крушил ударами форштевня, бывало, что и с разбегу, а для заматерелого пака ему, случалось, не хватало собственной массы. Тогда под своей ядерной мощью он «въезжал» на лёд, а тот сразу не сдавался, пыжился и держал корабль своей плотью.

О глобальном потеплении тогда не слышали – Арктика даже летом не кисла. Лопasti винтов «Ленину» срезало по три раза в каждую навигацию. Тогда лопасти меняли собственные водолазы ледокола, причём, научившись делать это прямо во льдах. И так до 1989-го, когда реактор решили погасить...

Биография атомного «Ленина» – не только строки легенд о полярной недоступности, рекорды мирового судоходства, вписанные в Книгу Гиннеса, орден Ленина на рубке, сотни тысяч ледовых миль, проводка тысяч судов, но ещё и целая плеяда знаменитых моряков, а среди них: Павел Акимович Пономарёв, Александр Калинович Следзюк, Юрий Сергеевич Кучиев, Владимир Георгиевич Кондратьев, Зигфрид Адольфович Вибах, Герман Васильевич Драницын, Борис Макарович Соколов. С годами мечтой и трудами Бориса Макаровича стала идея почетной пожизненной стоянки «Ленина». Правда, с этой идеей пришлось маяться – долго не было понимания, и моряки слышали любимую ссылку чинуш и казнокрадов: какой ещё музей, если в стране денег нет?! И всё же стоит нынче «Ленин» в Мурманске, у почётного причала!

Большое, как известно, лучше видится на расстоянии, а историческая оценка тем объективнее, чем большее время проходит после событий. Так и с модернизацией атомного ледокола «Ленин» в Северодвинске: самоотверженные усилия тысяч корабелов и как результат – веха в истории арктического мореплавания и важный технологический этап ныне крупнейшей судоремонтной верфи России – орденосного Центра судоремонта «Звёздочка».

Академик Анатолий Петрович Александров и капитан ледокола Борис Макарович Соколов.

Я – Ленин...

А в заключение к этим серьёзным фактам, просится одна весёлая история из жизни. Рассказал мне её штурман, с которым однажды шли мы проливом Вилькицкого. Тогда же я записал её. Вот она:

«Был на атомном ледоколе «Ленин» штурман Зигфрид Адольфович Вибах, очень колоритная фигура и хороший мужик. Впоследствии он капитанил на атомном ледоколе «Сибирь». Но это было потом, а в пору штурманства на «Ленине» приключилась с ним такая история...

Вахта у Вибаха начиналась с восьми утра. Он на неё заступает, и по каналу связи, как флагман каравана, всех приветствует:

– Доброе утро! Я – «Ленин»! Прошу держать дистанцию три кабельтова и не отставать... И дальше всякий раз: «Я – «Ленин»! Впереди пак, будьте внимательны»... «Я – «Ленин»! Влево не прижимайтесь – там сморозь, добавьте обороты»...

Ну, и так всю вахту. А пробивались к Вилькицкому от архипелага Норденшельда – очень сложный район. Караван большой, лёд старый, сплочённый – меж островками его много набилось, и порой за вахту только миль 10 и делали, и всё на нервах...

И вот на третьи сутки:

– Доброе утро! Я – «Ленин»...

А в ответ ему с одного из «пароходов» со знакомой картавинкой вождя мирового пролетариата:

– Товарищи! Это повокация. Не вейте ему, он – самозванец! Я узнал его! Он не Ленин, а Вибах!

Вахты на всех «пароходах» с хохоту полегли! А у Зигфрида Адольфовича с юмором всё в порядке, и он, между прочим, не обиделся, и тоже смеялся...».

Фото из архива Олега Химаньча

г. СЕВЕРОВДИНСК

ПОСЛЫ. ИНТРИГИ. ЗАГОВОРЫ

Как Вологда в 1918 году превратилась в неофициальную дипломатическую столицу России

Чуть более ста лет назад, в последние дни зимы страшного для России 1918-го года тихая, провинциальная Вологда внезапно и неожиданно для смиренных горожан на четыре месяца превратилась в город-прибежище иностранных посольств, став, по выражению поздних историков, неофициальной «дипломатической столицей России».

Назло Ленину с Троцким или подальше от немцев?!

Но откуда послы, поверенные в делах, советники, секретари, атташе и консулы в неблизком к Петрограду и Москве северном городе взялись? В недавние доперестроечные годы по страницам исследований и учебников, посвящённых первым годам Советской власти, блуждала версия, что дипломаты перебрались подальше от большевистского правительства, демонстрируя несогласие с сепаратным Брестским миром. Но судя по документам, обнаруженным вологодским историком Александром Быковым, дело было всё же не совсем так. А.В. Быков работал в личном архиве посла США Дэвида Френсиса, занимался разысканиями в хранилищах европейских держав, создал «Музей дипломатического корпуса» в Вологде, выпустил не одно исследование... Его сведения и противоречат хронической трактовке событий.

Разумеется, дипломаты стран, воюющих с Германией, Брестскому миру порадоваться не могли и выступали против него по мере сил. Однако в Вологде они появились ещё до подписания этого «похабного», как сам Ленин говорил, соглашения: после провала переговоров Троцкого с немцами о перемирии, когда германские войска ринулись к Петрограду. Тогда-то Френсис, как дуайен дипломатического корпуса, высказался в том смысле, что «большевики оставят страну на милость Германии» и задумался о переезде из Северной Столицы. Аллергии на новую власть способствовала и тревога за собственную безопасность. Германское вероятное нашествие на Петроград его беспокоило очевидно уже во вторую очередь.

Почему зарубежные дипломаты облюбовали Вологду

...В январе дипломаты побывали на аудиенции у Ленина в Смольном, вручив председателю Совнаркома меморандум с требованием освободить из-под ареста румынского посланника Диаманди. В комментариях к Полному собранию сочинений вождя говорится: Ленин заявил в ответ, что арест был произведён в силу чрезвычайных обстоятельств и что он не считает недопустимым арест дипломатического представителя страны, которая без объявления войны открыла военные действия против русской дивизии. В ответ на утверждение, что арест дипломатических представителей может вызвать войну, Ленин подчеркнул: наступает время, когда «народы, войны не желающие, сумеют всеми мерами войну предупредить». Румыны в конце концов выпустили на волю, но по спорному моменту договориться не удалось, так что конфликт обернулся разрывом дипломатических отношений и высылкой всего персонала посольства на родину.

...Некоторые представители британской миссии во главе с послом Бьюкененом (весьма колоритный его портрет, разумеется, в беллетризованном варианте оставил Сомерсет Моэм в одном из рассказов, посвящённых его службе в британской разведке и провальной миссии в Петроград) успели выехать в свой Туманный Альбион через Финляндию. Другим это не удалось. В получившей от Ленина независимость стране Суоми полыхали междоусобицы. Бельгийцы, скажем, несмотря на обещания и содействия будущего президента Маннергейма, на территорию, контролируемую финскими белогвардейцами, так и не попали и, помыкавшись несколько дней в Таммерфорсе (ныне Тампере), опять же оказались в Вологде. Окошко в Европу на время захлопнулось и домой им пришлось добираться через Владивосток.

...Первый посольский поезд отправился в Вологду 24 февраля. Сам Френсис оставался на «берегах Невы» ещё два дня и прибыл в город, о котором знал только, что в нём перекрещиваются железнодорожные магистрали, в последний день второго месяца 1918 года, заявив после прибытия в интервью «Вологодскому листку», что время пребывания зависит «от любезности немцев».

Несколькими днями спустя Френсис перешёл на более серьёзную почву, сказав корреспонденту той же газеты на ту же тему: «Следя моим личным желанием, я хотел бы оставаться в Вологде столько, на столько это соответствует интересам поста, который я занимаю и насколько, настолько это безопасно для меня, — я, конечно, не имею в виду боязни вреда или угрозы со стороны русского народа, а лишь со стороны нашего общего врага» (сохранена орфография публикации. — *О.Д.*). Очевидец событий утверждал, что «...большевики смотрели на отъезд союзнических посольств почти также, как игрок, теряющий туза».

За американцами последовала, так сказать, вся Антанта — представители Франции, Италии, Сербии, уже упоминавшейся Бельгии, посол которой именовал себя в беседах с вологжанами «другом Плеханова». Подальше от Петрограда устремились дипломаты Сиамы, Японии, Китая и представлявший свою страну в единственном лице бразилец. Правда, японский и китайский послы в Вологде задержались лишь на сутки, отбыв затем по Транссибу на восток.

Брестский мир, по которому Германия получила даже то, о чём и не мечтала до начала войны, которую мы знаем как «I-ю Мировую», был заключён 3 марта. Ленинское же правительство вместе с ЦК РКП(б) переехало (или скорее бежало) из «колыбели революции» неделей позднее, что стало для дипломатов полной неожиданностью. 15 марта Брестский мир со скрежетом, но всё же был ратифицирован и лишь тогда можно было заговорить о нахождении посольств и миссий вдали от Москвы как о коллективном протесте. С другой стороны посольства оказались и в несомненной самоизоляции, поскольку, как ядовито писал впоследствии свидетель посольской «эпопеи»: «Вологда была сонным провинциальным городом, где церквей было не меньше, чем жителей. В качестве связующего звена с Москвой Вологда была не полезнее, чем Северный полюс»...

Упомяну, что дипломатическая стезя для Вологды внезапной не была. В городе по сей день почитаем домик голландского купца Гутмана, где ныне располагается музей Петра I. Голландец, приютивший императора во время одной из поездок царя на Русский Север, исполнял попутно с коммерцией обязанности сопоставимые с консульскими. Есть и другой эффектный сюжет. Иван Грозный послал своим представителем в Англию вологодского купца Осипа Непею. Так что историческая почва города для прибытия миссия была вполне удобренной.

Самый вольный город

С точки зрения многих вологжан и, пожалуй, всех заполнявших Вологду беженцев появление миссий явилось несказанным благом. Особого ажиотажа в местной прессе, впрочем, не было. Изложение одной из бесед с Френсисом «Вологодский листок» поместил на куда более скромном месте, чем рекламу городского кинотеатра о «роскошной, боевой картине» «Дочь гонимого народа Лея Лифшиц». В любом случае с марта и до 26 июля восемнадцатого года, когда последние дипломаты отбыли в Архангельск, Вологда была едва ли не самым вольным городом революционной страны.

Кто только не уповал на дипломатов?! Защиты у них искали великие князья, высланные в город из Петрограда. Знаменитому историку Николаю Романову, видному нумизмату Георгию Романову, известному коннозаводчику Дмитрию Романову здесь жилось вполне безбедно. Их расстреляли уже позднее: историка в

Петрограде, остальных в Алапаевске... На дипломатические миссии с надеждой поглядывали и не зря бывшие офицеры царской армии, а их скопилось в городе более двух тысяч и притом многие были с семьями. Всех тянуло к Белому морю, куда ещё частенько приходили иностранные корабли, тянуло в Мурманск – к незапертым ещё наглухо северным воротам рухнувшей Империи.

Однако, кроме, так сказать, «осколков прошлого», в Вологде имелась весьма агрессивная к гостям революционная власть, которая быстро нашла поводы отточить зубы на неприкосновенных дипломатов. Всё-таки как ни относишься к знаменитому решению Ленина, выведшего Россию из войны наперекор союзникам и вопреки союзническим обязательствам, но вели себя в Вологде иноземные гости не всегда дипломатически. Большевикам не нравились сербы, хотя молва о том, что эта миссия частенько выдавала паспорта русским офицерам, готовым повоевать в Европе, документально не подтверждена. Сейчас, правда, нет сомнений, что именно по сербскому паспорту и в мундире сербского военного с эшеленом сербских же солдат проехал из Москвы через Вологду Керенский. А вот в чём сомневаться не приходится, так это в том, что транзиту добровольцев в Белую армию постоянно помогало вице-консульство Великобритании, о чём свидетельствуют документы, сохранившиеся в архиве управления ФСБ по Вологодской области. Есть и свидетельства очевидцев, о достоверности которых я, впрочем, судить не берусь, что некому «бывшему мичману» Якиманскому в консульстве поручили взрывать мосты и склонять к бунту отряд латышей. Бывший начальник Якиманского по службе на миноосце «Лихой» якобы получил британский паспорт на фамилию «Толсон».

Вполне вероятно, что здесь бывал и явно не терял времени даром пресловутый агент «Интеллидженс Сервис» Сидней Рейли. По мнению Александра Быкова, этот выходец из Одессы действовал под псевдонимом сотрудника британского вице-консульства Гиллесби. Много позднее за уцелевших очевидцев бывших событий взялись советские спецслужбы и в протоколах допроса домовладельца, у которого квартировал Гиллесби, оказалось упоминание, что его постоялец весьма любил переодевания, нередко облачаясь в одежды вологодского простолодина, играл в детях в городки, что не вполне соотносится с привычками классического британца, а однажды увиден был на реке в компании неизвестных, один из которого... походил на Бориса Савинкова. Этот Гиллесби (Гилезби, Гилэзби) вроде бы даже заплатил две тысячи рублей технику Вологодской губернской управы Тютчеву за подготовку статистических и экономических сведений по... Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой и части Новгородской губерний. Остаётся, правда, непонятным, откуда у скромного техника данные по соседним губерниям, отделённых от Вологодчины сотнями вёрст бездорожья...

Бывал ли в самом деле разрекламированный шпион в посольской Вологде? Стопроцентных подтверждений нет, но... Савинков уж точно применил свой убийственный талант к мятежам в Ярославле и Рыбинске. От них до Вологды рукой подать. А Борис Викторович новичком для вологжан явиться не мог, поскольку на заре своей революционной и террористической деятельности побывал здесь в качестве ссыльного и даже сделал первые шаги в литературе, именно в Вологде сочинив свой дебютный рассказ. Правда, с тех пор минуло уже лет пятнадцать, а к тому же ссыльные предпочитали общаться в основном друг с другом, не без презрительной заносчивости к коренным вологжанам. Если у него и оставались какие-то связи или знакомства, то не слишком весомые для реальной поддержки мятежа.

Имелись в городе и свои заговорщики, без контактов с дипломатами наверняка не обходившиеся. О планах антибольшевистского выступления, например, повествовала знаменитая «Красная книга ВЧК». Последние по счёту следы серьёзности намерений вологодского подполья отыскивались в начале девяностых годов прошлого века. Тогда в одном из старинных особнячков неподалёку от центра Вологды случайно нашли схрон с сотней лет малого бомб, как именовали в начале XX столетия круглые метательные снаряды – те самые, которыми в поэме Маяковского матросы играли «как в мячики». Но этот заговор (многие детали его раскрытия столь напоминают сцены из бульварных романов, что трудно отделаться мысли о фальсификации или приукрашивании реалий) всё-таки тема другого повествования. Кое о чём хотя бы юмора ради упомяну. Заговорщики якобы метили своих золотыми пуговицами, по которым прибывающие в Вологду могли сразу опознавать нужных людей. Интересно, кого в первую очередь привлекала такая маркировка – выходивших из вагонов офицеров или тех, кто их выслеживал. Потом на смену золотым пуговицам пришла сигнализация поэкстравагантней?! Конспираторы на том же вокзале вроде бы принялись салютовать друг другу тростями, как шашками. Существовал при этом и пароль с вычерчиваемой в воздухе буквой «П». При этом надо было изобразить тройную дату дня и опять же утроенное число месяца. Интересно, как мог бы воспринят был такой «дирижёр» патрулями красных и агентами ЧК? Лично я ничуть не сомневаюсь, что для размахавшихся подобным образом тут же открывалась прямая дорога в «чрезвычайку», если не в сумасшедший дом.

Из более серьёзных замыслов упомяну о планах формирования «британско-славянских легионов». В любом случае до открытого выступления дело не дошло, хотя – сошлюсь на современника – «Вологда даже больше, чем Лондон и Париж, жила чудовищными антибольшевистскими слухами». И куда смиренной Вологде было деваться, если власти даже запретили с 8 часов вечера оставлять свет в окнах под угрозой стрельбы по ним. Беспечные горожане поначалу не приняли это всерьёз, но вскоре

принялись понадёжнее задёргивать шторы и обзаводиться ставнями, так как патрули и впрямь принялись за пальбу, хотя стёкла вроде всё же щадили, стреляя в воздух или по звёздам. Но сам по себе запрет всё же загадочен и напоминает манию преследования. Как-никак, а эра воздушных налётов на Русском Севере наступила только в 1941 году и светомаскировка была совершенно бессмысленной.

Семейный подряд наркома Кедрова

«Я много раз думал, – писал многими десятилетиями позднее писатель-мученик Варлам Шаламов, юные годы проведший в Вологде, – почему в... таком традиционном свободолюбивом городе не было ни одного восстания, ни одного мятежа против новой власти...

Объяснение это в жестоком терроре, осадном положении, в котором город находился, в видах предварительной цензуры, что ли.

Человеком, возглавившим и организовавшим этот террор, был Кедров, командующий Северным фронтом, председатель известной «Ревизии»...

Странный человек был Кедров – Шигалев (имеется в виду персонаж романа Ф. Достоевского «Бесы», высказывавшийся за уничтожение миллионов людей ради достижения революционных целей. – *О.Д.*) нашей современности, Шигалев – в таком невероятном сочетании, явившийся на вологодскую, русскую, мировую сцену... Кедров был не только Шигалевым. Тут было нечто пострашнее... Врач, учившийся в Брюсселе, где учат не только лечебным знаниям, но и гуманизму. Музыкант, окончивший консерваторию по классу рояля, сам вдохновенный пианист, развлекавший Ленина глубочайшим исполнением «Аппассионаты» ещё на швейцарских вечеринках...

Знаменитый военный руководитель, командующий Северным фронтом, а когда его сняли, через месяц после командования, он уже успел расстрелять немало людей...

Именно Кедрову принадлежит идея регулярных обысков, облав, проверок...

В 1918 году в Вологде аресты шли день и ночь...

Рыночная площадь была переименована в площадь «Борьбы со спекуляцией». Там шла борьба со спекуляцией. Но не только она.

Я – десятилетний мальчик – торговал пирожками и заметил, что особенно много скоплялось людей вокруг самодельной рулетки... Хозяин портативного Монтекарло был всегда настороже, чтобы подхватить табуретку и сигать через забор при тревоге. Действительно, не проходил и день, как свисток звенел, раздавался крик: ««Облава!», и всех загоняли в подворотню ярмарочного дома и процеживали по человеку. Вскоре я с удивлением заметил, что рулеточника, во всяком случае, не ищут – он возвращался после каждой облавы на то же место. Возможно, он давал взятки... Но возможно и другое.

Рулетка была постоянной приманкой, развлечением приезжих, которых-то и ловила кедровская ревизия – бывших офицеров и прочее.

С помощью табуретки Монтекарло Кедров пытался нащупать и прервать связи с дипломатическим корпусом, который жил тогда в Вологде...

Конечно, я видел знаменитый вагон Кедрова, стоявший на запасном пути у вокзала, где Кедров творил суд и расправу.

Я не видел лично расстрелов, сам в кедровских подвалах не сидел. Но весь город дышал тяжело. Его горло было сдавлено»...

«Советская ревизия», о которой идёт речь, была явлением страшноватым даже по меркам тех лет. Полномочия её членов были воистину безграничными, разрешения казнить или милловать они никого не спрашивали, а для исполнения приговоров и прочих карательно-охранных надобностей «Ревизии» был придан отряд из тридцати трёх латышских стрелков. Эти тридцать три, так сказать, небогатыря так запомнились вологжанам, что вошли даже в фольклор: среди рассекреченных документов управления ФСБ по Вологодской области имеется нечто вроде апокрифической поэмы, в которой перечисляются напасти тех лет и в том числе «... изуверы латыши, не имевшие души».

Что же касается «кедровского вагона», упомянутого Шаламовым, то этот пульман стоял примерно метрах в трёхстах правее вологодского вокзала. По мрачной иронии судьбы в этом тупичке несколько лет назад разместили вагон, в котором по России провезли доставленные из Иерусалима мощи великой княгини Елизаветы Фёдоровны – вдовы убитого Иваном Каляевым великого князя Сергея. Каляева на этот теракт «благословил» Савинков, прибывавший ранее на вологодский вокзал и уезжавший с него. И праведнице, и одному из виновников смерти её мужа довелось побывать на одном пятачке земли...

«Советская ревизия» появилась в Вологде 5 июня и пробыла в городе до 6 августа 1918 года. Весьма небезынтересен её основной состав. Секретарём этого организационно-карательного органа Кедров назначил собственного племянника Артура Фраучи, в том же году взявшего фамилию Артузов. Под ней он несколько позднее стал активным разработчиком и осуществителем «Операции «Трест», пышно разрекламированной в одноимённом телесериале 60-х годов XX века, где в роли Артузова блистал Армен Джигарханян. Впереди у Артузова-Фраучи была и служба в разведупре РККА, когда он успел даже поруководить Рихардом Зорге и Шандором Радо. Но в пору труженичества под началом Кедрова он только оставил инженерную стезю и, пожалуй, не предвкушал прославившей и погубившей его впоследствии чекистской карьеры. А вот фельдъегерем «Ревизии», доставлявшим отчёты прямо в руки Ленина, был родной сын председателя от первого брака Бонифатий Кедров (подомашнему «Боня»), ставший через несколько десятилетий академиком АН СССР, директором

Института философии, известным толкователем философского наследия Ильича.

Итак, на четырнадцать человек приходилось три близких родственника. Но кроме них в том самом вагоне обитала и гражданская жена Кедрова Пластинина, о жестокости которой по сию пору в Вологде ходят легенды. Этому-то семейному подряду и предстояло вершить суд и расправу, проводить мобилизацию, изыскивать ещё не разграбленные после октября 1917 года ресурсы, добиваться стабилизации фронта и прочая, прочая.

О моральном облике братии, на которую опирался зачастую глава «Советской ревизии», можно судить по его собственному признанию, сделанному десятилетием спустя в книге «За советский север», об отряде из 65 штыков, отправленном из Усть-Сысольска на Печору под началом некоего Мандельбаума: командир этих, с позволения сказать, «комсомольцев-добровольцев» «...своими жестокими и преступными действиями восстановил против советской власти печорское население, которое даже в 1923 году... с ужасом и ненавистью вспоминало о нём. Мандельбаум был предан революционному трибуналу и понёс заслуженную кару». Поскольку в те годы обладатель мандата за подписью наркома считался персоной практически неприкасаемой, то мне лично трудно даже представить, что натворили обладатели этих шести с половиной десятков винтовок на своём революционном пути...

Одной из первоначальных задач Кедрова, в чём-то превосходившей все остальные, была, так сказать, самогонно-спиртовая. В Череповце (120 километров от Вологды) оставались почти неразграбленными огромные запасы спирта. Не будем забывать, что Советская Россия в ту пору практически ничего не производила, проедавая остатки достояния, унаследованного от Николаевской России и России Временного правительства. Спирт же на войне товар первостатейный даже без учёта его пьянящих свойств. А в условиях «сухого закона» интерес к нему вообще трудно выразить в любой системе ценностей. Дело дошло до «пьяного бунта». Читатели старших поколений, может быть, вспомнят стариннейший (1960-е годы) по нынешним восприятиям фильм о гражданской войне на юге России «Кочубей», в одной из сцен которого лихие красноармейцы палили из маузеров по цистерне со спиртом, подставляли под струйки хмельного зелья котелки и тут же потребляли натёкшую через пробоины жидкость неразбавленной.

Что-то подобное было и в Череповце. По свидетельству самого наркома, на вокзале Вологды тоже редкий эшелон оказывался неспоеным. Пьяные дебоши, стрельба, аресты командиров были в порядке вещей. Латыши в отношениях с алкоголем темой вели себя приличней, но с точки зрения общечеловеческих приличий трезвенники порой бывают хуже пьяниц: об одном из начальников отрядов Кедров отозвался как о человеке, готовом идти на всякое предательство, лишь бы ему хорошо заплатили».

Кедров-младший в отличие от отца, родного брата Игоря и двоюродного брата Фраучи-Артузова, расстрелянных в пору «Большого террора», дожил до сентября 1985 года. За полгода до кончины академика редакция одной из ведущих центральных газет, где я в ту пору работал, поручила мне подготовить за его подписью статью о «Философских тетрадах» Ленина.

Бонифатий Михайлович уже перешагнул восьмой десяток, а потому и подвержен был хворям. Часа через полтора упорных перезвонов с Академией наук я выяснил, что со здоровьем знатока ленинской диалектики наметился очередной сбой, вследствие чего ветерана материалистической философии госпитализировали в номенклатурной больнице в тылах столичного универмага «Москва» на Ленинском проспекте.

В регистратуре у меня проверили документы, остались недовольны временной аспирантской пропиской и пригласили для окончательного решения насчёт допуска в палату мрачного, объёмистого товарища в чёрном пиджаке с дырками от снятых по скромности или ненадобности каждодневного ношения наград.

Консультант, комплекция которого сопоставима была с двумя зачем-то объединившимися телефонными будками, поизучал на просвет страницы моего паспорта, с лупой поразглядывал удостоверение и со вздохом приказал пропустить.

В академической палате с персональным телефоном, подсобкой для секретаря и ванной, было весьма многолюдно. Сам изучатель «Философских тетрадей» восседал на венском стуле посреди своих больничных апартаментов в окружении синевласой дамы, в которой я угадал жену, девицы в оранжевых гольфах и нескольких женских особей в белых халатах. Юная в сравнении с другими «гольфистка» экспрессно чиркала карандашиком в блокноте, записывая академические наставления по поводу торга из-за гонорара с Политиздатом, а моложавая супруга с отрепетированной за долгие годы озабоченностью, доверительно внимала молодой, однако же солидной врачухе, объяснявшей ей тонкости толкования только что полученных анализов. Две остальных медички тоже пребывали при деле. Одна только что замерила кровяное давление и упрятывала в коробку потребную для этого медицинскую канитель, а другая набирала в стеклянный цилиндрик шприца какую-то бесцветную жидкость.

Толкователь ленинского наследия, с ненавистью глядя на экзекуторшу, не прекращал инструктировать секретаршу. Затем, не вставая со стула, а лишь перенеся центр тяжести тела на одну из двух ягодиц, он приподнял халат и предоставил вторую под удар иглой, крикнул от мимолётной боли и счёл, что пришло время поинтересоваться моей персоной. «Вы насчёт статьи, – поинтересовался он после дежурных приветствий, – нет у меня времени, его вообще мало осталось, слушайте и запоминайте, потом запишите и принесёте!» Выпалив эту тираду, он

Сидней Рейли

пересел к столу, встряхнул весьма полноволосяй, седой гривой, и повелительно ткнул пальцем в сторону расчехлённого мной диктофона. «Вот эта рука, – воскликнул академик с выражением, – касалась руки Ильича! Ленин шёл к балконным дверям того дома, где сейчас Моссовет. Был митинг и все ждали его речи. Мой отец тоже ждал, но не речи, а паузы, чтобы доложить, как же дела обстоят на севере. Владимир Ильич приостановился, чтобы выслушать его, заметил меня и всерьёз, словно взрослому, пожал мне руку».

«Я неделю рук не мыл после этой минуты, – продолжил бывший Боня гордо, – не мыл бы и больше, но мать заметила и, как я её не убеждал, не плакал, не заклинал: «Мама, Ленин так велик, что обеззаразит что угодно – она заставила меня их мыть и даже с мылом! И не насильно, нет, а убеждением. Красноречием она не уступала эсэрам... Какие они были говоруны, особенно в Вологде, где отец наводил порядок в городской думе... Там без красноречия было не обойтись, особенно, когда он имел дело с иностранными посольствами. С каким трудом их удалось выжить»...

Он говорил об этой истории ещё довольно долго, и я не без труда переключил Бонифатия Михайловича на «Философские тетради», о чём по сию пору сожалею. Увы, в ту встречу мне и в голову не могло прийти, что я сам окажусь надолго в Вологде корреспондентом ТАСС, заинтересуюсь «посольским» периодом истории древнего города и воспоминания академика о фельдъегерской службе в «Советской ревизии» будут намного драгоценней его копаний в ленинских конспектах. Кое-что он всё же успел рассказать, а я запомнить...

Кадровый агент и неофициальный представитель

Имя Рейли обычно упоминают в связи с так называемым «Заговором послов», как пышно именуется неудавшаяся попытка устранить Ленина и Троцкого руками и штыками латышских стрелков. Но главный организатор этого несвершившегося переворота послом не был.

Роберта Брюса Локкарта, о котором идёт речь, и дипломатом-то назвать можно с натяжкой. Настоящий посол уехал ещё зимой вместе с большинством сотрудников дипмиссии, о чём уже говорилось выше. Локкарт же, будучи кадровым разведчиком, обладал попутно довольно абстрактным статусом неофициального представителя. В Вологде он постоянно не жил, но наезжал. Все дипломаты пребывали в жёсткой оппозиции Советскому правительству, но Локкарт всё же предпринимал некоторые попытки наведения мостов между Великобританией и Кремлём, поскольку большевистское руководство тогда хваталось за кого угодно. Ничего реального из этого не вышло, потому наверно и решено было попытаться использовать латышей. Чекисты попытку пресекли, Локкарт скрылся, но в какой степени оповещал он о своих затеях американца Френсиса и француза Нуланса, остаётся только догадываться. В Москве его конфиденты уж точно не появлялись, так что сцена из киноленты 60-х годов, когда дипломат суёт леденец ребёнку, а мать голодного создания подачку гневно отвергает, был явно высосана из пальца сценаристами Рижской киностудии... В любом случае этот эпизод тайной войны логичнее было бы именовать «Заговором двух послов и одного внештатного сотрудника МИДа Соединённого Королевства».

Словом, причин любить послов у советской власти не имелось. Другое дело, что сама эта власть вела себя просто непотребно к официальным представителям мировых держав и государств поскромнее. Они терпели, терпели и, наконец, выплеснули негодование посредством печатного станка...

Двадцатистраничную брошюрку под скучным названием «Официальная переписка Дипломатического корпуса в Вологде с Народным Комиссариатом по Иностранным Делах по вопросу о переезде первого из Вологды в Москву» по счастливой случайности отыскал вологодский коллекционер Геннадий Белинский. Пять таких книжиц схоронились под кровлей дома, в котором во времена не столь отдалённые располагалась вологодская «чека». Это обстоятельство неизбежно прибавляет загадочности. С чего это вдруг кто-то из церберов безопасности большевистского режима России упрятал крамольное издание на ведомственном чердаке?! Был ли он тайным инакомыслящим, заботившимся о сбережении уникального свидетельства взаимоотношений дипломатии нового строя и дипломатии мира капита-

ла? Рассчитывал ли на приработок, надеясь позднее продать каким-то образом сбережённое в дипломатические миссии, которые этой «Перепиской...» могли и не располагать, поскольку весь тираж из типографии увезли не заказчикам, а в ЧК, после чего сожгли под строжайшим присмотром. Как бы то ни было, но брошюрка была приговорена к уничтожению и несколько экземпляров, чудом избежавших пламени, иначе как сверхраритетами не назовёшь.

Первая страница уникального издания открывается не как-нибудь, а обращением к «Русскому народу». Искушённые в дипломатии авторы заявляют, что вынуждены прибегнуть к такому методу информирования о конфликте «ввиду того, что газетам в Вологде и повсеместно в России было запрещено помещать какие-либо интервью с Союзными Послами... без предварительного просмотра таковых цензурой».

Представителям демократических государств, привыкшим к свободе слова, такие условия по душе не пришлись, и они попытались распространить свои несогласия. Аргументы в пользу уклонения от переезда в Москву сводились к тому, будет ли безопасно в Москве? Не думаю, что иноземные гости так уж тревожились за свои жизни. Правда, за две с небольшим недели до их окончательного отъезда из Советской России левый эсэр и чекист Яков Блюмкин совершил убийственное покушение на германского посла графа Мирбаха. Но Блюмкин и его партийные товарищи выступали как раз против Брестского мира, так что террористы этого лагеря послам явно не угрожали. Какую-то роль играли и бытовые причины – уезжали-то послы из Петрограда, когда Москва ещё не вернула себе статус столицы. Теперь же вместо возвращения в обжитые особняки «Града Петрова» им пришлось бы заново обустраиваться в непривычных условиях.

Но комфорт на исторических поворотах – дело десятое. Видимо, удобное расположение Вологды между Архангельском и Москвой побуждало упрямо оставаться в тихой провинции. Могло, правда, показаться, что дипломаты надеются на будущую интервенцию. Они и впрямь не могли не знать о грядущей высадке американцев и англичан в Архангельске. Как было им оставаться в неведении, если Френсис был её инициатором. 2 мая он отослал в своё правительство зашифрованную телеграмму о необходимости военного вмешательства...

Но, судя по данным ЧК, сама по себе интервенция может быть и радовала, но последствия её смущали. В скорое прибытие союзников к Вологде дипломаты не очень-то верили. Чекистские записи тайных совещаний гласят, что дипломатов очень тревожила перспектива оказаться в роли заложников... Некоторые вообще опасались, что союзники захватят Вологду лишь через месяц... И оказались-таки правы в сомнениях, поскольку интервенты сюда вообще не добрались. Не зря же Ленин телеграфно подстёгивал Кедрова во что бы то ни стало удержать Котлас, после падения которого

дорога на Вологду была бы открыта.

...В общем и в целом послам в Москву не хотелось и пошли писать Чрезвычайные и Полномочные! Посол Соединённых Штатов Америки Френсис наркому иностранных дел Чичерину: «...почему вы считаете наше дальнейшее пребывание в Вологде небезопасным или неуместным? Мы не боимся русского народа... и мы имеем полное доверие к населению Вологды. Единственное беспокойство, испытываемое нами, относится к силам центральной империй, с которыми мы находимся в состоянии войны, но, по нашему мнению, занятие ими Москвы представляется значительно более вероятным, чем занятие Вологды».

Чичерина аргументация Френсиса не впечатлила, а слова о гипотетическом появлении немецких войск в Москве и подавно у наркома ничего, кроме раздражения, вызвать не могли. Поэтому послы тут же получили телеграмму с утверждением, что только Москву Правительство считает «городом, в котором... безопасность могла бы быть обеспечена». Двумя днями позднее в Вологде объявился управляющий отделом Центральной Европы Наркоминдела Карл Радек. Этот небезызвестный авантюрист от революции, прибывший в Россию вместе с Лениным в пресловутом «запломбированном вагоне», уже пытался войти в историю дипломатии, собравшись поучаствовать в брестских переговорах, но Польша, в состав которой тогда входил Брест-Литовский, пересечь свою границу ему не позволила как подданному Австро-Венгрии. Остаётся загадкой, а выправил ли Радек ко времени вологодского вояжа гражданство Советской России или влиял на политику нового отечества в качестве иностранца с паспортом враждебного государства? В любом случае идеи этого эмиссара послам было предложено из Москвы воспринимать с «теми же чувствами взаимной дружбы и благожелательства, с каковыми таковые предложены».

У резиденций послов между тем появилась стража, которую они отнюдь не собирались принимать за почётный караул. Дуайен Френсис поинтересовался, кого можно принимать в качестве «...лиц, приглашаемых... в качестве гостей?», на что получил ответ Радека: «Для русских нет никаких затруднений. Что касается русских, то мы просим сообщить нам их имена...». Введение пропускной, по сути дела, системы, для дипломатов само по себе не могло быть в радость, а тут ещё примешивались личные мотивы. Многие из них явились в Вологду без семей и вскорости обросли знакомствами, которые иначе как интимными не назвать. В конце девяностых годов минувшего столетия мне как-то показывали смуглолицего пожилого человека, которого молва именвала потомком весьма любвеобильного бразильского посла...

«Он свёл искусство дипломатии к простой формуле: «Не делайте ничего – и повышения, и награды обеспечены», – ядовито отзывался впоследствии о личности латиноамериканца Локкарт. И далее: «Днём он спал, а ночью играл в карты. Когда американский посол упрекал его

в бездействии, он поднимал страшный шум, доказывая, что его телеграфный счёт больше американского. В этом он был прав. Правда, с февраля 1917 года он послал только одну телеграмму своему правительству, но стоила она свыше тысячи фунтов. Он перевёл и послал целиком по телеграфу в Рио всю первую речь Керенского о революции!»

Есть и другие воспоминания, при всей их тенденциозности занятые. Думается, что их следует воспринимать с неминуемыми скидками на откровенную недружелюбность, а то и враждебность авторов:

«...К сожалению, нельзя было организовать охрану так, чтобы... не нарушить заведённый порядок жизни высоких иностранцев... Заморские балерины и весёлые певички – единственные утешения сиятельных господ в это ужасное время голода, эпидемий и гражданской войны – не могли свободно и незаметно от взоров охраняющей посольство стражи выполнять свои совершенно секретные функции». Уж не знаю, как насчёт певичек, а вот откуда взялись в Вологде заморские балерины?

Кое-какие весьма правдоподобные слухи ходили и про самого дуайена. В этом отношении его слабости сильно на руку был посольский статус, позволявший без помех выдавать визы и выписывать паспорта. Говаривали, что несколько вологодских и оказавшихся транзитом в городе петроградских дам последовали за спасительными для многих внешними рубежами тем же образом, что и псевдосербы вкупе с псевдоподданными британской короны. Но в отличие от бразильца, которого из метрополии требованиями какого-либо рода, очевидно, не обременяли, Френсису всё-таки было посложней, так как Вашингтон российский проблемы без внимания не оставлял. В противном случае он, наверное, и не стал бы ввязываться в заговорщицкие интриги, ибо (опять сошлюсь на Локкарта) у него «...было полное отсутствие знания русских политических дел». Прожжённый разведчик даже пометил в дневнике: «Старик Френсис не отличает левого социал-революционера от картошки. Следует отдать ему справедливость. Он не обнаруживал никаких претензий на понимание положения... Его коньком были карты».

Главный надсмотрщик за дипломатами Карл Радек тоже, видимо, аскетизмом не отличался. Во всяком случае ту же фамилию кое-кто в Вологде носил ещё с полвека назад, но в конце концов от неё избавился.

От ультиматумов к нотам

Положительного ответа на телеграмму Чичерина не последовало, но столица без послов обходиться никак не желала. Наркоминдел телеграфно заявил, что «...ваше дальнейшее пребывание в Вологде невозможно». Ещё через пару дней Чичерин слегка смягчил тон и назвал свою первую телеграмму всего лишь «приглашением». После этого дипломатам пришлось смириться с тем, что на вологод-

ском телеграфе отказались принимать от них шифрограммы.

Но неуступчивость всё же произвела впечатление. Радеку пришлось на время отказаться от языка ультиматумов и обратиться к классическому дипломатическому жанру ноты, написанной в довольно топорном стиле, резко отличающемся от его более поздней и весьма грамотной советской публицистики: «Когда я писал о невозможности пребывания послов в Вологде, я имел в виду независимую от нашей воли фактическую невозможность вследствие положения дел в этой местности... каждый день лишнего пребывания послов в Вологде чреват возможностью катастрофы... Если почему-либо Москва не нравится Послам, мы можем предложить им под Москвой красивые, удобные дачи...». Знакомясь с этим косноязычным потоком сознания, я не мог надивиться тем невероятным отличием этих радековских перлов от качественного стиля его статей, появившейся полутора десятками лет позднее на страницах «Известий». Вот и гадай – то ли правщики авторских оригиналов в этой газете были хороши, то ли Радек к тридцатым годам подучил русский язык до совершенства?..

Послы всё же не заспешили клюнуть на веле-речивые посулы, и московский эмиссар, которому явно наскучила Вологда, отбыл обратно, направив Френсису очередную и столько путано, как и первая, сочинённую ноту, смахивающую на угрозу: «Мною переданы местным властям точные инструкции для защиты Вашей безопасности, настолько таковая может быть ограждена в этом городишке... Учреждённая в Вологде Чрезвычайная Комиссия для борьбы с контрреволюцией будет руководить охраной Вашей безопасности. Нам очень неприятно, что идилическому Вашему пребыванию в Вологде должен уступить место более регламентированный быт, но и в странах Вашей война такую регламентацию сделала необходимой, мы же в России находимся в неустанной войне на всех фронтах».

В это самое время англичане высадили десант в Мурманске и дипломаты в ответ заявили, «...это не предпринимается с целью борьбы с русским народом, а единственно для сопротивления захватам наших общих врагов». Подписи поставили восемь посланников, включая поверенного в делах Бразилии де-Вианна-Кельче и поверенного в делах Японии Марумо. Кое-какая истина в их заявлении имела. В северных портах скопилось немало военных грузов, доставленных из стран Антанты для переставшей уже существовать российской императорской армии. Пока у власти в том же Архангельске находилось правительство эсера Чайковского, союзникам за присланное ими оружие, обмундирование и продовольствие особо тревожиться не приходилось. Однако отдавать всё это большевикам они категорически не желали.

Одновременно с этой попыткой дипломатической хотя как-то противостоять прессингу советских властей редакция «Вологодского листка» получила извещение за подписями председателя

«Чрезвычайного революционного штаба» Ветошкина, «члена» того же штаба Саммера и секретаря Конде, в котором запрещалось публиковать «заявления или воззвания», исходящие «от проживающих в Вологде Иностранных Посольств...». Не допускались также публикации интервью, переписки «и т.д.». «Неисполнение сего требования повлечёт за собой безусловное закрытие газеты и другие кары», – страшил Ветошкин. «Вологодский листок» посольских стенограмм печатать не рискнул, но газету всё равно закрыли, как, впрочем, и все остальные небольшевицкие издания. Правда, произошло это уже после того, как дипломаты всё же отбыли к морю, чему предшествовали события, далёкие от любых трактовок протокольных правил.

Кедров после финальной беседы с Радеком, отбывшим в Москву, отправил к Френсису некоего ответственного работника «с покорной просьбой» всем миссиям всё-таки перебраться поближе к стенам Кремля или же вообще покинуть Вологду. Через несколько часов был получен ответ, из которого следовало, что «конференция союзных держав» постановила «выехать за пределы России». Кедрову ничего не оставалось, кроме как обязать вологодские власти приготовить поезд из международных вагонов и самому отбыть по другим делам в Архангельск. Своего несомненного провала он признавать не хотел и через десять лет трактовал события 1918 года следующим образом:

«Большого труда стоило выселить из города Вологды остатки иностранных миссий, всеми средствами оттягивавших свой выезд... Большую распорядительность проявил в данном деле губвоенком т. Медведев. В самый день отъезда важные господа заявили, что они лишены возможности выехать, так как у них нет прислуги... Тов. Медведев сам приехал им помогать. Вязал, таскал чемоданы, подсаживал господ секретарей и их дам в автомобиль. С изысканной предупредительностью запирали вагоны, в которых они размещались. Одним словом, оказывал «друзьям народа» почёт и уважением, лишь бы уехали поскорей». Посол Френсис в свою очередь утверждал в мемуарах, что большевики всячески старались задерживать дипломатов в качестве заложников.

Какие-то сомнения в разумности происходящего Кедров всё же испытал, иначе зачем ему было уже на обратном пути из Архангельска навещать дипломатов, с поездом которых его поезд оказался ненадолго на одном полустанке. Нарком зашёл в салон, где «несколько предводителей миссий изволили завтракать», оглядел богато для тех лет накрытый стол и справился, не может ли быть полезен. В ответ его через переводчика заверили в полном благополучии и показали на бутылки вина, белые галеты и вскрытые коробки сардин, красовавшиеся на скатерти. На этом они и распрощались.

В Архангельске дипмиссии пробыли двое суток и отбыли на Кандалакшу, «сбондив», по уверению «местных товарищей», которым пришлось «вести волынку» с иностранцами, из

Дэвид Френсис

таможни часть каких-то ценных грузов. Чья версия событий ближе к правдивости в большей степени, чья в меньшей – теперь уже не установить. Очевидно, стороны вполне стоили друг друга. Как бы то ни было, а в Москву никто из дипломатов так и не прибыл. Недолгую вылазку в столицу посланника Сербии, которого интересовало «положение сербских войск в России» можно в расчёт не принимать.

P.S. Проработав в Вологде собственным корреспондентом ТАСС почти два десятка лет, я заметил, что послы США, навещавшие город, воспринимали приглашения посетить музей дипкорпуса, размещавшегося в доме, где квартировало посольство, без малейшего энтузиазма. Одна из посольских дам на условиях анонимности сказала мне, что Френсису выпала непростая миссия, но столь категорично ссориться с властями страны пребывания, несмотря на идеологические несовместимости, ему все же не стоило.

Олег ДЗЮБА

Валерий ОРЛОВ

РУЖЬЁ ВАЛЕРИЯ ЧКАЛОВА

...У столика регистрации членов Нижегородского землячества в Москве, пришедших на торжественное собрание, посвящённое 100-летию со дня рождения Н.Н. Блохина, одна из женщин назвала свою фамилию:

– Чкалова.

Через несколько минут, выбрав подходящий момент, я подошёл к ней. Извинился, назвал себя. И робко поинтересовался: уж не имеет ли она какого-либо отношения к легендарному лётчику Валерию Павловичу Чкалову.

Женщина приветливо улыбнулась и ответила:

– Имею и, пожалуй, самое прямое. Я жена сына Валерия Чкалова – Игоря, мама внука Валерия Павловича – Валерия Игоревича и бабушка двух правнуков великого лётчика. Я говорю это с гордостью необыкновенной. Одному правнуку уже 21 год – это Игорь, Игорь Валерьевич. А младшему, Дмитрию, Дмитрию Валерьевичу, – 3 года. Это моя самая большая любовь.

Так мы познакомились с Инной Петровной Чкаловой, снохой великого пилота. Несмотря на свой солидный возраст (а ей уже 83), она энергична, общительна, полна жизненного интереса.

Следуя своему журналистскому любопытству, сразу же поинтересовался, чем занимается моя знаменитая знакомая.

– Я врач, – ответила Инна Петровна, – кандидат медицинских наук, академик Международной Академии Энергоинформационных наук. Сорок лет проработала в Российской Медицинской Академии наук, в Центральном институте усовершенствования врачей. Тут, по сути, прошла моя жизнь.

Двадцать лет работала на кафедре рефлексотерапии. Впервые в нашей стране мы начали готовить иглотерапевтов на терапевтической базе (раньше этим занимались только невропатологи). Я сама по профессии тера-

певт. И, как терапевт, обучала своих коллег иглоукальванию.

Одновременно с современной европейской медициной преподавала восточную медицину. И все лекции по восточной медицине – китайской, тибетской, индийской, а также старославянские ведические знания в научном плане тоже представляли огромный интерес.

– А сейчас что делаете? – поинтересовался я.

– Востребована и сейчас. Ведь накоплен огромный практический опыт, разработаны свои методики. Работая на кафедре, нельзя не выдавать научную продукцию. Много раз приходилось участвовать и выступать на международных конференциях в Москве, Ленинграде, Париже, Флоренции, Болгарии. Таким образом, сочетались практическая и научная деятельность, через мои руки прошло огромное количество пациентов. Поэтому на сегодня накоплен колоссальный и бесценный материал.

Клинические кафедры нашего института располагались в больнице Боткина, 17 кафедр тогда было. Там была и наша кафедра иглотерапии, где на высоком уровне велась учебная и лечебная работа. Здесь я и формировала свои системные подходы к концепции здоровья человека, которые дают возможность формировать действительно здоровье. Потому что здоровье и болезнь – это две большие разницы. Нужно не лечить болезни, а заниматься здоровьем. Огромный материал, которым я сейчас владею, нужно реализовывать на практике в интересах здоровья нации.

***

...На стенах рабочего кабинета Инны Петровны множество фотографий. И каждая – историческая, без всякого преувеличения. Хоть в учебники помещай.

Вот Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков на второй день после при-

лѣта в Ванкувер. Сидят за столом в новеньких костюмах, в которые их переодели гостеприимные американцы. Рядом те, кто первыми встречал их. В их числе – начальник местного гарнизона Джордж Маршалл. Эта фамилия станет после Великой Отечественной войны знаменитой на весь мир. «План Маршалла» – это его.

А вот большое групповое фото. На ней вся большая семья Чкаловых. На переднем плане – жена легендарного пилота, Ольга Эразовна. Вокруг неё дети – Игорь, Валерия, Ольга, сноха Инна, зятья, внуки, правнуки.

И тут же – очень знакомая с давних лет фотография. На ней Валерий Чкалов с охотничьей двустволкой. Впервые этот снимок я увидел много лет назад, когда работал корреспондентом газеты «Горьковская правда». В коллективе её журналистов тогда трудился известный фотограф Нисон Капелюш. Он был большим другом Чкалова. И когда тот приезжал в родной Василѣв (ныне город Чкаловск), что близ Горького, они вместе охотились и рыбачили. Один из моментов охоты и увековечил репортѣр.

Рядом с известной фотографией пилота снимок улыбающейся женщины с таким же, как у Чкалова, ружьѣм. Вглядываюсь внимательно в её приветливое лицо. Ба! Да это же Инна Петровна!

– Да, это я, – подтверждает моя собеседница. – И ружьѣ то самое...

– Но откуда у вас ружьѣ Валерия Чкалова?

– Его мне подарил Георгий Филиппович Байдуков. Оно должно было у него...

Само собой зашѣл разговор о взаимоотношениях семьи Инны Петровны с друзьями и кол-

Валерий Чкалов на охоте

легами Чкалова – Георгием Байдуковым и Александром Беляковым. Интересно, часто ли встречались с ними.

– Да, встречались мы довольно часто, – рассказывает Инна Петровна. – Они бывали в нашем доме, мы навещали их. Они бывали в нашей квартире практически на всех наших домашних праздниках.

– А какие это, если не секрет, праздники?

– Традиционно праздновались дни рождения домочадцев. Игорь умудрился родиться в Новогоднюю ночь. И поэтому у нас всегда и Новый год, и его день рождения отмечались одновременно. Как правило, в этот день мы не уходили никуда, во всяком случае, я не помню ни одного Нового года, который мы встречали вне дома.

Второй домашний праздник – это 6 февраля, мой день рождения. Тоже постоянно отмечался в кругу родных и друзей.

Очень большим торжеством было моѣ 50-летие. Не скромничая, скажу, выглядела я тогда очень хорошо. У меня было очень красивое, удивительное платье. Никогда не забуду этот день.

Собрался интересный и высокий круг друзей – Георгий Филиппович Байдуков с супругой Евгенией Сергеевной, Александр Васильевич и Ольга Павловна Беляковы. Был родной брат космонавта Георгия Берегового. Шумно, с цветами, с грузинским вином и с новой молодой женой вошѣл квартиру красивый и весѣлый грузинский генерал, лѣтчик. Я их встречаю у дверей. Очень запомнились его слова:

– Инна, какая ты красивая! Какое у тебя прекрасное платье! Смерть немецким оккупантам!

Я никогда не забуду эту фразу. Это был его высший комплимент – так понравилось платье лѣтнему генералу.

Я приняла его похвалу и была с ней согласна. Платьѣ, действительно, очень красивое, оно и сейчас на мне сидит и смотрится великолепно. В нём, кстати, я минувшим летом была на свадьбе у своей внучки Ксении. А первый раз это платье я одела на своѣ 50-летие.

Это по поводу семейных праздников. Отмечались, конечно, обязательно и дни рождения детей. Ну, и наши, традиционные праздники – 1 Мая, День Победы, 7 ноября. А так же дни рождения Валерия Павловича Чкалова.

Инна Петровна Чкалова

Я уже упоминала, что пока была жива Ольга Эразмовна, дни рождения Чкалова отмечались в её квартире. Когда её не стало, дни рождения Валерия Павловича стали отмечаться у нас дома. Приходили друзья, стол всегда был накрыт. Гостей в нашем доме постоянно было много.

У меня традиционное и резко выраженное качество гостеприимства. Потому что необыкновенным гостеприимством отличалась семья моей мамы, бабушки, дедушки. Они были коренными москвичами, и сейчас уже шестое поколение этой семьи живёт в Москве.

А готовила я всегда очень фундаментально и щедро накрывала свои столы. У меня были всегда обязательно зажаренные в духовке блюда – индейки, поросята, рыба (это пришло от моих родителей). Всегда были пироги. Эту традицию я тоже переняла от родителей.

– Инна Петровна, а вы сами-то часто ли бывали в гостях у Байдуковых и Беляковых?

– Не могу сказать, что часто, но мы с Игорем тоже гостили у них.

– Вы, безусловно, очень хлебосольны. А чем они потчевали вас?

– Они тоже очень гостеприимны и щедрый. Когда мы к ним приходили, то столы накрывались в традициях того времени. Тоже мясо, жаркое, заливные блюда.

Вообще, хочу сказать, что к Ольге Павловне Беляковой я часто приходила просто, как к старшей подруге, поговорить, посоветоваться в трудные периоды жизни. Секретничали... Её муж, Александр Васильевич, из религиозной семьи, человек высочайшей культуры и интеллекта, генерал, заведующий кафедрой вуза, профессор.

Общались мы и с женой Георгия Филипповича – Евгенией Сергеевной Байдуковой, были с ней в добрых отношениях. Когда она заболела, я часто приходила к ней как врач. Помогала, советовала, лечила.

Мне кажется, с этими женщинами я была в более близких отношениях, чем со свекровью... К сожалению, Ольга Эразмовна не сразу поняла меня, когда я говорила ей, что не признаю тезис её сына: «Каждый день должен быть праздником». Но последующие жизненные события подтвердили мои опасения, и свекровь стала на мою сторону...

Мы снова возвращаемся к теме ружья Валерия Чкалова.

– Это ружьё принадлежало второму пилоту Георгию Байдукову, и оно было во многих сложных перелётах их самолёта, – рассказывает Инна Петровна, – оно стало своеобразным талисманом экипажа. Долгие годы двустолка находилась дома у Георгия Филипповича. Но в 1993 году он сказал мне:

– Инна Петровна, я хочу отдать в вашу семью вещь, которую любил Валерий Павло-

вич. Думаю, это будет правильно и справедливо. Вскоре он принёс ружьё и дарственное письмо на него.

ДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

«Я, Байдуков Георгий Филиппович, передаю в дар Инне Петровне Чкаловой и Валерию Игоревичу Чкалову, внуку моего друга и командира нашего экипажа Валерия Павловича Чкалова, ружьё известной бельгийской фирмы Франкотта 12-го калибра № 13543 (разрешение № 962 от 29 ноября 1988 года УВД Ленинского р-на г. Москвы), которое летало с нами в беспосадочные перелёты на Дальний Восток (остров Удд, ныне остров Чкалов, 1936 года) и в США (г. Ванкувер, 1937 г.).

Я считаю, что это ружьё, с которым В.П. Чкалов запечатлён на известной фотографии на охоте, должно быть в семье Чкаловых, так как он охотился с этим ружьём и любил его.

Прилагается копия фотографии В.П. Чкалова на охоте с ружьём, разрешение на право хранения оружия.

Москва, 31 января 1993 года

Г.Ф. Байдуков.»

Но на этом наш разговор с Инной Петровной о близких товарищах Валерия Чкалова не окончился. Я сказал, что в 80-х годах, когда я работал уже в центральной газете «Правда» – органе ЦК КПСС, мне не раз приходилось встречаться и с Байдуковым, и с Беляковым. Да и с её мужем Игорем Валерьевичем тоже виделись и общались неоднократно. Сын прославленного лётчика всегда был желанным гостем в главной газете страны.

Много интересного нам, правдистам, рассказывал о Чкалове и его друзьях лётчик и писатель Феликс Чуев.

От него, в частности, мы узнали о таком эпизоде:

...На торжественном правительственном приёме в Кремле после легендарного перелёта кто-то из лётчиков, наполнив рюмку водкой, воскликнул:

– Товарищ Сталин! Байдукнём по чкалику белячка!

Сталину понравилось.

«Байдукнули». И не раз.

Любовь к Чкалову не может сравниться с тем сумасшествием, что наблюдается сейчас вокруг всевозможных поп-звёзд, ибо это была действительно любовь, она была всенародной, и думалось, что такие личности, как Чкалов, всегда будут поводами русского духа. К сожалению, случилось нечто другое...

А Байдуков прожил большую жизнь, не почивая на лаврах.

Ольга Эразмовна Чкалова, Игорь Валерьевич Чкалов, Георгий Филиппович Байдуков, Александр Васильевич Беляков

– Мой супруг, Игорь Валерьевич Чкалов, – рассказывает Инна Петровна, – долгие годы возглавлял Российский Чкаловский комитет. Я помогала ему организовывать и проводить различные мероприятия. Я была первой, с кем Игорь делился своими планами, мыслями, сомнениями.

Он подчёркивал, и я с ним полностью согласна, что только спустя годы начинаешь понимать, что трансарктический перелёт Валерия Чкалова, Георгия Байдукова и Александра Белякова из Москвы в Ванкувер был не только очередным мировым рекордом и фундаментом новых взаимоотношений между Россией и США, но и сыграл большую роль в создании антигитлеровской коалиции.

...Началась война.

В первые же дни боёв наша авиация потеряла на аэродромах половину самолётов. Но мало кто знает, что в июне 1941 года Сталин вызвал наших знаменитых лётчиков Байдукова, Громова и Юмашева и сообщил им, что Советский Союз нуждается в помощи Америки в авиационной технике, а Рузвельт наших дипломатов не принимает. «Я надеюсь, что он помнит перелёты Чкалова и Громова. Летите, добейтесь приёма и договоритесь о помощи», – поручил он им.

Они полетели, Рузвельт их принял, все вопросы были решены, и техника пошла. Не так ли, конкретно в деле, зародилась антигитлеровская коалиция?

В Европе и Америке много хвалебных слов говорится о так называемом «Плане Маршалла», а у нас никто не вспоминает, что когда советский «АНТ-25» приземлился на военной базе ВВС США в Ванкувере на аэродроме Пирсан Филд, начальником гарнизона был Джордж Маршалл. Он разместил советских лётчиков в собственном доме, опекал их, позаботился о гражданской одежде (лётчики были в полярной лётной форме) и в доверительной беседе сказал им: «То, что я первым встретил вас, будет известно всему миру, теперь моя карьера обеспечена». И не ошибся. Вскоре он стал государственным секретарём и автором «Плана Маршалла».

Сейчас его дом – «Маршалл Хаус» – муниципальная собственность Ванкувера. Там всё сохранено в том виде, как было в 1937 году. Молодые пары сочетаются браком у бюста Чкалова, в зале с камином, где был первый завтрак наших лётчиков, пьют шампанское... А в 1975 году в Ванкувере был открыт памятник на месте приземления трёх советских лётчиков. Так что, в смысле отношения к

истории, можно преклоняться перед американцам.

***

...Мне лично посчастливилось быть свидетелем того, как о своём втором полёте в Америку по заданию Сталина Георгий Филиппович Байдуков подробно рассказывал на встрече с нами, журналистами газеты «Правда».

Как уже упоминалось, тогда Рузвельт сразу же принял их в Вашингтоне – один.

– Наш министр обороны против того, чтобы вам помогать, но зато его первый заместитель – за. И мы будем иметь дело только с теми американцами, кто желает вам помочь.

На второй встрече присутствовал Гарриман, и Рузвельт сказал ему:

– Мы с лётчиками решили наши вопросы, а вы летите в Россию и выясните, чем ещё мы можем помочь Советскому Союзу.

Гарриман полетел в Москву, а Громов, Байдуков и Юмашев до ноября выбирали в Соединённых Штатах нужные для фронта самолёты. Рузвельт дал возможность посмотреть все, кроме одной машины – «летающей крепости», она считалась секретной, потому что на ней стоял прицел «норд амери-кэн».

– Это единственное препятствие, – сказал Рузвельт. – Будь я Сталиным, я бы устранил это препятствие за час, но у меня на этот прибор наложен запрет сената, хотя знаю, что немцы прицел у нас выкрали, улучшили и поставили на четырёхмоторные «фоккевульф», которые бомбят Москву. Слетайте в Лос-Анджелес, посмотрите схемы, привезите свой прицел, и всё, что можно, мы для вас сделаем.

В Лос-Анджелесе конструктор прибора сказал ётчикам:

– Присылайте прицел, мы его переделаем для вас, но раньше чем через полгода не успеем.

– Поэтому мы не привезли «крепость», – рассказывал Байдуков. – А привезли Би-25, Би-26, «Киттихавк», «Томогавк», «Эрkobру», на которой потом работал Покрышкин.

Байдуков сам испытывал «Кобру» в США и заставил американцев переделать её с пулёметного на пушечное вооружение.

Вернулись из Америки – немцы под Москвой. Положение самое критическое.

Доложили Сталину: задание выполнено. Он поблагодарил:

– Ну что, желаю вам удачи и счастливого пути к своим конструкторам, заводам, вы же заводские лётчики, а нам позарез нужна новая техника!

– Товарищ Сталин, мы не можем на заводы, – возразил Громов.

– Как не можете? Вы же лётчики-испытатели!

– Кроме того, мы офицеры, командиры, противник рядышком, а мы уедем куда-то в тыл, – добавил Байдуков.

– Ну, а что ваш тыл? Лётчики-испытатели бьются больше, чем на фронте, – заметил Ворошилов.

– Это правильно, процент гибели лётчиков-испытателей сейчас очень высок, потому что всё время идёт новая техника. Но нам совесть не позволяет оставаться в тылу, – сказал Громов.

Сталин посмотрел на лётчиков как на чудачков:

– Вы что, думаете, армия без вас не обойдётся?

– Товарищ Сталин, армия без нас обойдётся, но мы без армии не можем обойтись, – сказал Байдуков. – К тому ж мы воевали – и басмачей немножко пощупали, и на Финской я, скажем, был.

Сталин смутился, позвонил куда-то и говорит:

– Товарищ Громов, вы на дивизию согласны?

– Это большая честь.

Сталин поставил его на дивизию вместо Руденко, которого повысил.

– А вы, товарищ Байдуков, будете комиссаром этой дивизии.

– Всё, что хотите, товарищ Сталин, но только не это, – встрепенулся Байдуков, – у нас разные характеры, принципиальные расхождения. Мы завтра же переругаемся, и я на него начну строчить письма.

Сталин ещё раз позвонил.

– А заместителем товарища Громова по лётной части? – спросил Сталин Байдукова.

– С удовольствием.

Вскоре Громова назначили командующим авиацией Калининского фронта, а Байдуков стал командиром этой дивизии – 1-й смешанной авиационной, её Руденко пригнал из Читы. Дивизия входила в состав Калининского фронта, который формировался во главе с И.С. Коневым. Когда противник близко подошёл к Москве, Калининский фронт сыграл свою роль...

В боях за Москву, вспоминал Георгий Филиппович, ему пришлось познакомиться со штурмовиками Ил-2. И не просто полетать, но и побомбить, пострелять, посмотреть, на что способен этот самолёт в бою.

На фронте говорили о генерале Байдукове, как об удивительно храбром лётчике. Будучи командиром дивизии, а затем и корпуса, он, в отличие от многих других военачальников такого ранга, сам летал на боевые задания под фамилией «Иванов». Может, это и не дело командира корпуса, но у лётчиков такое весьма ценилось.

Командующий Калининским фронтом

Конев был человеком крутым, по мнению многих знавших его даже – жестоким. И не терпел возражений. Мог под горячую руку и врезать по физиономии.

– Мы перебазировались на новый аэродром, – вспоминал Байдуков. – В это время шли дожди, стоянки были до того заболочены, что нужно было класть жерди, чтобы вырулить на центральную часть аэродрома, которая подсыхала на возвышенности. Даже тягачами вытаскивали самолёты из капониров.

...В самый разгар проливных дождей начальник штаба полка докладывает: «Требуют вылета штурмовиков». Я спрашиваю: «А как аэродром? Не готов? Отменить вылеты». Дело в том, что гружённые бомбами тяжёлые самолёты не смогли бы взлететь и врезались бы в окружающий нас лес. Это подтвердил и рискованный эксперимент, который мы провели.

Байдуков сказал командиру полка:

– Заправляйте самолёт, полное боевое снаряжение, покажите взлёт. Бомбы сбросите в лесу.

Он побледнел, понимает, что не взлетит. Плохо себя почувствовал. Взяли обыкновенного строевого лётчика. Вижу – не оторваться ему. И закатился в лес. Крылья отлетели, а парень цел...

Так что отказ от взлётов не был моей прихотью, я берёг штурмовики...

Но последовало второе приказание – от начальника ВВС Калининского фронта Громова. Я вновь говорю: «Отменить!» Тогда сообщают: «Командующий фронтом Конев приказал». Я говорю: «Отменить!»

Все записи переговоров с начальством Байдуков держал в кармане, знал – припомнится.

Действительно, скоро вызвали на Военный совет фронта. Снега огромной высоты, до Сафонова добирались на «полуторке». Прибыли. Из избы выходит Матвей Захаров, начальник штаба, будущий маршал Советского Союза, вытирает кровь из носа: «Ударил, сволочь!»

Затем вызвали Байдукова:

– Авиация, заходи!

Стоя посредине избы, Конев сурово спросил Байдукова:

– Почему вы не разрешили вылетать штурмовикам? – И назвал число.

– Очень просто. Мы бы побили самолёты, не нанеся противнику никакого вреда. На взлёте многие влетали бы в лес!

Конев посмотрел на комиссара штаба ВВС:

– Так что ж ты, б.., мне морочил голову?

У Конева гнев пошёл на спад.

– А что вы смотрите в окно? – спросил Иван Степанович Байдукова.

– Мы приехали на «полуторке», боюсь, чтоб её не спёрли.

– Какая «полуторка»?

– Та, на которой мы приехали. Я у вас единственный командир дивизии, у которого нет машины. Когда стали формировать ВВС фронта, все туда утащили.

Конев повернулся к члену Военного совета:

– Ты вчера чем из Москвы приехал?

– На «Форде-восьмёрке».

– «Форд-восьмёрка» как? – спросил Конев у Байдукова.

– Знаю по Америке. Хорошая машина.

– Берёшь?

– Беру. Только у меня и шофёра нет. Шофёр грузовой, с «полуторки».

– Давай ему отдадим и шофёра! – решил Конев.

Тихо, мирно попрощались. Байдуков вышел последним, не торопясь, и услышал себе в след:

– Товарищ Байдуков! Повернулся, подошёл к Коневу.

– Знаешь, что я хочу тебе сказать, – произнёс командующий фронтом. – Хотя ты и национальный герой, и у тебя большие заслуги, на фронте тебе скидки никакой не будет!

– Господи! – воскликнул Байдуков. – Что вы говорите? Война есть война, а лётчики на такой горячей работе, что мы и войны-то не боимся, потому что где-нибудь нас и так придушит аэроплан!..

...Георгий Филиппович с улыбкой посмотрел на слушающих его журналистов. А у нас у всех на языке вертелся один «неудобный» вопрос. И вот кто-то из правдивых, не выдержав, задал его:

– А если бы Конев вас ударил, как Захарова?

– Я бы тогда пистолет вытащил!

***

Вскоре после встречи в редакции нам с Феликсом Чуевым довелось побывать дома у Георгия Филипповича. Это был 1988 год.

...На стенах комнаты, где мы разговаривали, фотографии, связанные с перелётами, американские встречи. Похороны Чкалова. В сильный мороз Молотов и Сталин несут урну. Сталин в шапке с опущенными ушами, в шинели и сапогах, за ним Байдуков в валенках...

– Эту комнату я подготовил, чтобы принять здесь американцев. Но их сюда не пустили, испугались, что они будут подслушивать. У некоторых в нашем доме есть «вертушки», – говорил нам Байдуков. – Глупость, конечно... – И продолжил:

– В 1987 году мне предложили полететь в США на 50-летие наших перелётов, но маршрут был обычный, туристский, и я отказался. Как это я полечу не через полюс? 50 лет назад мы на том «драндулете» долетели, а

сейчас – на современном лайнере – мне говорят: «Опасно!»

Вспомнилось, как Байдукову поручили внести в зал знамя Комсомола во время приветствия XXVI съезду партии. Пригласили на репетицию. Он пронёс знамя, но организаторам что-то не понравилось, попросили повторить.

– Да пошли вы к е... матери! – в сердцах произнёс Георгий Филиппович. – Я через Северный полюс перелетал, а тут я ваше знамя не пронесу?

***

После войны генерал-полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков – начальник Главного управления Гражданского воздушного флота страны ... Дожил до собственных юбилеев. 85-летие отметил в 1992 году.

Лично мне очень нравится стихотворение Феликса Чуева, которое он прочитал, рассказывая о Байдукове:

Под звон молодых юбилейных бокалов
мой тост нераспесканный будет таков:
– Конечно, товарищи, Чкалов есть Чкалов,
но рядышком был и Егор Байдуков.
Его боевые друзья откровенно
о нём говорили: – Байдук – это тот,
который не только герой довоенный –
он в самое пекло на фронте пойдёт!
За это любили, за это ценили,
и нету, пожалуй, достойней цены:
его Золотую Звезду не затмили
все наши герои последней войны.
Егор Байдуков остаётся пилотом
военных, воздушных, дерзающих сил,
пилотом, которого перед полётом
сам Туполев быстро, украдкой крестил...

И ещё хочу привести одно из воспоминаний Феликса Чуева о Байдукове:

«Байдуков переживал всё, что происходит с нашей страной:

– Смотрел Горбачёва по телевизору: «Я уже не верю ни у коммунизм, ни у социализм». Это страшный человек. Расстреливать надо.

Нет, такие, как Байдуков, знамён не меняют.

– Похоронили Байдукова, – вспоминал Феликс Чуев, – в последний день 1994 года на Новодевичьем кладбище. Мне рассказали, как непросто был «пробить» Новодевичье даже для такого национального героя, как Байдуков. Я не удивился: так было во все времена.

Помню, с каким трудом, кряхтя, власть в 1975 году «выделила» прямоугольник земли на этом кладбище для прославленного Александра Евгеньевича Голованова – Главного маршала авиации страны. Но в ту пору хоть

без взятки обошлось, а нынче рынок: полтора миллиона за могилу и столько же «сверху»... Зато лежит Байдуков рядом с Грозовым и Покрышкиным, Ляпидевским и Коккинаки, рядом со своим штурманом Беляковым. Только Чкалов, командир экипажа, в 1937 году потрясшего Америку («*чиф пайлот Чкалофф, коу пайлот Байдукофф, нэвигэйтэ Белякофф*»), после смерти взлетёл ещё выше – попал аж в кремлёвскую стену, потому что погиб при испытании самолёта в пору всемирного почитания в 1938 году, когда всего 34 года ему было. Байдуков ушёл на 88-м году в 1994.

...Выступая на его похоронах, Феликс Чуев сказал, что не грех бы американцам прийти сюда и почтить его память – ведь когда-то их экипаж потряс Америку! Вспомнилась краткая речь усталого Чкалова после приземления в США:

– На крыльях этого самолёта мы принесли привет великому американскому народу от великого советского народа.

Но никого из посольства не было.

– Моё выступление, – рассказывал Чуев, – показали по телевидению, и вечером мне позвонил посол США, сказал, что видел выступление, поздравил с наступающим 1995 годом...

Выступая на поминках, Игорь Чкалов сказал:

– Мы будем жить, потому что у нас были такие, как Байдуков, ибо они герои всего человечества. Он зачитал факс, пришедший из США:

«Семье генерала Георгия Байдукова.

С глубоким сожалением мы узнали о кончине генерала Георгия Байдукова. Пожалуйста, примите наши глубочайшие соболезнования по поводу Вашей потери такой героической личности в мировой истории. Мы испытываем большое удовлетворение в том, что имели привилегию и честь знать его лично. Нас также утешает то, что монументы в наших странах носят его имя и имена Валерия Чкалова и Александра Белякова. И навсегда их имена будут в сердцах Вашего и нашего народов. Эра авиации заканчивается, но их имена будут продолжать вдохновлять на новые большие подвиги.

Мы, Трансполярный комитет, будем продолжать чтить генерала Байдукова и его героических друзей по полёту. Наши наилучшие пожелания и искреннее сочувствие.

Чкаловский Трансполярный комитет. Председатель Алан Коуг».

Нет, не забыла Америка.

Помянем Георгия Филипповича – «байдукнём по чкалику белячка»...

Валерий ОРЛОВ

БОРЬБА ЗА ПРАВДУ

Мария Максимова – новое имя среди публицистов Дальнего Востока. Она так же, как и многие исследователи прошлого, озабочена тем, что события истории нашей страны советского периода некоторыми историками искажаются, преподносятся необъективно. Поэтому и взялась за работу с архивами. Представленный очерк – её проба пера. Но прежде, чем с ним ознакомить читателя, хотелось бы привести некоторую статистику.

За всё время существования ГУЛАГа максимальное число заключённых (2561 тыс. чел.) падает на 1950 год (Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10). Численность осуждённых за контрреволюционные преступления в том же году составляла 579 тыс. (История СССР. 1991. № 5. С. 152). Цифры могут быть не совсем точны, но нас интересует условный показатель – тех, кого принято называть политическими, было около (даже не около, а не более) 23-х процентов.

В докладной записке о задачах созданного в 1948 году Управления МГБ на Дальнем Севере (архив УФСБ по Магаданской области) говорится, что по состоянию на август того года во всех предприятиях Дальстроя работало 219 392 человека. Из них:

- вольнонаёмного состава 85 041 (в том числе 47 960 бывших заключённых, из которых около 11 000 судимы по «политическим мотивам» (то есть не более одной четвёртой. – П.Ц.);

- заключённых 104 828 человек;

- спецпоселенцев 29 523.

Надо полагать, что среди той приблизительно одной четвёртой части осуждённых по так называемым политическим статьям определённую долю, причём значительную, составляли те, о ком пишет М.Максимова.

Наверное, кто-нибудь когда-нибудь посчитает эту долю. А может она где-то уже и посчитана. И результат в очередной раз говорит о том, что число незаконно репрессированных в осуждаемый период сильно завышено, и кому-то это было очень надо.

Помнится поначалу, на волне девяностых, с подачи из-за рубежа и навязанного классика мы говорили о сотнях миллионов незаконно репрессированных по политическим статьям.

Почему так важны эти цифры? Потому, что мы не должны больше жить по принципу: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим...» А завышенная негативная статистика об осуждаемых периодах как раз и толкает нас к заблуждению, что всё в прошлом было плохо и взяты отсюда нечего. Вот и уничтожаем всё. Для кого-

то это выгодно с экономической точки зрения, но не для нас.

Ещё мне кажется, что во время Великой Отечественной тех, кто перешёл на сторону врага и даже не стрелял в своих сограждан (как они говорят, и это не доказано), назвали «влазовцами» ошибочно, второпях. Согласно высказыванию нашего, родного, классика: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Вот это слово сейчас, спустя годы, и отзывается, добавляя некую идеологическую составляющую в обыкновенное примитивное предательство.

А это были коллаборационисты, то есть, согласно словарям, люди, сотрудничавшие с оккупантами. Заметим, что слово это иностранного, французского происхождения, и в уголовном законодательстве большинства стран мира коллаборационизм квалифицируется как преступление против своего государства, обычно трактуется как государственная измена. Так что в истории многих стран был негатив, и в истории России не в первую очередь – слово-то иностранное. Но мы назовём таких людей по-русски: изменники.

Сейчас их часто принято представлять жертвой ситуации (Д.Березский. Жизнь простого человека. Магадан. Изд-во «Охотник». 2015; В.Борисенко, Колымские милиционеры реабилитируют предателей. www.magoblproc.ru – официальный сайт прокуратуры Магаданской области). Но почему-то в одних и тех же ситуациях люди ведут себя по-разному.

К примеру упоминаемый в очерке М. Максимовой М.Ашик не один раз побывал окружении, но всегда с боями и честью выходил к своим в составе своего подразделения, а в 20-летнем возрасте удостоен звания Героя Советского Союза. Как говорится, утёр нос соплевым дяденькам.

Рекомендую также прочитать воспоминания Владимира Бочкарёва «Рыцари и мученики» (дневник узника фашистского концлагеря), опубликованные в № 21 журнала «Колымские просторы».

Мария не против совместной работы, поэтому вместо эпилога к её очерку я предложу свой рассказ. О том, как предательство переживают самые верные друзья человека – собаки. Может, кого-то это заставит по иному посмотреть на вещи, толкнувшие молодого автора взяться за перо, и поставить себя не на место «обиженных» изменников, а на сторону тех, кого они предавали.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН,
член Союза писателей России

г. МАГАДАН

Он не мог сочувствовать человеку, который согласился на службу у немцев и так или иначе исполнял эту службу. То, что у него находились какие-то к тому оправдания, мало трогало Сотникова, уже знавшего цену такого рода оправданиям. В жестокой борьбе с фашизмом нельзя было принимать во внимание никакие, даже самые уважительные причины. Победить можно было лишь вопреки всем причинам. Он понял это с самого первого боя и всегда придерживался именно этого убеждения, что, в свою очередь, во многом помогло ему сохранить твёрдость своих позиций во всех сложностях этой войны.

Василь Быков. «Сотников»

Мария МАКСИМОВА

ИЗМЕННИКИ

После окончания Великой Отечественной войны на территорию Советского Союза стали возвращаться советские граждане, по разным причинам оказавшиеся на вражеской территории: военнопленные, гражданские лица – те, кто сознательно сотрудничал с немецкими властями либо был насильственно угнан за границу, и другие. По прибытии они все проходили фильтрацию, определявшую их дальнейшую судьбу.

В соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны № 9871с от 18 августа 1945 г. и Совета народных комиссаров № 3141-950сс от 21 декабря

1945 г. лица, служившие в строевых формированиях немецкой армии, легионеры и полицейские, переводились на шестилетнее поселение. Основная масса репатриантов пополнила собой ряды рабочих ГУЛАГа.

На Дальний Восток, в том числе на Дальний Север, указанный контингент стал прибывать в 1945 году. Как следует из архивных документов Управления МГБ на Дальнем Севере, в конце 1945-го и в начале 1946 года в Дальстрой партиями под конвоем было доставлено около 35 тысяч человек.

Одним из крупнейших спецпоселенческих контингентов были, безусловно, спецпоселен-

цы-«власовцы». Условно-обобщенным термином «власовцы» в документах называли всех находящихся на поселениях за службу в немецких формированиях, хотя лишь малая часть из них служила в Русской освободительной армии генерала-предателя Андрея Власова.

Поначалу прибывших принимало УСВИТЛ (Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей) МВД. Учёт осуществлялся по эшелонным спискам и спискам прибывших партий, без фильтрационных и личных дел. Однако, как следует из справки УМГБ на Дальнем Севере от 1 сентября 1950 г., «из указаний МВД СССР было известно, что все они служили в немецких строевых формированиях и взяты в плен советскими, американскими и английскими войсками с оружием в руках».

Управлением СВИТЛ совместно с оперчекотделом УНКВД было организовано анкетирование всех прибывших, после чего комиссия из представителей УИТЛ, МВД и оперчекотдела принимала решение о дальнейшей участи каждого вновь прибывшего.

Комиссия рассматривала анкетные данные, выносила заключение, кого оставить до особого распоряжения в лагере, кого направить на спецпоселение сроком на шесть лет, кого освободить с передачей в кадры предприятий Дальстроя.

Каждое решение комиссии, согласно постановлению № 9871с, должно было согласовываться с прокурором с проставлением на анкетах соответствующего штампа.

Поначалу для обслуживания спецпоселенцев-«власовцев» и немцев-репатриантов при УСВИТЛ МВД были организованы отдел спецпоселений, а также районные комендатуры по трассе, которые осуществляли надзор.

В октябре 1946 г. отдел спецпоселений при УСВИТЛ был расформирован с образованием аналогичного подразделения при Управлении МВД по строительству на Дальнем Севере. Вновь организованным отделом было принято по списку 24 633 человека, состоявших на учёте как спецпоселенцы-«власовцы», и ещё 5175 карточек на эту категорию лиц, которые не были сверены с фактическим наличием спецпоселенцев. В 1948–1949 г.г. учёты спецпоселенцев были переданы во вновь созданное Управление МГБ на Дальнем Севере.

В соответствии с указанием МВД на всех указанных лиц должны были быть оформлены соответствующие дела с обязательными документами, подтверждающими службу в немецких формированиях. При наличии необходимых документов составлялись подлежащие согласованию с прокурором постановления о переводе на спецпоселение.

По состоянию на 1 января 1950 г. на территории деятельности Дальстроя, в соответствии с докладной запиской УМГБ, было расселено 28 133 выселенца-спецпоселенца, в том числе «власовцев» – 24 928.

Спецпоселенцы жили без охраны, на тех же условиях, что и вольнонаёмные работники Дальстроя. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 35, которое было объявлено всем спецпоселенцам под расписку, им были предоставлены все права граждан СССР, на них распространялись все льготы и положения кодекса законов о труде (за исключением территориальных передвижений), в том числе действовавшие для вольнонаёмного состава продолжительность рабочего времени, ставки зарплаты, а также нормы продовольственного и промтоварного обеспечения.

После передачи учётов в МГБ надзор за ссыльными, высланными и спецпоселенцами осуществлялся 9-м отделом Управления МГБ на Дальнем Севере, в обязанности которого входило ведение учёта, наблюдение и изучение поведения, связей, настроений в среде указанного контингента, в целях исключения побегов и своевременного предупреждения вражеских проявлений, рассмотрение жалоб и заявлений. Каждый поселенец обязан был ежемесячно отмечаться в спецкомендатурах УМГБ, расположенных по всей территории Дальстроя. Приказом начальника УМГБ от 6 июля 1951 г. в распоряжении 9-го отдела УМГБ объявлялось 36 спецкомендатур. Пять из них были городского подчинения (4 в Магадане и 1 в п. Палатка), остальные – в районных отделах. На 1 февраля 1952 г. под надзором находилось 5014 человек ссыльных и высланных и 24 565 спецпоселенцев-«власовцев».

Строжайше запрещалось перемещение, направление в командировки, увольнение выселенцев-спецпоселенцев без предварительного согласования с начальниками РО МГБ и комендантами спецкомендатур. Без разрешения коменданта не допускался выезд за пределы комендатуры по личным и служебным делам. Злостные нарушители режима наказывались в административном порядке. Побег рассматривался как чрезвычайное происшествие.

Несмотря на то, что жили поселенцы свободно, всех их предписывалось свести в десятки с назначением старших десятков «из проверенных лиц». Старшие были обязаны не реже одного раза в десять дней докладывать о наличии людей и случаях нарушения режима.

Однако несмотря на принимаемые меры, побег среди поселенцев всё-таки случа-

лись. В 1950-м году было 12 таких случаев. Бежавшими были в основном спецпоселенцы, боявшиеся ответственности за совершенные ими преступления в годы Великой Отечественной войны.

В среде поселенцев настроения были разные.

В документах УМГБ отмечалось: «Большинство из них в настоящее время хорошо работают на производстве и являются лояльными по отношению к Советской власти. Часть из этой категории антисоветски настроена».

Вторая категория «власовцев» – это служившие в карательных частях и органах противника «СС», «СД», «Абвер», воевавших на стороне гитлеровцев казачьих формированиях и национальных легионах, которые, как правило, являлись участниками зверств и злодеяний, совершенных немцами с их помощью на временно оккупированной территории

Некоторые из этих «власовцев» не желали возвращаться на Родину, и лишь в силу ряда обстоятельств, помимо их воли, были переданы нашим органам американскими, английскими и другими военными властями.

Срок поселения у многих спецпоселенцев окончился в 1952 году. По истечении 6 лет «власовцев» снимали с учёта спецпоселенцев. Освобождённым запрещалось проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, пограничных и режимных областях, в республиках Прибалтики и западных областях Украины и Белоруссии.

К концу 1952 года большая часть этого контингента оказалась освобождённой от поселения. Многие покинули Дальний Север.

Окончательно все были освобождены в 1955 году на основании Указа ПВС СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г.», в соответствии с которым освобождались от ответственности все советские граждане, служившие в годы войны в немецкой армии, в созданной оккупантами полиции и в любых специальных вражеских формированиях, вплоть до шпионских школ.

С началом массовой реабилитации жертв политических репрессий многие из них были реабилитированы.

Сегодня высказываются разные оценки необходимости определения всех этих людей в ссылку. В категорию «власовцев» включались люди, попавшие по разным обстоятельствам в немецкие национальные легионы, служившие в полиции и рабочих

М. В. Ашик

командах при оккупантах. Даже после прохождения спецпроверки они ещё долгое время находились в поле зрения органов безопасности. Однако следует иметь в виду, что в послевоенных условиях было сложно, если не сказать – практически невозможно, отличить в потоке прибывающих из-за границы, переданных американскими, английскими и другими военными властями военнопленных, тех, кто оказался предателем и служил на стороне врага, от тех, кто просто стал жертвой обстоятельств.

Можно предположить, что для советских граждан послевоенного времени, недавних свидетелей только что окончившейся войны, встречавших изменников на фронте и в оккупации, такое решение было оправданным. Служивший на Колыме в те годы сотрудник МГБ Герой Советского Союза М. В. Ашик вспоминал: «Судили только тех, которые были запятнаны убийствами и другими доказанными преступлениями. Ну, а эти, с которыми мне пришлось работать, страшных преступлений вроде не совершали: служили у немцев, помогали им разрушать нашу страну. Многим тогда казалось, что будет справедливо, если эти люди пора-

ботаю на её восстановлении. Думаю, и теперь это решение должно казаться вполне справедливым».

Однако была в среде спецпоселенцев «власовцев» категория лиц, на которых не распространялась ни амнистия 1955 года, ни более поздние реабилитационные кампании.

Важнейшей задачей, возложенной на послевоенные органы безопасности, стал розыск государственных преступников: бывших палачей-карателей, полицаев, выпускников немецких шпионских школ. В марте 1946 года вместо народных комиссариатов были созданы министерства, в связи с чем Народный комиссариат государственной безопасности был переименован в Министерство государственной безопасности.

Произошли изменения и в структуре. Было упразднено 4-е (зафронтовое) Управление, основная задача которого в военные годы состояла в проведении разведки и организации диверсий в тылу врага. Вместо него было создано Управление под тем же номером, но специализировавшееся на розыске государственных преступников – агентов немецко-фашистской разведки, пособников оккупантов, а также лиц, виновных в массовых истреблениях советских граждан. В составе территориальных органов контрразведки МГБ были созданы соответствующие подразделения. В УМГБ на Дальнем Севере этой работой занималось 4-е отделение.

На территории Дальнего Севера, как и в других регионах, процесс поиска государственных преступников заключался в проверке объявленных во всесоюзный розыск (по ориентировкам 4-го Управления МГБ СССР и других территориальных органов МГБ) по учётам и местам концентрации спецпоселенцев, а также по учётам вольнонаёмного состава, прибывшего на работу в систему Дальстроя МВД СССР.

По словам Героя Советского Союза М.В. Ашика: «Предатели, оставившие кровавые следы своей деятельности, были учтены в специальном двухтомном циркуляре, в котором в алфавитном порядке были записаны имена около полумиллиона немецких пособников. На каждого включенного в этот формуляр имелись биографические данные, приметы, краткое описание сути совершённого преступления».

Работа по опознанию государственных преступников заключалась в установлении внешнего сходства по фотографиям, проверке биографических данных, проведении опросов свидетелей и так далее. Как вспоминает М.В. Ашик, «загрузка была такая, что в любой день старший оперуполномоченный получал в секретариате по 30–40

документов, требующих срочного исполнения».

После установки на обслуживаемой территории лиц, имеющих сходство с разыскиваемыми, проводились опознавательные мероприятия и документация преступной деятельности установленных.

Отделом МГБ на Дальнем Севере при Особом лагере № 5 МВД СССР проводилась работа по опознанию разыскиваемых государственных преступников, уже осуждённых и содержащихся в Особом лагере – для прекращения их дальнейшего розыска.

Отчёты УМГБ о следственной работе и о работе 4-го отделения периода 1949–1950 г.г. полны сведений о выявленных в среде поселенцев предателей Родины, многие из которых прошли обучение в немецких разведывательных школах, забрасывались в советский тыл, сражались в боях с партизанами, поддерживали боеспособность немецкой армии работой на кухне, в обозе, другой деятельностью.

Только за сентябрь-октябрь 1949 года Управлением МГБ на Дальнем Севере было установлено 30 подобных лиц. В их числе оказались агент «Абвергруппы-201», официальный сотрудник германского контрразведывательного пункта «Зондер-группа», секретарь редакции фашистской газеты «За национальную свободу», начальник полиции, а также другие пособники фашистов, принимавшие участие в операциях против советских партизан, расстрелах мирных жителей. Многие из них за службу в немецких формированиях были награждены: кто медалями, кто деньгами, и даже лошадью.

Следственный отдел вновь созданного УМГБ на Дальнем Севере приступил к работе во второй половине июля 1949 года. За период с 1 августа 1949 года по 1 июля 1950 года было арестовано 110 агентов немецких разведорганов и изменников Родины, осуждено Военным трибуналом войск МВД по Дальстрою 75 человек.

Материалы архивных уголовных дел свидетельствуют о кропотливой работе, которую приходилось проводить следователям и оперуполномоченным. Не желая нести ответственность в одиночку, подозреваемые в преступной деятельности на стороне врага охотно давали показания на своих подельников, которые находились на свободе. Все эти сведения необходимо было тщательно проверять и юридически оформлять – за этим строго следила военная прокуратура.

На допросах бывшие служащие фашистских военных формирований обыденно рассказывали о поступлении на службу к немцам: «...с приходом немцев в Зверевском районе появились советские партизаны,

которые стали проводить активную диверсионную работу... Немцами было вывешено объявление, что все лица, заподозренные в связях с партизанами, будут расстреливаться на месте. В то же время на хуторе Тацин проводилась регистрация молодёжи для отправки в Германию. Я боялся, что меня, как бывшего активного комсомольца, немцы могут заподозрить в связях с партизанами. Кроме того, боялся быть угнанным на работы в Германию. Поэтому, когда в октябре 1942 года ко мне на квартиру пришёл участковый полицейский и предложил поступить на службу в формирующуюся в посёлке Звереве казачью сотню, я без колебания согласился, считая, что этим избавлю себя от тяготившей меня, как мне казалось, опасности со стороны немцев».

Для подтверждения фактов службы на стороне немцев запрашивались сведения из тех регионов, в которых действовали пособники фашистов: протоколы допросов очевидцев и пострадавших, копии немецких приказов о награждениях и др. Так, в числе доказательств по уголовному делу в отношении одного из служивших в карательной бригаде «СС» Каминского была выписка из приказа от 5 октября 1942 года: «На основании приказа по Локотскому окружному самоуправлению от 3 октября 1942 года № 5, в память годовщины освобождения доблестными германскими войсками нашего округа от жидобольшевистского ига, за выдающиеся заслуги перед Родиной по строительству новой России, за самоотверженную борьбу с остатками сталинских банд, из выделенного фонда премировать нижепоименованных лучших бойцов и командиров». Премировались «бойцы и командиры» лошадьми, деньгами – зарплатой в размере 250 рублей, карабинами и другими вещами. Приказы публиковались в местных газетах.

Большинство предателей, как свидетельствуют протоколы их допросов и материалы дел, переходили на сторону врага не из идейных соображений, а исключительно заботясь о собственной безопасности. Многие из них считали себя жертвой обстоятельств. Спустя годы они находили в этом основание обращаться с заявлениями о реабилитации. В делах встречаются заявления и самих осуждённых, и их родных с просьбой оправдать и освободить от наказания, так как действия их были определены желанием спасти собственную жизнь.

В 50-е годы, в первую волну реабилитации, многие дела изменников Родины были пересмотрены, некоторым снижены сроки наказания. Повторно пересматривались дела и в 90-е годы, в соответствии с законом

«О реабилитации жертв политических репрессий».

Но в подавляющем большинстве дел итог пересмотра один: *«ОСУЖДЁН ОБОСНОВАННО, РЕАБИЛИТАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ»*.

ЗАПАХ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Мы с овчаркой Хакчаном гуляли по набережной реки Магаданки.

Хакчан – потомок ещё тех собак, которых завезли на Колыму в тридцатых годах прошлого века для охраны лагерей, соответствующим образом обученных. Он излишне агрессивен, поэтому я всегда проявлял повышенную осторожность прежде, чем спустить своего друга с поводка. Вот и в этот раз я сделал это только тогда, когда мы вышли на пустырь, отдалённый от жилых строений и пешеходных дорожек.

Некоторое время гуляли спокойно, но вдруг мой пёс насторожился и рванулся в сторону берега. Оттуда в нашем направлении, почему-то опустив голову и поджав хвост, медленно, почти ползком, двигалась небольшая дворняжка. Точнее, среднего собачьего размера. Шерсть её была мокрая, поэтому определить окрас было сложно.

По мере приближения собаки к нам агрессивность моего Хакчана постепенно сменялась на растерянность. В конце концов он встал рядом со мной и чуть ли не прижался к моим ногам. А собака, подойдя ко мне, ещё ниже опустила голову, как бы что-то прося этим жестом.

Тут я заметил, что её шея плотно обвита металлическим проводом, концы которого закручены так, будто до этого к ним было привязано что-то тяжёлое и сорвалось. Ясно, что собаку пытались утопить, но груз закрепили слабо, что её и спасло. Я распутал провод. Причём сделал это с трудом – скручивали явно не мальчишки.

Освободившись с моей помощью от удавки, собака, всё так же низко опустив голову и поджав хвост, поплелась к находящимся неподалёку развалинам бывшего гаража. В её глазах я не увидел благодарности, а только глубокое разочарование. Такое, наверное, бывает у людей, когда предадут друзья. У меня к горлу подступил комок.

Хакчану расхотелось гулять, и он подставил ошейник, чтобы я пристегнул поводок. Дома, улегшись на свою подстилку, пёс ещё долго вздыхал и весь вечер не подходил ни к кому из домашних и не требовал внимания. Видимо переживал случившееся.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ БУНТ ЧУКОТСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ: КАК ЭТО БЫЛО

1. БЕРЁЗОВСКОЕ ВОССТАНИЕ ЧУКЧЕЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦА

Распечатка из газеты
«ВОСТОК РОССИИ»

№ 3 январь 1993 год. Г. МАГАДАН

Событие это, произошедшее без малого 44 года назад, не получило по ряду причин достаточно широкой огласки. Во-первых, в силу фактора времени – сталинского, гугаговского. Во-вторых, кроме идеологического, не было нанесено сколько-нибудь серьёзного ущерба советской власти. В-третьих, процесс разрядки вооружённого выступления чукчей-оленеводов прошёл относительно спокойно. Тем не менее исход был неожиданно трагичен в силу некоторых особенностей чукотских традиций. Обо всём этом поведал **ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛДАЕВ**, ветеран Великой Отечественной войны, ныне проживающий в Магадане. Его

подробный рассказ лег в основу этого материала.

БЕРЛИН – ЧУКОТКА

– Слушай, – сказал ему зимой 1945 года в ЦК ВЛКСМ, куда он обратился с просьбой подыскать место работы и жительства где-нибудь посеевнее. – На Чукотку поедешь? Заведовать торговой базой «Крепость» в посёлке Марково? Не имел дела ни с чем, кроме автомата? Но ты ведь комсомолец, а значит, можешь всё. Помоги. Там люди из-за войны много лет уже в отпуск не ездили.

...Всего неделю не дотянул до сладкого слова «победа» лейтенант, командир взвода разведки Василий Балдаев. 30 апреля 1945 года комбат предложил добровольцам пойти на ответственную боевую операцию – взять, удержать и не дать возможности взорвать один из главных речных мостов на р. Хавель в Берлине. Холостяк, полный сирота, Василий Балдаев считал себя самым подходящим человеком для этого дела. Окончательно очнулся несколько дней спустя после ранения

и тяжелейшей контузии. Подлечился, но стал инвалидом – эпилепсия прицепилась. Хотел вернуться в среднюю Азию, откуда ушёл из алма-атинского аэропорта на фронт, но врачи посоветовали – никакой жары. По-езжай туда, где похолоднее. И он выбрал Чукотку.

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСТЬ ИЗ ТУНДРЫ

Местечко «Крепость» основал ещё сам Семён Дежнёв «сотоварищи», куда он добрался в поисках обетованных земель и поселился более трёхсот лет назад. Удачное выбрал место – до сего времени здесь находятся склады местного торгова.

Время было трудное. Сидел Василий на мешках с сахаром, а чай пил пустой. Из американской мешковины шил себе бельё с несмываемыми незнакомыми буквами.

Василий Балдаев, участник ВОВ

Чудесная природа и тихая жизнь, а может, действительно, суровые холода сделали доброе дело – здоровье стало улучшаться. И с тех пор он навсегда прописался в северном краю. Постепенно вжился Василий Балдаев в местный марковский колорит с его старожилками – потомками казаков – и неспешной тундровой жизнью оленеводов. Молодого, честного, принципиального комсомольца заметили в Марково, бывшем тогда центром огромного, самого большого на Чукотке района, пригласили в райком комсомола.

В начале марта 1949 года вызывают его на «СЗ» (суженное заседание, так многие годы

называлось заседание районных властей по экстренным вопросам, заседание, куда, помимо секретаря райкома, председателя исполкома, входили представители МГБ, начальник милиции). Ибо почти перевозданная марковская тишина была нарушена очень тревожным сигналом из глухой тундры.

Из соседнего села Ваеги дозвонился чуванец пушник Павел Медучин, который каким-то чудом вырвался из ещё более отдалённой деревеньки Берёзово, и сообщил, что группа оленеводов-чукчей совершила вооружённое нападение. Кто-то убит, кто-то ранен, сколько – не знает. Запахло вооружённым восстанием...

Марковские власти тут же проинформировали верха, дело дошло, естественно, до самой Москвы, получили инструкции и полномочия. За два дня сформировали в Марково летучий вооружённый отряд из 32 человек, усадили на собачьи упряжки и отправили к месту печального события. Возглавил отряд районный начальник отдела МГБ майор Шатунов, его заместителем был начальник районной милиции капитан Щёкин, а правой рукой по боевой части назначили Василия Балдаева, как единственного человека в Марково, имеющего военный опыт.

КТО ВОССТАЛ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?

В богатых кормами дичью, местах на границе Марковского района Чукотского национального округа и Корякии издавна кочевала вилюнейская группа чукчей-олленеводов. Среди них было немало крупных стадовладельцев, а значит, числились они кулаками по социальной терминологии того времени. До войны они удачно уходили от коллективизации: только нащупают их эмиссары со стороны Чукотки, они уйдут года на два в Корякию. Там начинают прижимать – снова на Чукотку. Этаким своеобразный, правда, вполне мирный партизанский приём.

Так дотянули вилюнейцы до 1948 года, когда по всей Чукотке прошла массовая кампания, полностью завершившая процесс коллективизации. Центральной усадьбой нового колхоза определили местечко Берёзово, где находилась местная полярная метеостанция, сохранившаяся, кажется, и до сего времени.

Марковский район ходил в те годы в передовиках, районное начальство старалось изо всех сил, чтобы во всём были самые высокие показатели. По всей видимости, коллективизация вилюнейской группы сильных и гордившихся своей зажиточной жизнью оленеводов проходила в рекордные сроки, людям как следует не разъяснили сущности обоб-

ществления, и в погоне за ростом общественного поголовья оленей до минимума урезали личное стадо. Детей забрали в школу почти принудительно. А тут ещё председателем колхоза послали человека грубого, малообразованного, не обладающего организаторскими способностями, негибкого – Александра Алина. Всё это вызвало ответную реакцию, к сожалению, очень жестокую.

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ ВОССТАНИЯ

Отряд, выступивший из Марково, был вооружён, можно сказать, по последнему слову техники: два ручных пулемёта, семь автоматов, десятка два карабинов, не считая личного оружия в виде пистолетов. За сутки добрались до села Ваеги, здесь пересели на олени нарты, пополнились местными волонтерами, проводниками. Для транспортировки вооружения, раций, продовольствия оставили две собачьи нарты. При подходе к Берёзово разыгралась порядочная пурга. Остановились, хотя на сердце было тревожно: как там? Сколько убитых? Кто контролирует ситуацию в селе?

С председателем Марковского поссовета Дмитрием Дьячковым и ещё двумя бойцами Василий Балдаев отправляется на разведку, но в пурге заплутали и растерялись. Пришлось зарыться в снег.

Под утро просветлело – и вот оно, Берёзово, не более чем в километре. Там летучий отряд тоже заметили, забрались на крыши домов, глазуют в бинокли. Мы, вспоминаем Балдаев, тоже не спешим, приглядываемся, чтобы не нарваться на засаду.

Берёзово вроде цело, дымок из всех труб валит. Поняли – ждут. Тут на радостях лавиной свалились в село, и встретили отряд чуть ли не как освободителей. Василий Балдаев вспоминает, как пошутил тогда он: «На многих фронтах побывал, не думал, что открою ещё чукотский фронт».

Выясняется, что на днях тут разыгралось настоящее сражение, стрельба продолжалась несколько часов. Убит местный председатель сельсовета, тяжело ранены учитель Берёзкин, радист полярной метеостанции Забалдуев, учитель Уваров. Были и более лёгкие ранения. Потери со стороны нападавших оленеводов также были, но трупы они увезли с собой. Забрали из школы и своих детей. Откочевали, но предупредили – будем сражаться. По расчётам, у восставших около 60 стволов нарезного оружия, среди них превосходные американские винчестеры, а оленеводы – охотники отменные.

Ситуация складывалась крайне напряжённая. Перед выездом же получена главная инструкция сверху: по возможности

избежать кровопролития. Сначала послали поисковые группы к восставшим оленеводам – уговорить их сдать оружие. Вернувшиеся сообщили, что вилюнейцы подтвердили своё прежнее решение: сражаться до конца.

Суток через четверо отряд выступил из Берёзово на поиски мятежников. По пути встретили оленнее стойбище из вилюнейской группы. Из двух яранг не вьётся дымок, местные их обходят. Внутри – жуткая картина: групповое самоубийство двух семей, главы которых участвовали в нападении на Берёзово. Расспросили, как это произошло. Рассказ леденит душу. С утра решившие уйти к «верхним людям» подогнали пряговые оленей, убили их и разложили неразделанные туши по нартам животом вниз, тем самым как бы подготавливая уход. Спокойно попили чаю. Затем раздались выстрелы. Сначала дети, потом жёны, последние – мужчины. Согласно древней традиции, никто не помешал. Ещё один молодой пастух, получивший в ходе сражения тяжёлое ранение, попросил, чтобы помогло ему уйти к «верхним людям». По его просьбе старушка проткнула его копьём.

НИЧТО НЕ МЕШАЛО ВОСТАШИМ ПЕРЕБИТЬ ОТРЯД

Василий Балдаев старается организовать движение летучего отряда по всем правилам военного искусства. Впереди – разведгруппы, по бокам – по вершинам сопков, увалам – дозорные. Местность – Анадырское нагорье – весьма располагает к засадам. Но большинство из отряда этого не понять не могут. Ничто не мешало восставшим организовать засаду и с двух-трёх залпов перебить отряд. Но этого, к несчастью, не произошло. Если бы во главе восставших был человек, маломадьски соображающий в военном деле, задача отряда усложнилась бы во много раз. «Я, – вспоминает Василий Балдаев, – чувствовал это своей военной шкурой, и каждый раз прикидывал, как бы это сделал».

На четвёртый день поисков летучий отряд вынырнул из горных хребтов на равнинное плато, и сердце заколотилось: вот они. Большое стойбище яранг на восемь-десять битком набито людьми. Невдалеке пасущееся большое стадо с пряговыми оленями. Значит, с утра готовились к очередной перекочёвке. В стойбище тоже заметили отряд преследователей, засуетились.

Спешились, посоветовались и отправили одного местного оленевода с предложением встретиться для переговоров. Парламентёр вернулся с хорошим известием: по трое человек безоружных должны встретиться на нейтральной полосе.

ПЕРЕГОВОРЫ ВЕЛИСЬ ОТ ИМЕНИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

– Втроём: майор МГБ Шатунов, секретарь райкома партии Пантелей Беляев из чуванцев и я отправились на переговоры. Навстречу выехали на оленьих нартах трое от составших – в пёстрых праздничных меховых одеждах, возле каждого бежал, в качестве телохранителя, что ли, молодой пастух, – продолжает вспоминать Василий Балдаев. – Сегодня я честно признаюсь, что хотя и была уверенность не брать с собой оружие, у меня за поясом была граната, а в рукаве кухлянки – пистолет. Майор Шатунов, по-моему, тоже не был безоружным. Чем чёрт не шутит. У оленеводов тоже сбоку болтались традиционные охотничьи ножи.

Разговаривал и переводил Беляев. Наше предложение-оружие сдать, разместить его временно в Берёзово, а когда всё успокоится – вернуть, – особого энтузиазма не вызвало. Противники тянут волынку: кругом волки, да и оружия нет. Товарищ Сталин, говорим мы, заботится о сохранении каждой человеческой жизни (переговоры велись как бы от его имени, так нам казалось внушительнее и доказательнее). Ну загрызут волки десяток – другой оленей – что это по сравнению с человеческими жизнями. И так уже погибло несколько человек, идут самострелы. Мы и требование вернуть часть личных оленей считали вполне резонным. И детей пока в школу можно не увозить.

Переговоры постепенно вступают в следующую стадию. Нам бы надо поговорить с народом из стойбища, их послушать. Парламентёры, к счастью, соглашаются. Договариваемся, что двое из трёх идут заложниками в наш лагерь, а мы с Шатуновым направляемся в оленье стойбище. На помощь нам переводчиком должен подойти тот самый Павел Медучин, что первый просигнализировал о восстании.

ПЕРЕЛОМ

– Пришли с Шатуновым в стойбище, – продолжает рассказ Василий Балдаев. – Жутковато, конечно. Нас со всех сторон окружили и рассматривают оленеводы. Мы встали в боевую стойку – спиной друг к другу. Смотри – движется к нам Павел Медучин, подошёл метров за сто, ноги подкашиваются, не идут. Его, в общем-то, можно понять. Всё же добрался Медучин до нас, и мы предложили открыть собрание. В ответ это молодёжь отошла. Рядом осталось несколько старших. У многих в руках карабины – у кого открыто, у кого в кухлянке. Старики говорят нам то же, что и парламентёры: уезжайте, не тре-

вожьте нас. И всё. А мы в ответ – маленькая хитрость: мол, назад ехать у нас плохо с кормами для оленей. Просим пропустить нас через стойбище дальше. Расчёт был чисто военный – взять стойбище в кольцо.

Довод ли насчёт оленьего корма оказался убедительным, или сработало ещё что-то – не знаю, но нам дали на это разрешение. Вызываем своих зелёной ракетой. Они спустились вниз и стали метрах в пятидесяти-семидесяти по ту сторону стойбища. Мы же опять продолжали зашедшие было в тупик переговоры и даже чайком побаловались.

Наши – Куркутский, Беляев, Шатунов – все уговаривают стариков. Я брожу по стойбищу. Молодые оленеводы притулились за нагруженными оленьими нартами, поглаживают под кухлянками стволы, заняв круговую позицию. Подхожу к нашей, отдельно стоящей группе: люди сбились в кучу, покуривают, настроение благодушное – многие ведь знают друг друга с детства. Говорю – что же вы так себя ведёте? Рассредоточьтесь. Достаточно одного залпа по вашей куче – и мы парализованы. А мне в ответ: да мы Германию разгромили, Японии поддали. Сдадутся и они.

Так ни о чём не договорившись, решили противоборствующие стороны разъехаться. Василий Балдаев с пятью стрелками на двух собачьих упряжках, которым не требуется подножный корм, вроде возвращается обратно. Проехав метров триста, переворачивает нарты и прикрывает отъезжавшую основную группу отряда на оленьих упряжках, которая останавливается примерно в километре. Затем он сам отъезжает метров на двести, где на удобном склоне оборудует огневую пулемётную точку. Оленьё стойбище теперь оказалось под прицельным как на ладони. Летучий отряд, остановившись, захватывает оленей, из которого дежурные пастухи врассыпную бросились к своему стойбищу. Через какое-то время в нём наметилось странное движение, и к летучему отряду направилась большая группа женщин и детей. Оставшиеся мужчины, числом, быть может, до пятидесяти, переворачивают нарты и готовятся к обороне.

КУЛЬМИНАЦИЯ

Неподалёку откуда-то вынырнул молодой пастух, и Василий Балдаев через переводчика приказывает ему подойти к пулемётному гнезду. Люди из стойбища зовут его к себе. Василий пригрозил расправой, и парень повернул к ним. Его связали и допросили в какой яранге кто живёт. Если уж открывать огонь, то по организаторам восстания.

Потом, вспоминает Балдаев, и он сам почувствовал, что от напряжения начинает проваливаться в сон. Просит, чтобы в случае чего без его команды не открывали. Очнулся – ему говорят: из отряда была ракета. Быстро, по-военному, изготовил пулемёт к стрельбе. Хотя о ракете они с Шатуновым не договаривались. Видно, произошло что-то серьёзное. Палец уже на спусковом крючке. Спросил на всякий случай, по фронтовой привычке, какого цвета ракета. Зелёная. Мать честная, да это только предупредительный сигнал! А он чуть не открыл огонь. И видит, как к основному отряду направляется ещё одна большая группа – на этот раз мужчин. Боже, неужели всё кончилось? И без крови? Без лишней крови...

ОТ КОРРЕСПОНДЕНТА «ВР»

Да, восставшие оленеводы разоружились, организаторы восстания сдались. Правда, позднее было ещё два самострела.

Трудно сегодня даже с высоты прошедшего времени судить об этом всегда страшном малом или большом бунте. Можно привести массу обличительных слов в адрес организаторов колхозного строительства на Чукотке. Об их слепой исполнительности и презрении к национальным традициям. Невозможно оправдать любую жестокость, проявленную даже с угнетаемой стороны. Поэтому о берёзовском восстании чукчей-олленеводов на Чукотке и тех, кто разрешил этот конфликт, пусть судит читатель. Сам расставит акценты.

Публикацию в 1993 году готовил
Виталий ЗАДОРИН

2. Воспоминания очевидцев о Берёзовском восстании

Время летит стремительно. Вот уже более полувека прошло с тех трагических событий, о которых молчали местные жители села Ваеги, Марковского района (ныне Анадырского), Чукотского Автономного Округа. Иногда только шёпотом рассказывали молодым односельчанам о восстании. Многих очевидцев уже нет в живых, остались только дети того времени. Что удалось собрать по крупицам, хочу описать, чтобы помнили ныне живущие и потомки.

РАССКАЗ НИКОЛАЯ НУВАНО

Так, например, бригадир оленеводческой бригады совхоза «Путь к Коммунизму» села Ваеги Николай Нувано, которому в 1949 году было около 9 лет вспоминает: Наша семья, отец Котаквургин и 2 его брата, мои дяди Трунко, и Ээкэттэт имели по 2 тысячи оленей, огромное стадо, сами окарауливали с многочисленными родственниками, живущими и кочующими вместе дружной семьёй. Стойбище наше состояло из 23 яранг. Отец и его братья имели по 2 жены и много детей, которых с детства учили к нелёгкой кочевой жизни. Выпасались олени в основном в Хатырской тундре зимой, а летом подгоняли к морю. Помню, что к нашему стойбищу часто приезжали люди из Марковской администрации, агитировали вступать в колхоз, оленеводы отмалчивались и агитаторы уезжали, забирая с собой часть оленей. Одна-

Мария ТЕВЛЯН
и Николай НУВАНО

жды нам прислали взамен оленей 2 мешка бумажек с картинками, позже узнали, что это были деньги, но никто не знал что с ними делать, взрослые растапливали костёр ими, дети играли, везде бросали. В очередной приезд уполномоченных отец и дядя были против угона оленей, возмутились и отца расстреляли, а дядя младше отца смог убежать. Оставшись без отца, мы вынуждены были кочевать ближе к посёлку Берёзово, назревало глухое недовольство действиями властей среди местного населения. В Берёзовском колхозе был председателем чуванец Алин, плохой человек, чукчи боялись, что всех оленей заберут и нечем будет питаться и решили всем собраться и откочевать в глубь тундры. Но это им не удалось, так как из Марково приехали вооружённые люди. Человек 30, они убегающих догнали и принудительно вернули, угрожая оружием. За неповиновение расстреливали не только во взрослых, но и в детей. Я и трое моих сверстников от страха спрятались в снег, было уже темно и пули попали в живот Кергинайныну и Этынкеву, раненый мой двоюродный брат Кенуп истекал кровью и просил его застрелить, а у Кергинайнына выпали из живота кишки и он вскоре умер. Стрелявший Павлов Семён Семёнович возможно принял нас за взрослых. Вскоре чукчи решили идти на переговоры. Первым парламентёром пошёл Антолин со своим отцом Кэлэвье, за ним по кем-то составленному списку стали вызывать старших по возрасту, их уже не отпускали обратно, осталась одна молодёжь, которая не знала что делать и была в смятении. Переговоры происходили в стойбище в нескольких километрах от посёлка. Забрав с собой парламентёров, с места переговоров вооружённые люди с ними приехали в Берёзово и там стали выяснять, кто зачинщик? Люди были страшно напуганы, от чего семьи Тэнутылина и Ляльо вместе с детьми застрелились. Во время перестрелки убили обоих братьев моего отца Трунко и Ээкэтыэта и их сыновей, моих двоюродных братьев Кергинайвына и Кенупа. Многих чукчей забрали в тюрьму на долгие годы, оставшихся жителей перевезли в село Ваеги весной 1950 года.

ВАЕГИ – НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ Сгоревший груз

А в 1951 году власти решили посёлок перевести на новое место. И для обустройства посёлка на новом месте из Маркова везли на барже стройматериалы и продукты, но река Майн обмелела и судно не смогло доплыть до посёлка, товар разгрузили на берег возле местечка называемого «12 братьев», оставив дежурить работника пекарни Нутелькута.

Через 10 дней работники торгово-заготовительного пункта заведующий Плошенко Григорий Филиппович и пушник Медучин Павел Иванович поехали проверить состояние груза и сменить дежурного, увидели страшную картину: Нутелькута повешенным, а товар – сожжённым. Причину случившегося так и не установили, хотя шло следствие и было несколько версий, в том числе месть за трагедию в Берёзово.

Записано А.Н. Шарыповой со слов Николая Нувано в селе Ваеги в июле 2003 года

Чукотский Павлик Морозов – Учитель красной яранги

В ноябре 28 числа 1952 года я приехала в село Ваеги на работу фельдшером в медпункт. Знакомясь с чукотским населением, удивилась, что каждый человек имеет только имя, и поначалу трудно было разобраться, в какой семье состоит тот или иной человек. И только один молодой учитель красной яранги имел имя Павлик, фамилию Морозов. Откуда это? На мои вопросы молчали или делали вид, что не понимают. И всё же я упростила Павлова Филиппа Михайловича рассказать об этом. Вот что он поведал: Было это несколько лет назад, в начале сороковых годов, решением Марковского райкома партии и райисполкома были направлены уполномоченные Майдлин и Екимов по стойбищам для агитации оленных чукчей вступать в колхоз. Они объясняли преимущества коллективного выпаса оленей, за работу будут получать кроме мяса деньги. Что такое деньги, чукчи не знали и что с ними делать? Для ознакомления уполномоченные захватили с собой денежные купюры, чукчи с удивлением щупали хрустящие бумажки, Майдлин объяснял, что на них можно купить всё необходимое. Но где купить? Магазинов нет, а развозторг ещё не организован. Испокон веков местное население пользовалось товарообменом: на оленьем мясе выменивали у береговых чукчей китовый жир, шкуры морзверя для пошива обуви, на поделки чаата (аркана) и для других хозяйственных нужд. Чукчи говорили, что наша кочевая жизнь нас устраивает так, что вступать в колхоз нет нужды. Так безрезультатно от стойбища к стойбищу ездили Майдлин и Екимов. Кроме уговоров вступать в колхоз они забирали оленей в счёт натурального налога государству. Чукчи не понимали: почему должны платить налог? Среди пастухов, окарауливавших забранных у людей оленей, тоже росло непонимание. В райцентр Марково от уполномоченных долго не поступало никаких сведений, выехали в стойбища они по

**Павлик МОРОЗОВ (справа)
в бригаде с худруком сельского
клуба Михаилом ГЕЛЬБЕРТОМ**

снегу на нартах (примерно в начале ноября), начальство забеспокоилось, решило начать поиски, для чего снарядили несколько групп послав по маршруту командировочных. Филиппа Михайловича Павлова взяли проводником-каюром и Дьячкова Степана Ивановича. Он лично мне, Шарыповой А.Н., рассказал, что в каждом стойбище на вопросы нам отвечали, «были марковские люди, поговорили и уехали» Так объездили всю округу, но нигде следов пропавших не могли найти. Взрослые отмалчивались, тогда обратились к детям, угощали их конфетами, галетами, играли с ними. Особенно они привязались к Тумгекаю, работнику Марковского райисполкома, и один мальчик по имени Яткыргин, сказал, что знает где спрятаны дяди из Марково, и указал на берег реки. Оказалось, что Майдлина и Екимова и их каюров расстреляли при выезде из стойбища, отвезли их под крутой берег, свалили на трупы козырёк снега, надеясь, что весеннее половодье унесёт их и скроет следы преступления. Говорили, что при выезде уполномоченных

из последнего стойбища один из погонщиков отобранных оленей, родом из Коряки, по сговору с другими расстрелял всех, а сам сбежал и прятался по разным стойбищам, держа наготове упряжку оленей. Постоянно был настороже, завидев вдали подъезжающих людей, он тут же уезжал в другое место. Так он долго скрывался, дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Боясь мести, мальчика забрали в Марково, устроили в интернат, назвали Павликом Морозовым, а его маму, Вууну, вывезли в посёлок Ваеги.

Дополнение Шарыповой А.Н. жившей в селе Ваеги с 1952 года по 1961 год:

Павлик Морозов после окончания Марковской семилетки, поступил в Анадырское педагогическое училище, в 1953 году приехал в Ваеги и работал учителем красной яранги по ликвидации безграмотности, а жена Валентина – воспитателем в детском саду-яслях. У них два сына: Игорь, живущий в Анадыре, и Олег – в Ваегах, растут внуки,

все носят фамилию Морозов. Жаль, что Павлик и Валентина рано ушли из жизни.

Дополнительно мной собраны сведения в 2007 году у Марии Степановны Дьячковой, жены Коравье – Таньо, которая сообщила, что проводниками Майдлина и Екимова были каюры жители Ваег Павлов Афанасий Дмитриевич (отец Николая Павлова) и Дьячков Филипп – муж сестры Ирины Егоровны Берёзкиной. Их убили в районе старых Ваег вблизи Корякии, где в то время была расположена корякская школа. На поиски пропавших уполномоченных был привлечён и отец Марии Степановны – Степан Иванович вместе с Филиппом Михайловичем Павловым.

Воспоминание Анны Кеунеут

Весной 1949 года наша семья прикочевала из Хатырской тундры к посёлку Берёзово, чтобы не далеко было ходить в школу, мне тогда было около 9 лет, я пошла в первый класс. В один из дней, ничего не подозревая, бегу в школу и слышу стрельбу со всех сторон. Из-за домика Потто отчаянно машет мне рукой тётя Лилькеунеут, чтобы я обратно бежала от школы домой, но я продолжаю бежать в её сторону, пока она не крикнула «акыльпэ ярагты», то есть скорее беги домой, и я повернула в сторону стойбища, находившееся примерно в четырёх километрах от посёлка Берёзово возле реки Инныпынкун (перешеек). Рядом с нашей ярангой стояли яранги дяди Эйневтегина и дяди Антолина. Здесь было тихо. Назавтра мимо нашего стойбища потянулся аргиш «обоз»

Анна КЕУНЕУТ

нескольких семей, решивших уехать по дальше в тундру. Моя мама, Чейвунэ, уговорила остаться семью Вонны с женой Иунеут с сыновьями Койныля и Лялюваттэ. Они послушались мою маму и поселились у нас. Через день аргиш вернули вооружённые люди, приехавшие из Марково. От возвратившихся мы узнали, что две семьи покончили жизнь самоубийством. Это были наши родственники: дядя Нотай с женой Аттына, мальчик и девочка, имена их уже не помню и дядя Айван, тётя Тэнтын и сын ихний, Урэвтегин. Отцы сначала застрелили детей, потом жён, и себя. Они заранее подготовились к уходу к «верхним людям»: забили ездовых оленей, положили их на нарты вниз животом, такая традиция похорон. Нам было страшно от услышанного. Наверное, они боялись, что мужчин заберут в тюрьму, а семьи без них умрут с голоду. Они уже были колхозниками и оленей сдали в общественное стадо. Все мы их жалели, жили дружно одним стойбищем. Видимо, они были в растерянности, что делать? не могли посоветоваться с моим отцом и его братом Эйневтегиным, так как их, оленеводов, отправили на охотучастки и, по моему, они ничего не добыли, так как никогда не занимались охотничьим промыслом. В перестрелке приезжие из Марково ранили в ногу учителя Ивтэка Унуковича, убили Айнава и мальчика Кергинайнен. Через несколько дней многих мужчин забрали и увезли куда-то, их долго не было, возвратились не все, единицы: Келевье, Тыневентын, Мыргымыр, Яткыргын, остальных не помню. Это были настоящие оленеводы, имели много оленей, умножая их своим нелёгким трудом, помогали бедным, приезжающих из других стойбищ одаривали подарками.

После трагических событий я вновь пошла в школу, а летом мы откочевали в тундру и вернулись осенью к учебному 1949–1950 году. Но в марте 1950 года наша школа сгорела и всех детей увезли на оленьих нартах в посёлок Старые Ваеги, расположенный в верховьях реки Майн. Население этого посёлка Старые Ваеги в основном состояло из чуванцев и ламутов. Каждую весну эту местность затопляло и осенью 1950 года посёлок перевезли на плотках вниз по течению реки Майн на новое место. Построили школу и первыми на карбасах переправили детей к учебному году, а взрослые приехали уже по снегу на оленях. Так соединили в один посёлок жителей Берёзова и Ваег. К сожалению, мама моя не приехала, она умерла в Старых Ваегах, и жизнь моя и братьев: Коравье, Кикик, Тумгекая продолжалась по интернатам. Отец наш Пеляургин постоянно находился в оленеводческой бригаде, и мы редко его видели. Потом он женился на

тёте Лилькеунеут, которую после мамы я не могла принять в душе, и летом мы жили у бабушки Эйгына, которая нам заменила маму. Мама наша была большая мастерица: шила красивую меховую одежду, готовила вкусную еду, собирала съедобные корни, содержала в чистоте большую ярангу, учила меня домашнему хозяйству. Жили мы до колхоза зажиточно, имели много оленей, нажитое нашим родом, силами отца и его двух братьями и всё это забрали.

**Записано со слов
Кеунеут Анны в 1999 году**

Вспоминает Тынэн Тамара

В основном мой отец вместе с другими оленными людьми кочевал на Камчатке. Наше стойбище состояло примерно из 20 яранг. Оленей у нас было немного, но мы всё-таки имели своё стадо. Постепенно всем стойбищем стали переходить с Камчатки в Хатырскую тундру, и к нам приезжали люди и забирали оленей. Отец Нувано Николая, Котаквыргин и его дядя Ээкэтьэт, не хотели отдавать оленей и Котаквыргина расстреляли. Всё равно большую часть их стада забрали, самое дорогое что было у людей, чем жили. Это происходило ещё до восстания. наших оленей не забрали, но когда прикочевали к посёлку Берёзово, нас заставили вступить в колхоз, и оленей забрали, поневоле стали привыкать к новой жизни: женщины, запрягшись в нарты, возили дрова для школы, медпункта, конторы, метеостанции, а мужчины – кто выпасал

**А.Н. ШАРЫПОВА
и Тамара ТЫНЕН**

уже колхозных оленей, кого отправили на охотучастки. Продуктов было мало, особенно мяса и рыбы, трудно привыкали к «русской еде» из круп и макарон, чукчам стало страшно жить впроголодь и стали советовать, где найти место, чтобы самим жить отдельно от колхоза. Собрались несколько семей, откочевали от посёлка, но ничего не получилось, нас догнали вооружённые люди и заставили вернуться. Многих чукчей забрали и увезли. После восстания приехал Медучин Павел Иванович, начал торговать продуктами, привозимыми аргишом из Марково и в основном на сданные нами ему шитые торбаса, чижи, кукули, рукавицы и другие меховые изделия и получали продукты. Таким образом, был как раньше, был простой товарообмен, а за работу в колхозе ничего не платили. Председателя колхоза Алина сняли. Вскоре приехал новый председатель Павлов Иннокентий Филиппович, при нём стали начислять трудодни и платить деньги. Тынэн добавляет, что впервые в Берёзово увидела пьяного человека и сильно испугалась, думала, что он сошёл с ума. Водку в нашу ярангу привёз доктор Ермаков Егор Васильевич и предложил моим родителям и гостям. Я и мама убежали в соседнюю ярангу, испугавшись пьяных. В следующем году всех из Берёзова перевезли и соединили с другим колхозом в посёлке Ваеги, а в 1951 переехали всем колхозом вниз по реке Майн, где и сейчас мы живём.

**Записано со слов Тамары Тынэн в 2003 году.
С чукотского языка на русский слова Тынэн
переводила её дочь Нина Николаевна Эйгынкеу.**

Вспоминает Наталья Цвиркун (Кукук)

Солнечным тёплым утром к нам в ярангу вбежал испуганный мальчик Каанты Борис и с тревогой спросил у моей мамы Лилькеунеут, где мой отец Эйневтегин? Борис жил в интернате и сбежал из школы, услышав, что приехали люди из Марково и будут расстреливать взрослых мужчин. «Мне нужно найти отца и предупредить, чтобы он спрятался». Но в это время Эйневтегин находился на охотучастке вдали от Берёзова, об этом Каанты не знал, так как жил в интернате. Узнав, что отец в безопасности, мальчик немного успокоился, зато стала беспокоиться моя мама Лилькеунеут за моего брата Тотота Колю и детей Вонны Койныля и Сашу, которые находились в школе. Наше стойбище находилось в километрах трёх-четырёх от Берёзова, и вскоре мы услышали стрельбу. Люди в спешке стали собираться к выезду дальше от посёлка. Моя мама осталась в яранге ждать детей из школы. Меня без неё

Наталья
ЦВИРКУН

посадили на нарты вместе с другими детьми: Каулем, Кутыном Сергеем, Лялюватте и аргишом тронулись в тундру подальше от Берёзова. Отъехав несколько километров, остановились, поставили яранги, но нас догнали и возвратили «красные» и стали стрелять. Ранили Кенупа, Кинана и Тевлянькау. У Кенупа, раненного в бедро, помещённого в нашу ярангу, началось заражение, нога сильно распухла, по нашей яранге распространялся зловонный запах, медицинской помощи ждать было неоткуда. Кенуп просил мою маму, чтобы его пристрелила. Но мама отказалась. Так как была беременна и по традиции не имела права лишать кого-либо жизни. Тогда собрались несколько человек советоваться, что делать с больным человеком. После решения всех детей вывели из яранги вместе с моей мамой, вскоре раздался выстрел; кто убил Кенупа, я не знаю, когда зашли в ярангу, он был мёртв. Похоронив Кенупа, вновь люди решили ехать дальше, в пути мы были три дня. Нас снова догнали и начались аресты. В нашем стойбище забрали Ранаквургина, Онэнэ, Келевье, Итэвгре-

та, раненого и горбатого. Родственникам не разрешили попрощаться. Из них вернулся один Келевье, остальные пропали без вести, ведь они не знали русского языка, не умели ни писать, ни читать. В испуге застрелилась семья Атавкой, сначала Атавкой застрелил грудного ребёнка, жену, сестру, а потом – себя. Жители нашего стойбища после самоубийства обложили их ярангу дровами со всех сторон и вместе с трупами сожгли. Матери боялись за своих детей, постоянно их прятали в ярангах. Так, Айвек закрыла своего полугодовалого ребёнка шкурой, и он там задохнулся. Но нас, детей, трудно было удержать на месте, и мы видели, как увозили, посадив арестованных на оленьих нартах по несколько человек. Только Итэвгрета положили одного, он был ранен и не мог сидеть. Всё это происходило около нашего стойбища, недалеко от Берёзова. После ареста всех нас из стойбища вооружённые люди возвратили в посёлок. Взрослые стали считаться колхозниками. Мы практически жили полуголодными. Мяса не давали, не разрешали забивать наших оленей, так как считались уже колхозными. И почему-то не разрешали ловить рыбу. Мама стала в колхозе возить на себе дрова, отца я не помню, мама говорила, что он умер скоропостижно во время какого-то страшного мора. Мой брат Тотот Коля в возрасте 9–10 лет ставил петли на куропаток и зайчиков, этим и питались. Нас ещё подкармливал Уккам, он поздно вечером украдкой вдалеке от посёлка ставил сеть на реке и приносил часть улова нам. Всегда он торопился, уставший и промокший уходил из нашего стойбища в посёлок к себе домой пока не наступал рассвет, и его не заметили. В 1950 году жителей посёлка Берёзово перевезли сначала в Старые Ваеги, при этом имеющиеся в ярангах божков и деревянные фигурки – хранителей очага не разрешали брать с собой, их выбрасывали и сжигали на костре. В посёлке Старые Ваеги я стала учиться в первом классе, там прожили зиму 1950–1951 год. В конце лета 1951 года из старого посёлка Ваеги детей повезли на плотках на новое место. В течение нескольких дней пока плыли на плотках кипятили чай, на остановках вечером взрослые ставили сети, варили уху или жарили рыбу, нанизав на палку. В новом посёлке в интернате нас кормили плохо, мы вечно были голодны. Повар Петто давала по кусочку хлеба каждому и наливала одну поварёшку крупяного супа, мяса и рыбы не было. Нас выручала добрая душа Дьячкова Евдокия, к которой мы бегали, она кормила рыбой украдкой от мужа Степана Ивановича. Так продолжалось до приезда взрослого населения со Старых Ваег уже на нартах по

снегу. К тому времени приехали учителя, и я вновь была определена в первый класс. Нас стали лучше кормить. Поваром начала работать Евдокия Иннокентьевна Павлова. В первый день её работы, зайдя в столовую, увидели несколько тарелок, полных хлебом, мигом мы разобрали и попрятали весь хлеб, повар снова нарезала и мы снова его попрятали. И так несколько раз накладывала хлеб добрая Евдокия Иннокентьевна, молча со слезами на глазах. Ещё долгое время мы не могли насытиться и прятали хлеб. Дольше всех не могли справиться с недоеданием Кымыльгин и Кыльгынпэкыль, припрятанный ими хлеб находили в постели.

Дополнительные сведения

Цвиркун

Уезжали из Берёзова в старые Ваеги весной, примерно в марте месяце 1950 года, уже ярко светило солнце. Ехали частями, не все сразу жители села, а группами по родству. Ехали целым аргышом со своими вещами, ярангой, из которой были выброшены наши божки и сожжены. На дорогу нам никаких продуктов не дали, хотя наш путь составлял несколько дней, много было детей. Моя мама попросила у своей сестры Куучинау дать что-нибудь из еды на дорогу. Куучинау поделилась куском мяса, мороженой кровью и внутренним жиром. У других тоже не было еды. С нами ехала Кав-Кав, сестра Атыта, тоже голодная, и у нас украли мороженую кровь и грызла её сырую, всё лицо измазала кровью и шерстью. Моя мама это увидела и сказала: «Отдай кровь, мы сварим ипаны (чукотская пицца суп из крови) и все вместе поедем». Так и сделали. Узнав о нашем голоде пастухи какой-то бригады, не помню, к нам украдкой наведались, взяли с собой в стойбище моего старшего брата Тотота, забили там оленя и отправили к нам. Матери наши быстро его разделили и сварили много мяса. Все наелись. Наверно, это нас и спасло и мы все благополучно доехали до старых Ваег.

В Старых Ваегах жили ламуты (эвены) Павловы, Дьячковы, Берёзкины, Шарыповы. Они мне казались высокими, со светлыми круглыми глазами, рыжими волосами, скуластые. Женщины ходили в национальных одеждах, интересно, что и собаки у них были высокие. По приезду нашему председателю колхоза «Светлый Путь» Павлов Иннокентий Филиппович и председателю сельсовета Павлов Максим Филиппович (братья) открыли общественную столовую с трёхразовым питанием, поваром была Дьячкова Мария Ивановна, а хлеб выдавала Павлова Акулина. Нам разрешили ловить рыбу, поя-

вилась юкола (вяленая рыба). Иногда прилетал самолёт и сверху сбрасывал мешки с мукой. Мешки лопались. Все бежали собирать муку со снегом. Главное, мы уже не голодали. Ламуты имели небольшое стадо оленей, бригадиром которого был Павлов Кирик, а в посёлке занимались охотой, рыбной ловлей и огородничеством, что для чукчей было новостью. Овощевод Павлова Анна Семёновна выращивала капусту, картофель и табак. По словам жителя Шарыпова Иннокентия, огородничеством занялись в основном во время войны, когда не стали поступать продукты из марковского торгово-заготовительного пункта. А летом 1951 года всех стали переплавлять на плотках по реке Майн на новое место, где построили новое село со старым названием ВАЕГИ, где мы сейчас и живём.

Дополнение: со слов Цвиркун: многие семьи во время коллективизации бежали подальше от советских властей. Так, например, семья Иукум, Тытынэт, Олейгын, Аат двинулись со своего стойбища и «прибежали» в Тавайваам.

Анадырь 2004 год. Шарыпова А.Н.
Записано со слов Цвиркун.

Воспоминания Зинаиды Ивалько (Омрытхэвит)

Само восстание в Берёзово я не могла осознать, потому что мне было около пяти лет. Но один день мне запомнился тем, что яр-

Зинаида
ИВАЛЬКО

кие лучи солнца слепили мои глаза, я стою на улице около яранги и мои ноги в торбах проваливались в мокрый снег в красных пятнах. Передо мной – открытый проём во вход в ярангу (чоттагин) и вижу: около костра лежит окровавленный мужчина, которого одной рукой за голову и плечи поддерживает женщина, а другой вытирает кровь с его лба и волос, как бы смахивает или промокает её. Вокруг суетятся люди, в основном женщины, стараясь скрыть этого мужчину от кого-то, для чего уменьшили вход в ярангу, а детей предупредили, чтобы никому не говорили, что видели. Спустя годы, когда я училась в старших классах, спросила у мамы «кто был раненый мужчина?», и вот тогда только она рассказала про Берёзовское восстание и имя: этого человека звали Ноноильгы-Коравье, тяжелораненый в перестрелке, впоследствии умерший от ран.

Уже взрослой, будучи в командировке в посёлке Чуванском, встретила дядю Коольгына, который узнав меня, буквально набросился и начал обнимать и целовать, гладить, приговаривая со слезами на глазах «бедная, бедная моя племянница». Я не могла понять, в чём дело, пока он не поведал все переживания во время восстания. Он рассказал, что моего отца Ээкэттэтта ранили в паховую область и он просил пристрелить. Я тогда вспомнила своего отца, он был высокий молодой жизнерадостный человек. А дядю Коольгына после восстания забрали, увезли на материк и после отбытия срока наказания он не вернулся в Ваеги, а уехал в Чуванское, слишком тяжелы для него оказались переживания того времени.

**Записано со слов Зинаиды Ивалько
16 октября 1998 года.**

Вспоминает Николай Ятгыргынн

В июле 2003 года вместе с учителем Ваежской школы Эйгынкеу Ниной Николаевной посетили Ятгыргына Николая, одного из оставшихся в живых заключённого в трагические дни Берёзовского восстания. Живёт он один в маленьком колхозном домике, построенном в

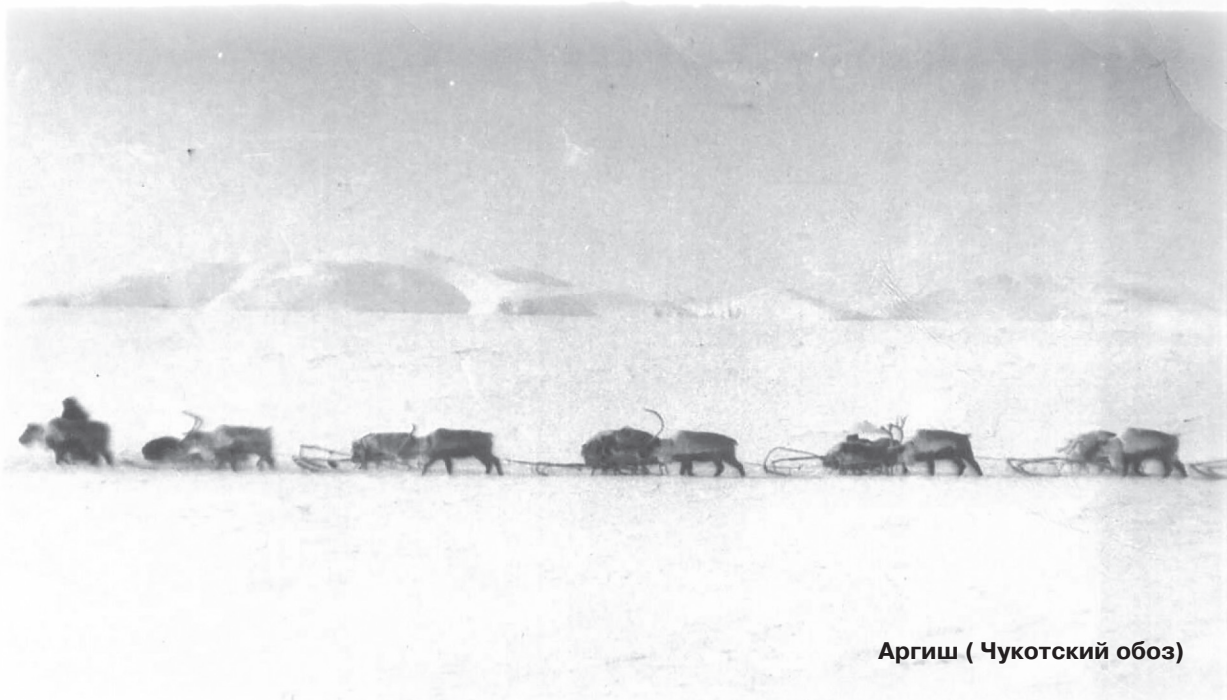
1952–1953 годах дети живут отдельно, навещают, помогают по хозяйству. Около дома зеленеет картошка и другие овощи, жизнью своей Ятгыргын доволен. Вот что он рассказал: «мне сейчас 76 лет, а тогда было 23 года и я уже состоял в колхозе, работал бригадиром, руководил аргишом, состоящим до 200 упряжек оленей. На нартах перевозили из колхозного склада в Марково мясо, рыбу, меховое сырьё, на обратном пути везли продукты: сахар, масло, муку,

Николай ЯТГЫРГЫН

промтовары со складов торго, находившихся в Крепости. (Образованного первоходцами казака Семёна Дежнёва.) Аргиш сопровождали одни женщины, тоже колхозницы. В один из весенних дней мы уже выехали из Берёзова и были довольно далеко от него, нас догнали на оленях Тынэв и Нотай, угрозами заставили вернуться обратно налегке, разбросали с нарт весь груз. Я не знал, что делать, не соглашался, боялся, хотел посоветоваться с отцом Акаколё, для чего хотел поехать к нему в Старые Ваеги, но мне не разрешили и пригрозили, что если не соглашусь вернуть аргиш в Берёзово, то меня и женщин расстреляют. Так, помимо нашей воли завернули весь аргиш вместе с сопровождавшими женщинами, остановили его в самом посёлке, женщин закрыли в сарае. А я проехал мимо посёлка к своему стойбищу, где находилась наша яранга, а также яранги Кутыкеу, Келевье и других соседей, прикочевавших недавно из Хатырской тундры. Уже ночью в наше стойбище приехали вооружённые люди в сопровождении нашего жителя Улянго, работавшего тогда в сельском совете. Он криком напутствовал приехавшим «стреляйте, по низу яранг», чтобы

Аргиш (Чукотский обоз)

попасть в людей. Они так и делали, а наши старики, наоборот, просили не стрелять в людей, но никто их не послушал. Пулями наши яранги прорешетили, многие тогда получили ранения и были убиты. Тогда расстреляли сына Кергиной, у него выпали кишки и его ещё живого закопали в снегу, также получил смертельное ранение Этынкеу – сын Кергычайвуной. Из-за страха за своё будущее покончили жизнь семьи Нотай и Айван, застрелились вместе с жёнами и детьми. Чукчи не хотели вступать в колхоз, менять свой образ жизни и по-своему сопротивлялись. После восстания забрали человек 20 в Марково, затем переправили в Анадырь. Может вспомню кого забрали вместе со мной, перечислю: Ранаквургина, Итэвгрета, молодого парня Онэнэ – жениха Ольги Гыргольны, Кэныра, Мыргымыра, Келевье-старшего, Келевье-младшего, Коровье, Тыневентына, Айнавкая, Таньо, Кергинто, Татыта, Эйнелькута, Гиувье, Айняквургина, Коольгина, Нооильгы-Коровье, Тынев и меня, Ятгыргына Николая. Много времени прошло, может, кого забыл, пусть меня простят. В Марково и в Анадыре нас всё время допрашивали. Кормили непривычной едой в тюрьме, мы голодали и некоторые умерли от истощения и полученных ран. При допросе я рассказал, как всё было, и что я не соглашался на сопротивление, но всё равно меня осудили и отправили как всех на «материк» по разным лагерям. Я отбывал срок в Хабаровске, Новосибирске, никого там из своих не встретил. Очень трудно было из-за незнания русского языка. В заключении выполнял тяжёлую физическую работу: валил

лес, рыл траншеи 2 метра шириной и 3 метра глубиной для чего, не знаю. После окончания срока я не хотел уже ехать домой, меня долго уговаривали, потом согласился, меня повезли во Владивосток, посадили на пароход, отплывающий на Чукотку. Домой из заключения вернулись единицы, где сгинули остальные, до сих пор не известно. Приехал домой пятого августа 1959 года, стал работать в оленеводческой бригаде № 7, награждён многими грамотами за многолетний труд, являюсь ветераном труда. В конце беседы Яткиргын выразил сожаление, что сейчас в совхозе очень мало оленей. Из 10 оленеводческих бригад осталось только 3, да и то в них по малу голов. Что будет с оленеводством дальше, неизвестно.

**Записано в Ваегах со слов Николая Ятгыргына
в июле 2003 года**

**Перевод учительницы чукотского языка
Нины Николаевны Эйгынкеу**

Вспоминает Тынатваль

Я родом с побережья, вышла замуж и кочевала вместе со стойбищем братьев Трунко, Котаквургина и Ээкэтьэт, который был моим мужем. Занималась шитьём меховой одежды, готовила еду, содержала в порядке ярангу, в общем, всё делала, что было необходимо в нелёгкой кочевой жизни. Стойбище наше состояло из более 20 яранг, состоящих из многочисленных ближних и дальних родственников. У каждой семьи были олени. Если в одной семье было мало их, то помогали выпасать тем, у кого было много. Там, в

А.Н. ШАРЫПОВА и Мария ТЫНАТВАЛЬ
(мама Зинаиды ИВАЛЬКО)

Хатырской тундре родилась дочь, мы с мужем назвали её Ивалько. Детей было много в нашем стойбище, и женщины помогали друг дружке в присмотре их. Наша жизнь временами нарушалась приездами людей откуда-то. Они собирали мужчин и с ними проводили беседы, уговаривали вступать в колхоз, уезжая с собой забирали часть оленей. В один из таких наездов «гостей» (рэмкылин) домой не вернулся Котаквургин. Позже пришёл его брат Ээкэтъэт (мой муж) и сказал, что Котаквургина расстреляли за то, что не разрешал снова угнать оленей, а Ээкэтъэт смог убежать. И на этот раз часть оленей забрали, люди уже боялись сопротивляться. Были все встревожены и после этого случая начали постепенно кочевать в сторону посёлка Берёзово. Там уже был организован колхоз. Познакомившись с колхозниками, их жизнь не понравилась нашим оленным людям, и решили кочевать обратно подальше от колхоза. Но это нам не удалось, так как приехали из Маркова вооружённые люди и нас завернули. Началась перестрелка, Марковские убили братьев Трунко и Ээкэтъэт. Не желающий вступать в колхоз Кергинто ранил колхозника Айнава, а тот, раненый, в свою очередь наповал убил Кергинто и Гиункэу. А Тэнкылин, испугавшись увиденного, сам застрелился. После арестовали и увезли Татыт и Таньо. Оленей наших забрали и принудительно включили в состав колхоза. Многие семьи остались без мужчин, жёны

без мужей, а дети без отцов. Оставшиеся мужчины стали выпасать своих отобранных оленей, но уже считавшимися колхозными, их запретили самим забивать на еду. Приходилось питаться непривычной едой из круп. Женщины стали погонщиками оленей в аргишах или заготавливали дрова для конторы, школы, медпункта, радиостанции, возили их, запрягшись в нарты. Оплаты за работу при председателе колхоза Алине не было. Продукты выменивали у пушника Медучина Павла Ивановича за пушнину, меховую одежду (рукавицы, чижы, торбаса, кухлянки). А через год всех перевезли в посёлок Ваеги, спустя ещё год перевезли на платформах сначала осенью детей вниз по реке Майн на новое место, а взрослые переехали уже по снегу на оленьих нартах. Новый посёлок остался с тем же названием, а прежний – Старые Ваеги. Организовали колхоз «Путь к Коммунизму», с его председателем Павловым Иннокентием Филипповичем, где я работала на разных работах до пенсии. Пока была молодая, сопровождала аргиш вместе с другими женщинами, возила на себе дрова, а когда открыли мастерскую, то обрабатывала шкуры, шила меховую одежду для пастухов. Вышла замуж за Вальгыргина, ещё родились две дочери. Все они получили образование, живут самостоятельно, семьями, растут внуки.

**Записаны воспоминания Марии Тынатваль
в Ваегах в июле 2003 года**

Переводил Николай Нувано

Павел Иванович Медучин

В Ваегах Павел Иванович работал пушником в торгово-заготовительном пункте. Это был жизнерадостный человек, при встрече каждому находил доброе слово. Чуванец по национальности, знал чукотский, ламутский, (эвенский) русский языки, общался свободно с местным населением, за что его все уважали. В своей работе он снабжал охотников ружьями, патронами, капканами и другим охотничьим снаряжением, зимой на охотучастки возил продукты, забирал пушнину у охотников, делился поселковыми новостями, привозил письма от родных, газеты, также толстый журнал правления колхоза под названием «Информационный Бюллетень», где охотники могли написать свои просьбы и заказы на необходимое для их жизни и работы в условиях тундры. Кстати, «Информационный Бюллетень» передавался и в оленеводческие бригады. Таким образом, при возвращении журнала прав-

ление колхоза, партийная организация в лице парторга Ермакова Егора Васильевича, председателя сельского совета Берёзкина Николая Егоровича получали сведения о нуждах пастухов и охотников, об их здоровье, сохранении оленепоголовья и т.д. В то время (1952–1961) другой связи не было. Однажды в 1953 году на партийном собрании, участником которого я была, принимали кандидатом в члены партии сотрудницу Берёзовской метеостанции и коснулись о восстании, которое было в 1949 году. Многие коммунисты об этом знали и даже некоторые были очевидцами. Они спрашивали, что случилось с некоторыми постройками, как живут работники метеослужбы. Там ещё работали метеорологами муж с женой Селивёрстовы, с ними находился мальчик 7 лет. Только я о восстании ничего не знала. Через несколько дней попросила Павла Ивановича рассказать, что он знает о Берёзовском восстании.

И вот что он рассказал:

– Я в то время жил в Берёзово вместе с женой Дарьей Константиновной и маленькой дочерью Светланой. Работал также пушником, ещё торговал продуктами в небольшом магазинчике, а Дарья пекла хлеб для жителей, жили в пристройке магазина. Здесь был организован колхоз «Полярная Звезда», председателем которого был малог-

рамотный Алин, в посёлке был сельсовет, радиостанция, медпункт, школа-интернат, метеостанция. Многие чукчи берёзовского куста вступили в колхоз, жили они каждый в своих ярангах, привыкали к колхозной жизни. Волнения начались, когда прикочевали к посёлку чукчи со своими многочисленными оленями из Хатырской тундры. Они не захотели вступать в колхоз, сдавать своих оленей в колхозное стадо. Приехавшие с Хатырской тундры богатые оленные люди стали агитировать уже вступивших в колхоз чукчей откочевать дальше от посёлка и жить своей жизнью. Склонили на свою сторону семью Нотай, который впоследствии застрелил двух своих детей и жену, а потом сам себя. Кто был против откочёвки, в тех начали хатырские стрелять. Так, ранили Айнава – колхозника, впоследствии умершего от ран, учителя Ивтека Унуковича – в ногу, радиста, чтоб не смог передать события в районный центр Марково. Вечером уже в потёмках, чтобы никто не видел, я срочно выехал на оленьей упряжке в Марково просить помощи от властей. В пути забрал Ваежского пастуха Шарыпова Иннокентия из бригады Дьячкова Ильи и вместе с ним добрались в район. Когда я приехал с подкреплением из Маркова, жена моя рассказала, что вскоре после моего отъезда пришли разъярённые чукчи и стали спрашивать, где Медучин? Не скажешь – убьём. Она была очень напугана, сказала, что куда-то уехал. Чукчи стали совещаться, что делать со мной, один из них сказал, не будем убивать, у неё – ребёнок. Вместе со мной приехали для усмирения человек 30 с двумя пулемётами и стрелковым оружием, многих зачинщиков забрали с собой, оленей влили в колхозное стадо. После восстания убрали председателя Алину, не сумевшего правильно организовать работу колхоза, взамен поставили Павлова Иннокентия Филипповича. А в 1950 году всех жителей Берёзова перевезли сначала в Старые Ваеги, потом в новый посёлок с этим же названием, укрупнив Берёзовский чукотский колхоз «Полярная Звезда» и Ваежский ламутский – «Светлый Путь» в один – под названием «Путь к Коммунизму». Для обустройства нового места на барже из торговой базы «Крепость» в Ваеги были направлены стройматериалы, продукты, школьные принадлежности, но осенью река Майн обмелела и баржа не могла пройти до посёлка, примерно тридцать километров, разгрузилась на берегу около местечка «Двенадцати Братьев». Так называли местные жители левый крутой берег реки Майн, на котором поочерёдно располагались 12 белых выступов. Заведующий ТЗП Плошенко Григорий Филиппович, я и

Павел Иванович МЕДУЧИН

рабочий пекарни Нутелькут на карбазе поехали встречать баржу. После выгрузки товара оставили Нутелькута охранять. Через 10 дней поехали заменить Нутелькута, но он оказался повешенным, а груз сожжённым. Нас охватил ужас от увиденного. Что здесь случилось? Кто сжёг товар? До сих пор нет ответа. Плошенко Григория Филипповича и меня вызывали в Марковский райком партии для объяснения, мы получили выговоры по партийной линии. Для расследования направили следователей, но так и не удалось установить причину этой трагедии.

Вспоминает

Гаттэ Сергей Иванович

Это было в 1949 году. Центром коллективизации было Берёзово (ныне там перевал-база). Одна из причин берёзовских событий являлась неправильная политика, проводимая Алиным Александром Васильевичем: Во-первых, им в категорической форме запрячалось забивать личных оленей в то время, когда царил голод из-за этого.

Во-вторых, в это время по нашей тундре (по словам старожиллов) ездили (кочевали) канчаланские оленеводы и говорили, что скоро придут американцы и всех русских убьют и поэтому вам надо уходить в глубь тундры. Находясь в таком положении, оленеводы решили действовать. Началось всё с захвата аргиша, идущего в Марково. Участников этого аргиша арестовали и посадили в сарай. Один из пленников, а это был Тыневентын, сбежал и сообщил Кэлевьи (отцу Антолина) о случившемся. Собравшись, группа оленеводов: Кэлевьи, Кутынкеу с братом Айнавкаем, Онымэ, Ятгыргын (дедушка С.Куркутской), Тыневентын, Таньёо и многие другие, вооружённые винчестерами, ножами, дубинками, отправились в Берёзово для освобождения своих (пленников, сопровождавших аргиш). Это была большая трагедия, были убиты с обеих сторон. Через некоторое время приехала опергруппа из Маркова на собачьих нартах. Солдаты были вооружены автоматами и пулемётами. Военные сразу окопались в снегу и начали переговоры с руководителями мятежа. Переговоры длились целый день. В конце концов было поставлено условие: кто хочет жить, пусть уйдут в сторону. В начале прошли женщины и дети, за ними потянулись мужчины. Но много было тех, кто не хотел идти в плен и признать своё бессилие. Они убивали себя и своих родных. Вот некоторые фамилии: Нотай убил себя, жену и двух детей, Айван убил 7 человек родных: Гиункева, Кергынто, Кэнупа, Тэк (женщину), Тэнкыльына, Калельына и в конце себя, Ыляльо себя и

двух сыновей. После этих событий были отправлены в лагеря много людей: Ивтэгрет, Ира, Таньо, Кэлевьи, Мыргымыр, Акау-Коравье, Кутынкев, Ятгыргыкай, Айнавкай, Оккам, Тэвлявье и другие. Многие погибли или умерли в лагерях, только пять из них вернулись. Народ, доведённый бесправием, жестокой коллективизацией, голодом и отчаянием довели к той большой трагедии, которая произошла в 1949 году. Участники и свидетели тех событий ещё живы, находятся вокруг нас, спросите их, они ещё многое могут рассказать.

23 ноября 1992 год. Гаттэ Сергей Иванович.
С Ваеги.

НУВАН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

1937 год рождения.

Характеристика взята из документов
соцзащиты села Ваеги

Родился в селе Берёзово в 1937 году Марковского района Магаданской области. Стаж работы исчисляется с колхоза «Путь к Коммунизму» в 1948 году, где проработал 20

лет и 2 месяца. В 1968 году колхоз «Путь к Коммунизму» преобразовывается в совхоз, там же Николай Иванович продолжает работать бригадиром оленеводческой бригады № 6. В 1992 году ему назначена пенсия по возрасту, но Николай Иванович продолжает работать бригадиром. В 1997 году уходит на заслуженный отдых, но снова возвращается в оленеводческую бригаду в качестве наставника. В настоящее время от времени работает в МУП СХП «Ваежский, передаёт опыт молодому поколению. За всё время трудовой деятельности поощрён и награждён с занесением в трудовую книжку: денежными премиями по итогам работы разных лет, объявлены многочисленные благодарности (11 раз). Награждён почётными грамотами (9 раз), за досрочное выполнение пятилетнего плана награждён знаком «Ударник 10 Пятилетки» с ценным подарком, был занесён на доску почёта (5 раз), присвоено звание «Лучший Оленевод», присвоено звание «Ударник Коммунистического труда», а также «Мастер животноводства 2 класса», награждён серебряной медалью ВДНХ СССР в 1987 году, орденом трудовой славы 3 степени в 1978 году, орденом «Трудовой Славы 3 степени в 1986 году, медалью Ветеран труда в 1987 году, пользуется льготами.

Общий трудовой стаж составляет 51 год.

В настоящее время в осеннее-летний период выезжает в оленеводческую бригаду по своей инициативе, помогает молодёжи, делится опытом, является наставником, пользуется уважением среди односельчан и руководства села.

По характеру добросовестен, отзывчив, трудолюбив, имеет большой опыт трудовой деятельности, является членом КМНС при уполномоченном села Ваеги.

Кикик Ольга Сергеевна – специалист Соцзащиты села Ваеги 2006год.

К сожалению, в июне 2007 года Нувано Н.И. скоропостижно скончался.

Шарыпова А.Н. 30 ноября 2007год г. Анадырь.

3. ОТ АВТОРА.

Село Ваеги, 1952–1961 годы.

К концу 1951 года на новое место были перевезены, сплавлены по реке Майн из старых Ваег и восстановлены 17 домиков. Правда, крыши ещё не покрыли, стояли голые стропила, не было толя для этого. Жили в них в основном ламуты (эвены), давно ведущие оседлый образ, только чукчи, ранее проживающие в Берёзово, Нупевье и Кутынкеу со своими семьями занимали 2 домика. Осталь-

ные жили в ярангах. По середине посёлка находилась приземистая школа-четырёхлетка, напротив – интернат, все учащиеся в зимнее время жили там. Пекарь Анна Семёновна Павлова выпекала вкусный хлеб, торговлей занимались Плошенко Григорий Филиппович с женой Натальей Васильевной. Медпункт располагался в небольшом домике, ранее служившем охотничьей избушкой, называвшейся местными жителями поварней. Председателю колхоза Павлову Иннокентию Филипповичу предстояла огромная работа по обустройству посёлка, строительству домов, переселению людей из яранг, организации колхозников на выполнение планов по оленеводству, рыболовству, пушному промыслу и растениеводству (посадки картофеля, лука-батун, огурцов). Оленеводами были оленные чукчи. Из 10 бригад только 2 обслуживались ламутами, бригадирами которых были Дьячков Николай Лукич и Дьячков Николай Петрович. Большую помощь оленеводам оказывали зооветспециалисты Сидин Юрий Михайлович и Шарыпов Иннокентий Васильевич. Охотниками славились ламуты: Берёзкин Федот Яковлевич, Павлов Николай Дмитриевич, Шарыпов Василий Семёнович, Дьячков Алексей Семёнович, Берёзкин Андрей Егорович, зимой охотились, летом рыбачили. Ещё по плану колхоза необходимо было развитие растениеводства: посадка картофеля, огурцов, зелени. Для огорода

агроном Марк Иванович Татарченко с заместителем председателя колхоза Хохлачёвым Фёдором отыскивали подходящую землю под огород на противоположном берегу р. Майн, построили помещение под яровизатор для картофеля. Надо отдать должное агроному, урожаи были неплохие, хотя для местного населения в то время дело было новое. Укроп, петрушку, зелёный лук увозили даже в Марково для продажи. Марк Иванович в последующие годы сеял овёс на зелёнку, которую с удовольствием поедали колхозные коровы. Доярка Берёзкина Анна ухаживала за коровами и получала хороший надой молока.

Пережившие Берёзовский бунт в основном трудились в оленеводстве: так Антолин руководил бригадой № 10, подростки дети арестованных отцов стали работать пастухами. Набрав опыта сын сгинувшего после репрессии Таньё Коравье Анатолий руководил оленеводческой бригадой № 3, Нувано Николай, сын убитого отца Котаквыргина, стал бригадиром шестой бригады, Александр Койныля – в бригаде № 2. Они стали лучшими мастерами оленеводства, были приняты в члены ВКП(б). Улянго, работавший в сельсовете посёлка Берёзово и помогавший умирять бунтовщиков, вскоре ослеп, а Кергина, мать расстрелянного на глазах сына Кергинайнына, оставшись одна после убийства мужа Трунко, лишилась рассудка. Оба, Улянго и Кергина, последние годы провели в доме-интернате для инвалидов и престарелых в городе Анадыре. Павлов Семён Семёнович, считавшийся убийцей подростков Кергинайнына и Эттынкева, умер от туберкулёза в 1954 году.

Спустя 10 лет стали возвращаться люди из заключения. Первым возвратился Гиувье, стал работать помощником колхозного механика Калошина, а потом заменил его. Постепенно вернулись Мыргымыр, Келевье-старший, Коравье, Тыневентын, Айнавкай, Кэныр, Яткиргин. Коравье, Тыневентын, Айнавкай, Кэныр, Ятыргын ещё были довольно молодыми, женились, у них появились дети. Таким образом, из неполного числа 20 человек арестованных вернулись 8 человек. Молодые были направлены в оленеводство, пожилые Мыргымыр и Келевье стали наставниками пастухов оленьих стад. Учитель Берёзкин Ивтек Унукович переехал в Анадырь и работал сотрудником газеты «СОВЕТСКАЯ ЧУКОТКА». Наталья Цвиркун после семилетки поступила в Анадырский сельскохозяйственный техникум и длительное время работала в совхозе «Путь к коммунизму» зооветспециалистом в оленеводческих бригадах и по семейным обстоятельствам переехала в Анадырь. Кеунут Анна поступила на курсы радистов, не-

которое время работала в Северо-Эвенском районе, затем телеграфистом в Анадыре. Обе уже на пенсии, живут в Анадыре. Зинаида Ивалько после Анадырского педучилища закончила Магаданский педагогический институт, работала сотрудником газеты «Советская Чукотка».

Тем временем стараниями колхозников и организаторскими способностями председателя колхоза Павлова Иннокентия Филипповича, секретаря партийной организации Ермакова Егора Васильевича, председателя сельсовета Берёзкина Николая Егоровича, колхоз «Путь к Коммунизму» набирал силы и стал одним из первых колхозов Марковского района сёл Чуванска, Ламутска, Еропола и колхоза имени Жданова, находящегося в селе Марково.

Вот такая трагическая история коллективизации в Марковском районе на Чукотке в 1949 году.

Дополнительно хочу сказать, что с Балдаевым Василием Михайловичем я познакомилась в посёлке Певек, куда он приехал в 1950 году и работал секретарём Чаунского райкома комсомола.

4. ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ

В марте 2010 года научный сотрудник Чукотского филиала Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН Владислав Нувано опубликовал о берёзовском восстании свою статью.

Коллективизация сложный и болезненный этап освоения Чукотки в XX веке. Процесс обобществления оленей, создания колхозов осуществлялся здесь, как и по всему Северу, репрессиями в отношении крупных оленьих стад. В категорию богатых оленеводов-эксплуататоров попадали люди, работавшие и заботившиеся о своих оленях наравне с простыми небогатыми пастухами. И сейчас, в пору жарких споров о форме возрождения оленеводства на Чукотке частных или коллективных хозяйств, предприятий, общин – можно услышать такое мнение стариков: в тундре олень – это олень, и мы не разбираем, какой он – частный или общественный. Любое животное в стаде требует внимания и заботы.

В пылу выполнения постановлений партии и правительства многие хозяйства Чукотки, в том числе существовавшего тогда Марковского района, уже в начале 30 годов рапортовали об успешном проведении коллективизации. Но исследователи, опираясь

на исторические и архивные данные, свидетельствуют, что и до начала 50 годов говорить об успешном и окончательном обобществлении оленьих стад не приходится. В своей книге «Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917–1952 годов» историк И.С. Гарусов упоминает о трагических событиях, фактах сопротивления насилию и произволу в проведении коллективизации в Марковском районе, Ваежской тундре. Он, разумеется, даёт оценку, соответствующую времени выхода книги. Однако, приведённые им факты таковы:

Кулак Гемавье не только отказался, но и организовал убийство уполномоченных по проведению коллективизации, закупке оленей для совхоза в Марковском районе. Советские работники Майдлин и Екимов, переводчики-камчадалы Дьячков и Павлов, сопровождаемые проводником Айнелькутом, в 1940 году объезжали стойбища. Во время отдыха Айнелькут перестрелял их ночью из винчестера и трупы сбросил в реку. В марте 1949 года был развален колхоз «Полярная Звезда» в Берёзовском поселении Марковского района. В этот колхоз было принято несколько кулаков. Один из них – Кутынкеу организовал антисоветскую группу, в которую вошли Яткыргын, Тыневентын, Мыргымыр, Кена, Келеуги, Коравье, Ипилючин, Татат, Тонно-Кутынкеу, Айнявка, и Келевье. Совершив вооружённое нападение, ранили председателя Совета Улянга, избивали многих членов правления, угнали колхозное стадо.

В селе Ваеги в 1999–2000 годах моими собеседниками были пожилые люди – свидетели и участники тех трагических событий, о которых пишет И.С. Гарусов. В отличие от исследователя, они почти не оценивают происходящего во время коллективизации. Не в характере чукчей навешивать ярлыки и навязывать свой взгляд на событие. Они просто рассказывают, и их устами говорит история. Я постарался не мешать ход их повествования, лишь перевёл их повествования на русский язык.

РАССКАЗ Т.В. КЕУНЕУТ

Мы жили на реке Хатырка, в которой много водилось рыбы. Рядом находилось озеро, в котором было очень много гусей. Весной, когда они прилетали, мы их ловили капканами. Гусыни, когда брыкались, роняли яйца, мы их подбирали, а с гнёзд не брали. Сытно было. А в это время объединённое стадо паслось где-то. На Вилюнее паслось богатое стадо Гемавье. У него были сыновья Трунку, Котаквургин, Эакетьет и дочь Чинкук. У

сыновей было по 2 жены. У всех у них были большие стада, даже «араналвын» (домашнее стадо при каждом стойбище), а зимой их основное стада делили надвое, чтобы легче было пасти. Летом они свои стада пригоняли к морю, забивали для кереков много оленей. А взамен им давали всевозможную морскую продукцию: ремни, кожу, жир. Так и жили. Потом мы откочевали к Гемавье. В то время в аргиш (обоз) запрягали даже важенок (венк-ор) – обученные под пряжки важенки. Они сильные и спокойные. Помню, когда кочевали, их телята вокруг аргиша резвились или спокойно шли рядом с матерью. Когда жили у Гемавье, мы, дети, ходили на дежурство и целую ночь играли возле стада, ловили оленей, водили их. Не помню, когда мы спали, весело было. Помню, однажды, домашнее стадо, где старшим был Унувье (отец Тевлявье – пенсионер старше 70 лет) оленей почти полностью накрыло снежной лавиной, остались лишь те, которые были возле яранг (эвытыльыт – мочееды, восполняющие недостаток солей человеческой мочой). Мать Тевлявье и Алель-Кытытваль – жена Рахтувье вдвоём выкапывали, вывозили и разделявали туши. Мы просыпались – их уже не было, засыпали, их ещё не было дома. Когда они спали?

Всё началось, когда приехали люди с Аянки (Корякия) в стойбище Ранаквургина по кличке Рыгльо, брата вашей, Владислав, бабушки Етгеут (жена Котаквургина в последующем убитого людьми из карательного отряда). Рыгльо рассказал, что приехали «мылгытаннйт» – огненные противоположные люди. Когда Майдлин и Екимов возвращались с просчёта их проводник Эйнелькут (по Гарусову Айнелькут) застрелил их и бросил тела в овраг. Наверное, он с ума сошёл, даже он в своих домочадцев стрелял, когда они были в яранге. Его падчерица Нутэн бежала к нам, а Эйнелькут сразу откочевал на другое место, начал скрываться. Перед пургой снимался, откочёвывал на другое место, а следы заметало. Тогда самолётов не было, поэтому его долго не могли найти. Если он был в каком-то стойбище, то вместе с дежурными ходил в стадо и целыми ночами не спал. С этого всё началось. Эйнелькут стал тыненъекэн (начинающий плохое) да и из-за оленей стал убивать ваших дедов. После весенней отбивки, когда плодовую часть отбивают от неплодовой части стада, к нам начали приезжать мельгитаннит (русские), тогда забрали глубоких стариков, которые ничего не могли сделать – Вутылькей из коряки и вашего прадеда Гемавье. Говорят, что они в Анадыре сами вырыли ямы и сами легли туда. А сначала детей Гемавье поубивали. Старшего сына Трунку. Ему в грудь выстре-

лили, аж кусочки лёгких вылетели, через некоторое время он от ран умер, а прежде среднего сына Котаквургина, вашего деда убили. Узнали где он живёт, окружили ярангу и застрелили. Как за дикими зверями охотились. Ловкий был Котаквургин, вырезал дыру в верхней части яранги и выпрыгнул наружу, тут его из нескольких ружей застрелили, даже откинуло его далеко. Как только немного поутихло, к его телу подошла жена Етгеут с женой его брата Трунку Кэргынай-нэн. Етгеут пыталась его поднять и всё спрашивала: Котаквургин, ты спишь? Кэргынай-нэн сказала ей: давай перенесём его на сухое место, он уже умер, пойдём домой. Тогда люди, наверное, с ума сошли, всё как во сне было. Я тогда уже всё понимала, всё помню. В Трунку стреляли, даже кусочки лёгких по снегу разлетелись. Подъехали на оленях люди, вдалеке остановились, они втроем на встречу пошли. Трунку впереди шёл, за ним двоюродный брат Нутевьи, отец Тыккикая, и ещё один человек. Как обычно они друг за другом шли, и их всех одной пулей уложили. Тогда мы думали, что гости едут, оказывается (экельгыт) плохие люди, враги. А затем и в других стойбищах начали стрелять. Ээкэтыэта – младшего брата убили. Тогда даже в детей стреляли. Кулью, Гырголькау и сын Трунку и Кергинайнын отогнали стадо на пастбище. А когда возвращались, в них стрелял Иул Семён, высокий Семён (Павлов Семён Семёнович), потом он умер в Марково. Еле живых засыпали снегом. Айгынто ещё живой говорил товарищам: братишки, у меня уже начали кишки примерзать. Уже потом нас собрали в Берёзово. Прошло несколько лет, когда убивали, и снова начали стрелять маравык (драться), тогда Етаквургин и Нувано (дети убитого в 1940 году Котаквургина) убежали от этой стрельбы. Они вели оленя, запряжённого в нарты по сопке со скарбом. За ними наблюдали в бинокли. Паврунька (Павел Иванович Медучин – переводчик) говорил «не трогайте детей». Я не помню, кто был начальником, но слышала, что его убили или сам себя убил. А Паврунька просто с ними ходил, был переводчиком.

Тогда в Берёзово голодно было, река Великая большая была, но мало рыбы ловилось. Ели мы тогда жир в бочках и всякие травы, которые сами собирали. Был горох. Но мы не знали, как готовить. Долбили на камнях и варили непривычную для нас пищу. Многие тогда с голоду умирали. Покупки тогда делали только с пошива или ещё с какой работы. В колхозе много работали. Но трудодни не начисляли. Только уже через много лет, когда контора сгорела, среди обгоревших бумаг обнаружили документы с нашими трудоднями.

Рассказ Туккева и Вуквуны – мужа и жены.

Туккев

Тогда все на море кочевали канур нынечемтаткын (как будто приводили на водопой), тогда упитанность оленей хорошая была. Там всегда было прохладнее летом, чем у нас в Ваегах. Может поэтому, может от морской воды копытки было мало. Овода было мало. Тогда все стада вместе шли галывылга (перегоняя друг друга). Попеременно оленеводы договаривались между собой, иногда даже через один перевал вместе проходили. Только люди между стадами шли. Груз на себе носили (имтыльыт) (носящие груз), обычно это рэюльыт (ночные дежурные). Вот когда стада рядом шли имтыльыт между ними шли, олени даже не смотрели друг на друга, хорошо тогда за стадами смотрели, даже телята, которые потеряли мать, бегут назад по своему следу. Наткнувшись на след чужого стада, безошибочно определяли именно свой. Бывало, что на одном месте разбивали лагерь, и два стада по разные стороны палаток спокойно отдыхали, не старались смешаться. Как только одно из стад вперёд уходило, на стойбище пастухи быстро собирали скарб и уходили вслед за ним. А другое стадо в это время даже не шевелилось, не пытались идти за чужаками. Когда олени долгое время находятся рядом, как у нас раньше, то привыкают нылборок

знат – буквально учатся видеть и держаться только своих. Даже на звук другого стада не обращают внимание. Мы вот отсюда в вилюнейскую сторону буквально кругом обошли. Наш дядя сказал: давайте объединятся. Мы сделали большой круг с Пальской стороны и подошли к стойбищам Гемавье. Потом нас испортили, начали приезжать непрощенные гости. А до этого хорошо жили. Всегда при стаде были, друг другу помогали и летом и зимой. Все работали и чавчавыт (владельцы оленей) тоже. Просто кто по старше и умнее, те руководили, советовали куда стадо подогнать, где корма для оленей побольше, конечно, кто работал, у тех олени были. И богатые и кто победнее вместе работали, как один человек. Но кто не работал, тот ничего не имел. Вот как сейчас не работают только ругаются и попрошайничают, «дай, дай, мы же пенсионеры». На выпивку у них всегда средства есть, страшно даже, вдруг побьют, если не дашь. Гемавье мне дядей приходился. Мы вместе со стадами в сторону Вилюнея кочевали. Потом наши стада отобрали, часть в Берёзово осталось, часть в Анадырь, другое стадо в Хатырку, часть на Опуку. Многих оленей просто перестреляли. Важенок, которые только родили, бросали. Тогда ламуты оказались тыненъ экыныт (провокаторы репрессий). Даже некоторые соплеменники чукчи тоже очень старались отнимать стада, даже, наверное, радовались.

Род Эйнелькута это отдельный рэмкын, наверное из Корякии. У них ещё раньше начали отнимать оленей. Наверное, он рассердился, а что он мог делать без оленей голодный? У него только ездовые были и он охотой жил. Мы тогда были около озера Акагытгин. Он был противоположного рода. В верховьях реки Ваеги они кочевали. В тех местах людей убивали, а потом и в наших местах. Люди пошли встречать ездовых, а в них выстрелили, убили Тыневье – отца Тыккикая, Трунку, детей убили. Когда они возвращались со стада. Ещё живыми закопали. Экэтыета убили возле яранги Кутыкева. Только когда стемнело, его окоченевшее тело перенесли домой. Тогда у нас лучших ездовых оленей забрали, а постромки и лямки порезали. Потом пришлось нам постромки из жил плести, лямки из оленьих шкур вырезать. Мы за оленями нашими поехали я, Аккыль, Теркинто и двое подростков, часть наших ездовых оленей забрали. Долго тяжело было, только когда Кенька (Павлов Иннокентий Филиппович) стал в Берёзово председателем колхоза, стало легче. Продукты стали колхозники получать. А до этого мало продуктов выдавали. Некоторые голодали. Даже некоторые чукчи в плохом участвовали, своих оленей не было, наших

забирали, приготовленное мясо для кильвея (праздник молодого телёнка) порубили топором, радовались нашему горю. До позднего вечера ходили вокруг яранги, куда нас всех согнали и держали там.

Вуквуна Эмтынкут

Весной мы переехали в Берёзово, ярангу поставили не в самом посёлке. А на противоположном берегу реки. Санька Алин – председатель колхоза говорил нам чтобы мы поставили ярангу в посёлке, но мы отказались. Этот человек не понимал наш язык и не хорошим человеком был к тем, кто не понимал русский язык. Мы с младшим братом до этого учились в Старых Ваегах, так, что понимала и разговаривала по-русски, а сейчас всё забыла. Тогда я председателю сказала, что не буду на вас работать, вы многих поубивали, где они теперь? Двумя ярангами мы перезимовали. Хоть отец слабый был, я ему помогала. Сети ставила рыбу ловить и соседям помогала. У соседа Кэргитагина, отца Нупевье, было много детей, им тоже помогала. Плохой председатель колхоза был и председатель сельсовета Уляна – тоже. Улянну ещё в детском керкере оставили на стойбище, привязанным к воткнутому колу. Так раньше ламуты делали. Во время войны ещё хуже было, хлеб давали по кусочкам. Чая не было. На 3 человека в семье давали булку хлеба и пол плитки чаю. Питались зайчиками, куропатками, правда, их тогда было мало. Во время восстания убили подростков сына Трунку Айгинто, Етынкева сына и ещё одного подростка. Мужчин загнали в одну ярангу и с оружием их охраняли. А теперь такие времена настали, что молодёжь не хочет работать, попрошайничают у пенсионеров.

Мои собеседники невольно связывают эти события с печальными фактами текущего времени. Пожалуй, то было огонь на поражение. Его отсветы – в нынешнем состоянии оленеводства. И не только. Вместе с разорёнными стадами, убиенными людьми исчезли на карте Чукотки стойбища, посёлки, поселения.

С благодарностью рассматриваю кропотливую и бесценную работу, проделанную российскими и американскими исследователями.

В. Н. НУВАНО

Воспоминания очевидцев Берёзового восстания чукчей подготовила Анфиса Никитьевна ШАРЫПОВА, работавшая фельдшером в селе Ваеги Марковского (Анадырского района) 1952–1961 годы.

Борис МИСЮК

ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
Сойдётся поневоле с ума,
Оттуда возврата уж нету.*

*Семьсот километров тайга,
Живут там лишь дикие звери.
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени.*

Гр. Александров. 1951

С чекистской похвальбы начнём: *В результате оперативно-агентурной работы чекистских аппаратов лагерей и колоний за 1948 год было предотвращено около 107 000 попыток и подготовок к побегам.*

А у нас уже 1950-й год. Август, прохладное утро. И наш герой, узник рудника «Днепровский» Севвостлага, да, да, да, теперь уже бывший узник, летит на моторке по взъерошенной свежим ветром и волной бухте Нагаева, полной грудью вдыхает потрясающий аромат моря – водорослей, рыб, ракушек, подлетает под правый борт лесовоза «Ухта», ошвартованного левым бортом к причалу, и, резко выпрямившись во весь рост на носу лодки, обеими руками цепко хватается за тетивы штормтрапа и лихо, прям как парусный матрос, пересчитывает ногами деревянные балясины, поднимаясь на высокий борт парохода. А высокий оттого, что судно с неделю только как встало под погрузку. Примерно на треть трюмы ещё пусты. На палубе гостя встречает боцман, рыжебородый пират с кинжалом на поясе, хватает мозолистой клешней за руку – вроде здороваясь – и совсем незаметно в суете погрузки тащит куда-то в судовые недра, по тёмному коридору, освещённому подслеповатыми плафонами над головой. Ага, вот дверь с узкой медной табличкой «Боцман». В каюте пират сажает гостя на диван под круглым иллюминатором, достаёт из рундука дюралевую фляжку и харчи – белый хлеб, копчёную колбасу, перья зелёного лука, яблоки – диво дивное, чего не видывал наш герой полдесяток лет, прожитых за колючкой, в страшном Бутугычаге, с 1945-го по 49-й, и последний год рядом, по соседству, во вновь открытом, жутком урановом руднике Днепровском. Однако же и спасительном. Ибо именно в нём встретился он с «золотарями», как

звали в лагере новичков, привезённых из Магадана, целую хевру несунув, таскавших золотишко с приисков.

С двумя «золотарями» Борис быстро сдружился, это у него всегда получалось словно само собой. С Петром Великим (именно такой фамилией Бог наградил Петра), кряжистым, хотя и вовсе невеликим ростом, под стать Борису, сошлись они особо плотно. Борис, вопреки всякой осторожности, доверился ему с головой – открыл, что готовится в побег. И даже план изложил. Пётр одобрил и дал магаданский адрес младшей сестры, работающей тальманом в морском порту, в бухте Нагаево. И когда вечером того же великого дня удавшегося побега Борис встретился с Дусей Великой, она, чтобы не рисковать, не тянуть резину (её, как сестру «золотаря», на днях только оставили в покое после серии допросов), сходу, с самого раннего утра помчала с ним в порт, где быстро сговорилась со знакомым лодочником, а сама в темпе, показав тальманские «корочки» солдату-погранцу с автоматом на плече, стоящему у трапа «Ухты», поднялась на борт. Рыжебородый пират, холостяк-сорокот, в первый же день погрузки судна по уши, заросшие пшеничным колосом, втюрился в красавицу тальманшу, чуть не вдвое его моложе, и буквально вчера успел даже сделать ей – по-пиратски, схватив вот в этой самой каюте в охапку – предложение своей клешни и отнюдь не истасканного по портовым борделям сердца. Ну и как же мог он отказать любимой в просьбе – взять с собой в море друга её родного брата, считай, уже шурина!.. «А ты не боишься, что капитан тебя с ним ушучит?» – спросила она. И он не без гордости ответил ей, что он – Джон Сильвер с «Острова сокровищ». И пояснил: Джон Сильвер был командиром квартердека, то есть абордажной команды! Он

командовал отборными головорезами, морским десантом, группой захвата! Так что сам капитан Флинт его боялся...

И вот уже хозяин каюты разливает по чарке «шило» из фляжки, чокается и урчит по-медвежьи, такой уж у него голос:

– За твою прописку на пароходе!

Борис, проглотив спирт и закусив чудесным, настоящим белым хлебом и зелёным луком, благодарствует:

– Спасибо, Михалыч! А ведь мы с тобой, значит, тёзки – я ж тоже по отцу Михалыч.

– Добро, тесак. Располагайся. Ни хрена не бойся. Дня через два, думаю, отчалим. Я тебя переселю в другое место, там ни одна собака тебя не съест. А пока пойду на палубу, посмотреть надо за погрузкой. Закрывайся и ни-ни, ни-кому не отворяй.

И ушёл. Борис приник лбом к прохладному стеклу иллюминатора, выходящего на носовую палубу. Большой пароход – целых три трюма впереди, три квадратных дыры, глотающих лесины, может, те самые, что он как раз и пилил ещё вчера утром. Господи, неужто и вправду вчера? Фортуна развернулась на сто восемьдесят градусов, а ведь ей, госпоже капризной, одного дня для такого манёвра должно быть мало...

Так ясно вижу это родное лицо с задорными чертами в глазах под густыми чёрными бровями, чувственные губы, слегка оттопыренные уши, *внимательное* лицо, приникшее сейчас к иллюминатору, вижу так чётко и живо, будто сам нахожусь рядом, в боцманской каюте «Ухты».

Паровые лебёдки стрекочут, как пулемёты, что на угловых вышках торчат. За четыре года в Бутугычаге трижды довелось послушать их смертельный стрёкот: три бунта, не хрен собачий, пережил...

С причала, со штабелей леса, один за другим летают на борт судна стропа шестиметровых стволов лиственниц. Он даже хвойный дух их почуял – при задраенном иллюминаторе! – и ощутил ладонями шершавую медную кору, в обнимку с которой провёл вчера целых семь часов в кузове *клячи*...

Наплести лапти – бежать из лагеря – эта мечта ни на день, да что там, ни на час не оставляла его все эти годы. Перебрав известные и неизвестные способы побега, Юльский остановился было на *кляче*. Так зэки называли лесовозку – ЗИС-6, трёхосную «катушу» 1941 года выпуска. Но... Тут столько всяких *но* свалилось в кучу – и бдительность стрелков на погрузке леса, и совершенная невозможность спрятаться в кузове или, допустим, где-то под машиной, и даже если сумеешь, исхитришься как-то где-то затаиться и доехать до Магадана, там тебя, влатанного в спецовку с номером на спине, в два счёта – ать-два – загребнут. Пришлось отказаться и от этого варианта. Магаданский адресок от «золотаря» Петра Великого приятно волновал воображение, но... все остальные *но* явно перевешивали...

А всё же *кляча* долго не отпускала Юльского. Он вертел её и так и этак, переворачивал вверх

колёсами, подкидывал на ухабах Колымской трассы, обращал в легендарную «катушу», каковой она и была в войну, в «птицу-тройку» Гоголя, Бог знает во что ещё – в огненную колесницу, на которой Илья-пророк возносился на небо (в Харбине у него была такая красочная открытка). И вот, в конце концов, начал складываться в его мозгу странный такой пазл: кузов *клячи* – три метра в длину, брёвна шестиметровые, ещё три метра – прицеп; с полметра – между машиной и прицепом; значит, эти полметра остаются свободными между торцами брёвен и задним бортом прицепа... Так что если ухитриться отвлечь на миг внимание стрелка и нырнуть туда в момент закрытия борта... Да, конечно, закрывать должны только посвящённые, стукачей-наседок в лагере хватает...

Хорошо, а дальше-то что? 320 километров, семь часов по трассе Колымской брёвна что, будут тебе, как младенцы в люльке, почивать? Ха, да они тебя в кровавую лепёшку растолкут...

Бежал он из Днепровского, где провёл всего год. Лагерь не прославился ещё побегами, и потому вохра «почивала на лаврах». А четыре года жизни – это знаменитый Бутугычаг, может быть, самый зверский в Гулаге, позднее воспетый двумя Анатолиями, поэтами Жигулиным и Лебедевым... Возник лагерь в системе Далебрустра в 1937-ом. «Крутые сопки, шахты, вырубленные в каменной гряде, каменные бараки (каменя здесь много), – писал Жигулин, – участки железной узкоколейной дороги... и в седловине, между сопки – кладбище. Сотни, а может быть, тысячи невысоких, покосившихся столбиков с жестяными табличками – номерами формуляров заключённых, бесславно сгинувших здесь»...

Бесславно – ключевое, как нынче говорится, слово. Писатель, а в душе тот ещё поэт, Борис Юльский вынести этого просто не мог. Он и без того вынес, с мужеством солдата, ландскнехта, как называл он себя в Маньчжурии, в Зелёном легионе, вытерпел полсрока, выданного трибуналом Приамурской армии, – целых пять бездонных лет... Ежедневно, а ещё точнее – ежедневно, готовясь в побег, соразмеряя высоту забора зоны, глубину мерзлоты под ним, поминутное движение *попки* на вышке, прикидывая сердцем на вес те «семьсот километров тайги» из песни, которой тогда ещё не было, внимательно слушая лагерные байки о побегах и... *бесславной* гибели бегунов, чьи уши или кисти рук – за мзду, бутылку «огненной воды» – приносили чукчи-охотники начальству лагеря...

«Месяц-полтора доходягя, прибывавшие с Центрального на Дизельную, не работали, но кормили их сносно, – рассказывает Жигулин. – Это делалось для сохранения, точнее – для временного сохранения, рабочей силы. Ибо комплекс Бутугычага был рассчитан в конце концов на постепенную гибель всех заключённых – от дистрофии и цинги, от самых разных болезней».

Ну, попал в шахту на рудник – ясно, не жилец. Но есть же ещё лесоповал. Счастливым жребий? Об этом «счастье» и пишет Анатолий Владимирович:

«Горе новичку на лесоповале. Лучковая пила не слушается, гнётся, полотно дрожит, дерево зажимает его. Наконец, как бы нехотя, валится и зацепляется за верхушки соседних деревьев. Новичок не знает, что делать, он бестолково суетится, утопая в снегу, пытается столкнуть окаянную лесину, попусту тратит остатки сил. Вместо положенных двадцати стволов с великим трудом валит только пять. Бригадир из блатных кроет отборным матом, бьёт по голове мерной палкой: «Ты что подводишь бригаду, сука!» Страшнее усталости, холода и побоев — сознание своей неполноценности, никчёмности и сознание того, что из-за тебя мужики не получают добавочного черпака супа и довеска хлеба, не запишут им зачётов. Конечно, новичок всё преувеличивает — без туфты мало кто в силах выполнить норму, но это он поймёт потом, когда наберётся опыта и постигнет премудрости лагерной жизни. А теперь нет никого, кто бы ободрил, пожалел, подучил — все смотрят на тебя с презрением и злостью («Филонит, сука!»), хотя сами когда-то были такими же. На работу идёт он, как на плаху, готов отрубить себе пальцы, обморозить ноги, лишь бы хоть недельку полежать в лазарете. А ведь по своей природе не лодырь он. Но до лагеря столько лесу и в глаза не видел. На своей далёкой родине с восхода до захода солнца косил травы, ходил за плугом, выращивал хлеб. Что же тогда говорить об очкарике-интеллигенте, всю жизнь просидевшем за древними рукописями».

Это Жигулин уже, считай, и про нашего героя — Бориса Юльского. Но лишь отчасти. Почему? А потому что не шибко Борис-свет-Михалыч засиживался за теми рукописями. В китайской эмиграции, в славном городе Харбине он щеголял в изысканно красивой... фашистской форме, работал в их газете, печатал в ней свои рассказы и очерки. Затем — командировка в Маньчжурию, в отряд русской горно-лесной полиции, в тайгу, на борьбу с браконьерами и бандитами-хунхузами. Чудо-итог долгой командировки — «Зелёный Легион», цикл ярких рассказов, где, кроме стрельбы, звенят пилы и стучат топоры на лесоповале. Да только ж на южном, кедровом лесоповале. Не то совсем Бутугычаг с его каменными лиственницами... В тайге Магаданской нет обыкновенной сосны, пихты, сибирской ели. Здесь безраздельно господствует даурская лиственница, самая морозостойчивая и светолюбивая хвойная древесная порода...

Вон куда завели воспоминания, благодаря этому кино из боцманского иллюминатора, озвученному лебёдками и грохотаньем брёвен лиственницы...

Светолюбивая — вот точно, тянется к солнцу, светилу негреющему, вытягивается за свой мафусаилов век (четыреста-шестьсот лет!) до сорока-полсотни метров ввысь. Проклятие и

спасенье зэка. Но далеко не каждого зэка, а только того, кто ладил с японцами-ниппонцами. Как он, Борис Юльский, с самых первых дней, тогда, в сорок пятом, сдружившийся с двумя бывшими японскими офицерами — маленьким, вёртким, не разучившимся кланяться всем подряд, чем постоянно смешил барак, Симицзу, которого он перекрестил в Синицу, и Хиробаяси, к восторгу блатных перекрещённого вообще в Нихеранебаяси, нестандартного японца — рослого, плечистого, гордого, совершенно генеральской выправки. Лагерная баланда и скудная пайка хлеба не позволяли справляться с нормой лесоповала в двадцать стволов. Могли кормить месяцами одной только пересоленной и тухлой селёдкой (в лагере её называли *сталинским мясом*). Синица, явно уступая Борису в физике — в плечах и бицепсах, с нормой справлялся. Во время перекуров у костра он выковыривал из-под коры сваленных лесин белые, чуть желтоватые личинки короеда и, нанизав на пруттик, поджаривал и с завидным аппетитом ел.

Борис никогда не отличался брезгливостью, и Синица быстро выучил его сохранять силы, питаясь этим чистым белком, настоящим даром суровой природы Колымы. Жуя личинку, Юльский улыбался. Нихеранебаяси поинтересовался: что, дескать, так вкусно? Борис просто кивнул в ответ, ибо как мог он объяснить японцу, что мысленно поглощал коммивояжёра Грегора, героя своего любимого Кафки...

На них косились и плевались воры и вохра, но ведь точно так же плевалась на морской деликатес *вербота* с Украины, попав на плавзаводы-краболовы: тьфу, паук поганый, як його можна їсти?!

Клятое зимнее утро. Трескучее. Не пятьдесят, но под сорок точно есть. Темень совершенно ночная — почти ведь заполярье. Траурные колонны лиственниц подпирают чёрное небо, огромные звёзды над головой перемигиваются и, кажется, зубоскалят. Что для них с такой-то высоты мураши-зэки?!.. Чтоб не загнуться от мороза — скорей за пилы, топоры, за «норму» двадцатиствольную, как «Катюша». А Юльский ещё и в небо ухитряется время от времени поглядывать, отмерять на глаз пять ковшей Большой Медведицы до

Полярной звезды, путеводной, она поможет в побеге... И вспоминает из «Юлия Цезаря» Шекспира:

*Но неизменен я, как неизменна
Полярная звезда: она недвижна —
И в целом небе нет подобной ей.
На небе много звёзд; их всех не счесть,
И все они блестят и все мерцают,
Но лишь одна не изменяет места.*

Спасибо, дорогой брат Вильям, твои строфы греют не хуже костра из сучьев лиственницы! Во время перекура у костра, не затмеваящую звёзд, Борис любит Орионом, самым красивым созвездием Северного полушария, и, упи-

Основной «механизм» зэка на руднике.

Всё, что осталось от «Днепровского» через полвека.

ваясь теплом и разогретым острым духом от подстила – спасибо тебе, великое дерево, за это чудо твоё хвойное! – совсем забывает о белковой подпитке. За зычным гулом костра не слышит он, как Симицзу в сторонке отрывает кору с лесины, добывает личинки и неожиданно протягивает ему самую жирную, нанизанную уже на веточку. Ай спасибо, Синица, спаси тебя Бог! Ты, дорогой, только ты – мой спаситель!

Через четыре года, в 1949-м, их переводят в другой, вновь открытый лагерь «Днепровский». Там и народ новый, «золотари» из Магадана.

Ночи здесь летом, считай, нет. Солнце только зайдёт и через несколько минут уже вылезет почти рядом, а комары и мошка – что-то ужасное. Пока пьёшь чай или суп, в миску обязательно залетит несколько штук. Выдали накомарники – мешки с сеткой спереди. Натянешь на голову, но он мало помогает. (В. Пепеляев). Эски – фигурки в синих рабочих спецовках с номерами на спине, над правым коленом и на фуражке. Добыча касситерита происходила по схеме золотодобычи, но, естественно, по количеству олова попадалось несоизмеримо больше. (П. Демант)

Бутугычаг, Днепровский... Днепровский, Бутугычаг... Изрядно очумев от наплывших картин и маньчжурско-колымских воспоминаний, Юльский сварился в тёплой, уютной каюте, свернулся калачом на нарах, пардон, на мягком боцманском диване, и провалился в сон...

Звонкий поворот ключа в дверном замке мгновенно разбудил его. Боцман заурчал:

– Выспался, тесак? Чё ночью будешь делать? Вечер уже. Часа три ты продрых.

За иллюминатором в самом деле заметно потемнело.

Поплескавшись в раковине, хозяин каюты похозяйски уселся за стол, примыкающий к дивану, напротив гостя, на стул, намертво принаитовленный талрепом к палубе. Пароход, качка – ну да, это всё из прошлой жизни, этапа... Ха, а теперь-то, даст Бог – из будущей!

– Давай за отход, – проурчал боцман, плеснув по чаркам.

И снова эти чудеса из гастрономической сказки – зелёный лук, сливочное масло, колбаса и белый хлеб. Из снега он? – чумная мысль проскочила. Рассыпчатый такой – ну, прямо снежный. И Борис не удержался, спросил.

– Пеклеванный, – ответил пират и, сложив зелёные перья пополам, аппетитно захрустел. Борис последовал его примеру, ощутив праздничное шествие спирта по пищеводу.

Приняли по второй, и хозяин, дабы гость не скучал, решил слегка поспросить, какой срок, мол, тянул, да откуда тягу дал, ну и так далее. Гость неразговорчивым оказался, отделялся краткими, односложными ответами. И тогда Михалыч старший налил по третьей и проурчал:

– Ну, тесак, давай за твою свободу!

– За свободу, – эхом, вполголоса вторил Юльский.

Закусывая, он посматривал на жующего пирата и неожиданно признался, вспомнив собственную строчку из своего же рассказа о нелепой гибели четырнадцатилетнего мальчишки от пули хунхуза, рассказ назывался «Парашютист» и входил в книгу «Зелёный легион», которую он написал в Маньчжурии, но издать и поддержать в руках так и не успел:

– **Пиратство было моей самой яркой детской мечтой...**

Боцман, сражённый столь неожиданной фразой, взглянул на гостя уважительно, чем и подтолкнул того к рассказу о лагерной жизни, которую жизнью можно назвать лишь с резиновой натяжкой:

– Зимой 1948-го на нашем руднике «Бутугычаг» организовали лаготделение номер 4 особого лагеря – Берлага. Слышал, наверно, про такой – «Береговой лагерь»? – Боцман кивнул. – И начали добывать здесь урановую руду... А в распадке между сопок – кладбище. Сотни, а скорее тысячи покосившихся столбиков с жестяными табличками – номерами эков... – Борис вспомнил, что не курит уже больше года, засосало то ли в горле, то ли под ложечкой, как говорят, и он потянулся к боцманскому беломору. Закурил, да совсем не в радость, каковой ждал от дыма, и продолжал. – Мороз градусов 50, а мы в рваных бушлатах, на ногах чуни из разодранных телогреек. Все истощены, больные. «Лепила», лагерный доктор, освобождал по болезни. К нему – длинная очередь доходяг. Он обходит её и говорит: «Тебе не дам, ты уже три дня отдыхаю». А другому: «Иди в барак, два дня канта». Приходил в карьер, эки протягивали ему обмороженные руки и ноги. Он: «Иди к проходной». Приведёт в санчасть, и пошло дело: пальцы, руки, ноги ампутирует – без «заморозки», без наркоза. Зэк только вскрикнуть успевает, а он: «Всё. Следующий!» А следующие сидят тут же, ждут очереди...

Борис затоптал окурки в пепельницу из латунной гильзы стомиллиметрового гаубичного снаряда и продолжал: – Пятеро эков взялись под руки, да и пошли прямо в тундру. Конвой: «Стой!» А они – как не слышат, идут. Конвой стреляет – один упал, остальные продолжают идти. Ещё выстрел, ещё – а они идут... Всех застрелили, но никто не остановился, не обернулся даже. Пять человек – как одна душа...

Статистика: в лагере смерти «Бутугычаг» погибли 330 001 человек.

Работали по шестнадцать часов, и нормы были рассчитаны на шестнадцать. Подъём,

завтрак, развод и марш-бросок на работу, обед – час и ужин со сбором ко сну – полтора часа, так что на сон после такой работы на лесоповале – всего четыре часа. Засыпаешь в ту самую минуту, как перестал двигаться, умудряешься спать на ходу и стоя. Недосып отнимает сил больше, чем голод. Не выполнил норму – штрафной паёк: триста грамм хлеба в день, притом без баланды...

– Ну, добро, тесак, уболтал – давай спать. У меня в шесть подъём. – Боцман убрал харчи на верхнюю полку в рундук, а с нижней достал подушку и простыни для гостя. – Стелись!

Борис долго не мог заснуть, то снова оказываясь в лагере с японцами и «золотарями», то трясаясь в кузове *клячи* в обнимку с брёвнами, то скача по волнам на моторке. Лебёдки тарахтели всю ночь, приближая вождеденный час отхода. И под их баюкающий рокот он отменно выспался к шести утра. Летнее солнце уже вовсю царило в небе за иллюминатором, два часа как взошло. Боцман ушёл править службу, а он нашёл на полке надкоечной потрёпанную книжку, это оказался «Остров сокровищ», и с улыбкой принялся за чтение.

В обед в каюту ввалились весёлые молодожёны – Михалыч с Дусей Великой. Борис заёрзал – куда себя деть? «Не дёргайся, – сказал пират, – у меня этих кают... на целый взвод хватит». Дуса принесла какие-то вещи брата – бобочку, штаны: бери, носи на здоровье. Ночевал Борис в каюте один. А утром Дуса ушла тальманить на трюм, а Михалыч, с часок пораспоряжавшись на палубе, пришёл и устроил капитальный завтрак, да опять же с «шилом».

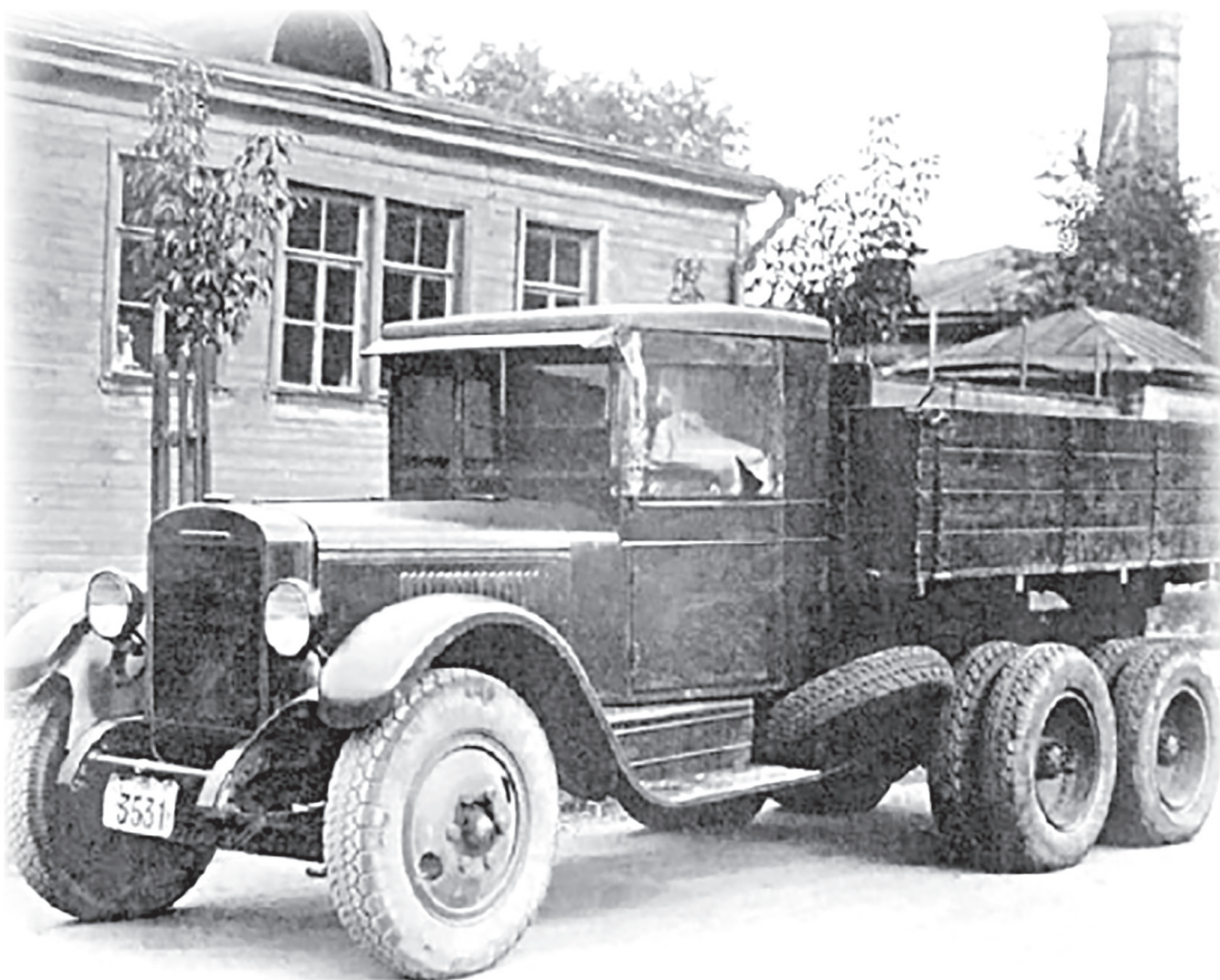
И на следующий день всё повторилось в том же порядке. Так ведь недолго и разбаловать бывшего поддавалу и кокаиниста... Боцман, похоже, запал на повести «вещего Бояна» гостя, прямо как бабушки на «Санта Барбару» (сравнение из будущего, т.к. в 1950-м был я ещё мал). В благодарность за всё Юльский продолжил изливать в поросшие пшеничным колосом уши пирата страшные истории двух лагерей – Бутугычага и Днепровского.

Борис слышал об этом от одного из «золотарей», попавшего в зону сразу по двум статьям – за золотишко и за то, что слушал «Голос Америки» на прииске. Он сказал, что по «Голосу» о наших лагерях рассказывают много и часто. А в прошлом, в 1949 году, в Париже, в журнале «Возрождение» какой-то наш, русский, профессор-психиатр напечатал статью, и её трижды читали по радио, почему он и запомнил её чуть не слово в слово. Вот она, эта статья:

Будучи надзирательницей женского изолятора, она подслушала беседу двух следователей, из которых один похвалялся, что может заставить любого заключенного сказать и сделать всё, что захочет. В доказательство своего «всемогущества» он рассказал, как выиграл «пари», заставив одну мать переломить пальчик своему собственному годовалому ребёнку.

Секрет был в том, что он ломал пальцы другому, 10-летнему её ребёнку, обещая прекратить эту пытку, если мать сломает только один

Двухосный ЗИС-6, база легендарной «Катюши»

мизинчик годовалому крошке. Мать была привязана к крюку на стене. Когда её 10-летний сын закричал: «Ой, мамочка, не могу!» — она не выдержала и сломала. А потом с ума сошла. И ребёнка своего маленького убила. Схватила за ножки и о каменную стену головкойхватила... «Так вот я, как услышала это, — закончила свой рассказ надзирательница, — так я себе кипяток на голову вылила... Ведь я тоже мать. И у меня дети. И тоже 10 лет и годик»...

Не помню, как я ушёл с этой экспертизы... — пишет профессор. — Я сам был в «реактивном состоянии»... Ведь и у психиатра нервы не стальные!..

В каюте боцмана повисла тяжёлая тишина. Пират, наконец, нарушил эту тишину своим уже не урчаньем даже, а медвежьим рыком, сжав рукоять кинжала на поясе:

— Да я б эту падлу, бляха медная, на куски пошматовал!

Юльский только кивнул в ответ, искоса взглянув в ощеренный рот и красный огонь, словно от костра, в глазах пирата. В лагере даже смиренный Синица, которому он растолковал рассказ

«золотаря», округлил глаза и что-то по-японски проворчал, прямо как боцман сейчас.

Услышав тогда ту жуткую, нечеловеческую историю, Юльский невольно вспомнил три строчки из книги «По ту сторону добра и зла» Фридриха Ницше: **Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.**

Всё... Всё, всё, всё, пора из бездны выбираться, вырываться. Бежать! — в который раз бесповоротно решил он. — Бежать, дабы сообщить, поведать миру о таком «советском образе жизни»... Бежать! Но как? Вот в чём гамлетовский вопрос. Через тайгу на запад, идя по звёздам, питаюсь личинками от Синицы? Семьсот километров топей, гнуса, медведей, наконец и чукчей, охотящихся за твоими ушами... Нет, этот путь он проделал в мыслях всего на сотую долю, да, на семь всего-навсего километров, и — забраковал. Кто-то из воров блатовал бежать на пару. Но ему никак не улыбалось сыграть роль живых консервов. О таком варианте он знал уже

пять лет назад. И рассказал о нём друзьям японцам. Их глаза при этом, удивив его, стали на целую минуту европейскими!

Погрузка заканчивалась, остался лишь самый маленький трюм, носовой. Дуся уехала домой «кошку кормить». Мужики остались одни. И «прописка» Бориса продолжалась. Боцман предложил слегка развести спирт – как положено, «по широте». Магадан без малого на 60-м градусе северной широты. Бутугычаг на 64-м, чуть улыбнувшись, подправил разведение Юльский. Может, эти четыре градуса и сподобили его поведать «тесаку» Михалычу историю побега под блатным названием *Наплести лапти*.

Да, закрывать борт прицепа *клячи* ЗИС-6, чтоб не спалиться, должны были только посвящённые, стукачей в лагере хватает... Синица и Нихеранебояси незаметно выпилили две полуметровых колоды для распорки между задним бортом прицепа и торцами лесин нижнего ряда, перекрытого доской. В этом пространстве и должен был беглец прожить все семь часов дороги, все 320 вёрст Колымской трассы, да там же и переодеться. *Бобра*, то есть гражданскую рубашку, подарил Борису как раз «шурин» боцмана Пётр Великий. Солдат долго прикуривал, закрывшись ладонью от ветра. В эти-то секунды Юльский и нырнул в кузов. Закрывали борт «золотари» и японцы. Великий под прикрытием высокого борта ЗИСа шепнул водиле: «Заедешь в город, откинь задний борт». Тот кивнул. Оба магаданцы, они знакомы были ещё и по прииску...

Завершил свою историю Борис словами из того же рассказа «Парашютист» из «Зелёного легиона»:

– Ведь когда очень хочешь чего-нибудь, то судьба всегда идёт навстречу!

Перед утром Михалыч старший переселил младшего в малярку, одну из трёх кладовых на полубаке судна, по соседству с такелажкой и плотницкой мастерской. В последних, конечно, беглецу было б куда приятней, но вдруг пограницы придут на досмотр перед отходом с собакой? Такого, по словам боцмана, давно не было, но ведь бывало же! А в малярке две дюжины алюминиевых 27-литровых бачков с олифой и краской, выстроенных, как оно и положено у доброго хозяина палубы, в штабель, один на другом, да повязанных поперёк манильским тросом, дабы уберечь от разлива в качку. Дух в малярке (там ещё была кандейка с удушливым сиккативом) никакой собаке не даст шанса. Отход назначен на полдень, значит, скоро, в девять утра, зайвится наряд. Ну а с отходом он, боцман, постарается выбрать момент и переселить «тесака» снова в каюту...

Колыма, столица края Магадан, бухта Нагаево – остались по корме. Охотское море сходу взялось колыбелить пароход свежей волной. Лесовоз «Ухта» взял курс на Акиту, порт на северо-западе острова Хонсю. Начиная сбываться мечта, Борис слышал, там, в лагере, называлась: *Порвать нитку*, то есть перейти нелегально границу. Господи, неужто и эта афера удастся ему, старому аферисту тридцати

восьми годов от роду?.. Да, в самом деле старый, на целый год уже пережил целый сонм великих поэтов – Пушкина, Рембо, Маяковского, Байрона, Бёрнса, Одоевского, Хлебникова...

Ну, ладно, ладно, а что дальше-то? Спасибо, в Харбине он дружил с японскими-ниппонскими офицерами и разговорный язык мало-мальски освоил. А в зоне ещё и худо-бедно переводчиком был у Синицы и Хиробаяси. Так что политического убежища попросить внятно сумеет. Тем более, что в рядах русских полицейских он, кроме борьбы с хунхузами, осуществлял по заданию ниппонцев обыск китайского населения в поисках оружия. И с конца 1933 по начало 1944 г., в Маньчжурии было изъято более миллиона стволов и пять с половиной миллионов патронов... А в идеале – попробовать бы найти белоэмигрантов, своих, офицеров РОВС, Русского общевоинского союза...

1300 морских миль до Акиты, всего четверо суток, если, конечно, без штормов-тайфунов и прочего форс-мажора.

Михалыч, старый морской волчара, однако, прокололся, как пацан. Едва не пошло всё кобыле под хвост – и удачный побег, и «прописка» на пароходе...

А произошло это так. Дождавшись 16-ти часов, смены вахт (ревизор, то есть второй помощник капитана, сдавал вахту старпому), боцман снял один верхний бачок краски, вызволил узника из малярной кладовой и повлёк в надстройку. По-хорошему надо было подождать до ночи, но он боялся, как бы «тесак» не угорел там от сиккатива. Н-да, а вахту со старпомом стоял и четвёртый помощник, размазня, сопляк, только из мореходки. Такого мнения о нём и был наш морской волк. А «сопляк»-то как раз ретив оказался и жаден до службы и орденов. Попив чаю в кают-компани раньше других, он и на мостик поднялся раньше своего шефа-старпома. Ревизор заполнял вахтенный журнал, а он в это время занял его место у радара. С палубы его мудрено было разглядеть, зато для него палуба – на ладони. Вон боцман с полубака идёт вдвоём с кем-то. Странно, он, четвёртый штурман, третий рейс уже на пароходе, ну и всех матросов вроде знает наперечёт, ага... И едва старпом принял вахту, он доложил ему о своих сомнениях. Да ну, брось, сказал старпом, может, кто-то из кочегаров или машинистов с ним за краской ходил в малярку, а тебе уже шпионы мерещатся. Да нет, ничего мне не мерещится, возразил четвёртый, что ж я за три рейса личный состав не изучил?.. Добро, усмехнулся старпом, объяви по спикеру: боцману подняться на мостик!

Когда спикер промяукал это голосом «сопляка», морской волчара почуял недоброе: неужели четвёртый что-то видел с моста?.. И, в темпе переводя подопечного в соседнюю каюту (на двери, на медной табличке, Юльский прочёл: «Судовой плотник»), на ходу готовя легенду, поднялся на мостик. Старпом без всяких хитростей спросил в лоб:

– Михалыч, ты кого там водил на полубак?

– Да новичка машиниста, на пароход на днях

пришёл. За серебряным в малярку приходил. Паропровод, что ли, подкрасить.

– А я тебе чего, бдительный ты наш, сказал, ась? – Смутил старпом подшефного так, что тот зарделся. И снова повернулся к боцману: – Болтанка начинается. Ты бачки с краской раскрасил?

– За что обижаешь старого, чиф? – умело «обиделся» пират. На том и был «инцидент исперчен».

Ужинал боцман одним из последних и взял с собой второе – котлеты с картошкой. Повариха поинтересовалась: мол, усиленное питание требуется молодожёну? Он подмигнул ей, как бывшей пассии, переданной «по вахте» ревизору, и отнёс тарелку «плотнику». Юльский спросил про хозяина каюты, судового плотника, и пират хлопнул лапой себя в грудь:

– Джон Сильвер пашет за двоих.

– А зарплата тоже за двоих?

– За полторых.

– А Дусю потом заберёшь с собой?

– Ну, тесак, отстал ты от жизни. Да я рад бы, но так бывало можно годов двадцать назад. Нынче в заграничные семейных не велено пущать: а вдруг сбегут!

– Всё, уговорил, Михалыч, в моряки не пойду.

– Да я и сам так решил: больше не пойду, последний рейс. Хомут на мою шею и в Магадане найдётся, вачманом буду.

– Я в английском не силен, но это знаю: Уоч, Watch – вахта. Где-то на берегу вахтить станешь, так?

– Грамотный ты, тесак, однако! Точняк, в подменном экипаже тем же боцманом ли, плотником буду. Экипаж после рейса – на берег, на отдых, а вачманы – за них. Ну, давай рубай. Скоро Сахалин увидишь, – кивнул будущий вачман на иллюминатор, – каюта ж на правом борту.

Да, «Ухта» будет огибать длиннющий остров двое суток, и Борис успеет налюбоваться сахалинскими сопками и тайгой, прощаясь с родной.

Родина – уродина, проскочила близкая рифма где-то тут, прямо в лобной доле мозга. А в глуби, если не в душе самой, изрядно измочаленной в «лагпунктах», вопреки всему звучало: *Родина-мать*. Он всегда любил её, хоть и вырос в Китае. Самый великий на свете русский язык сроднил с ней навеки. Любил он Родину, любил истинно сыновьей любовью. Как и родную мать... Где она, матушка, сейчас? Не загребли ли и её советские чекисты? Не приведи Господь и ей пройти через лагерь...

Родина... Она обшлась с ним, как злая мачеха из русских народных сказок. Его любовь, увы, не была взаимной. Но за пять бездонных лагерных лет столько всего перемолото-передумано и... прощено. Они с Синицей и другими ниппонцами ходили в «фашистах». И он понимал, что родина, только что, да с такими сумасшедшими потерями, справившаяся с фашизмом, не могла ему простить Родзаевского. А ведь это, Господи, это был молодёжный, юношеский почти эпатаж...

О фашистской форме Бориса Юльского где-то лет через шестьдесят, во Владивостоке, в возрождённом харбинском «Рубеже» лучше всех напишет в развёрнутом эссе Александр Лобычев: *«Сегодня уже невозможно обойтись общим биографическим туманом, которого в случае с Борисом Юльским и так хватает, или фигурой умолчания, потому что вместе с творчеством писателя возвращается и судьба этого яркого, противоречивого, щедро одарённого и, видимо, авантюрного по складу характера человека... Он, что называется, любил нарушать нормы и границы общепринятого поведения, раздвигать шторы привычного бытия... Фашистское движение зародилось в преподавательской и студенческой среде Харбина в середине 20-х годов, вдохновляясь прежде всего ритуальной красотой итальянского фашизма... Изначальным импульсом для возникновения русской фашистской идеологии стал крах белого движения, разочарование в прежних идеалах и боль национального поражения, и тогда молодое поколение эмигрантов решило идти своим путём, но проводники, как всегда, тут же нашлись».*

Проводники, полупроводники... Горланы-главари, как сказал о них просоветский, но такой даровитый поэт. Именно горланы, на горло и за горло берущие молодых, суки, одним словом. Какое ёмкое лагерное это слово!..

Ну, вот уже и Ниппон, родина Синицы и Хиробаяси, намоленная Акита. Ау, друзья мои, как вы там без меня в трижды, да нет, тысячекратно проклятом Днепровском? Я, ваш *Борря*, такой по жизни везунчик, добрался, наконец, до вашей земли островной, обетованной. Троекратное ура-ура-ура!..

Загремела якорь-цепь, зазвучали команды по спикеру: Подать кормовой! Подать носовой! Шпринг!.. Всё! Так стоять будем! Приготовить трюма к грузовым операциям!

Нитка порвана. Юльский *влатался* в зелёную бобочку и синие брюки Петра Великого, обнялся с *тесаком* Михалычем, сунувшим ему на прощанье пару тысяч йен, что равнялось примерно шести долларам, в те времена весомым, не в пример нынешним. Теперь из Акиты на автобусе доехать до Токио, где без лишних посредников обратиться в столичную полицию по поводу политубежища, чтобы не трясли «Ухту», дали ей разгрузиться и уйти...

Ниппонский автопром ещё спал крепким послевоенным сном. Сами ниппонцы ездили на американских машинах. И Юльский стал свидетелем, как император Ниппон раскатывает на шикарном, сияющем Cadillac Fleetwood 75! Вообще американско-ниппонский лимузинный шум Токио пьянил не хуже боцманского «шила», а амбре ниппонских харчевен он помнил по Харбину. От всего этого кружилась голова, и он часа два просто бродил по городу, по центральным улицам – Гиндзе и Харуми-дори, сидел в парке у фонтана. Первичная процедура оформления убежища заняла, против ожидания, совсем немного времени. Ниппон-Япония приняла его, считай, как родного: выдали пособие и

поселили в гостиницу, конечно, не пятизвёздочной отель, но ведь бесплатно, за счёт государства!..

Первым делом он купил пачку отличной белой бумаги и ручку Parker. Скорей, скорей разгружать начинать голову и душу от созревших-перезревших сюжетов «Зелёного легиона Колымы»...

Номерная, совсем юная девушка, постучавшись, вошла и заговорила по-английски. Мало того, что Юльский неважно знал язык, ниппонский акцент вообще сбил его с толку. Он попросил её перейти на родной. Девушка так славно удивилась и обрадовалась. Господи, какая милашка! Да ей, наверно, лет шестнадцать, ну, может, от силы восемнадцать. Хотя, конечно, он просто отвык, забыл, что ниппонки выглядят намного моложе своих лет. Познакомились. Изуми её зовут. Изуми-тельное имя... он тут же вспомнил, что оно означает *фонтан*. В Харбине он часто слышал это слово: рядом с ниппонской миссией в небольшом овальном мраморном фонтане мраморный дельфин плевал слезо-вистыми струями, а на скамьях вокруг фонтана и назначались встречи-свидания. Где?.. Да у изуми, у фонтана...

Девушка повесила на стену большой красивый календарь, он поблагодарил её – «Аригато» – и спросил:

– Изуми, сколько тебе лет, ты ещё в школу ходишь?

– Что вы, Борис-сан, я школу закончила десять лет назад! – И в чёрных маслинах заискрилась очаровательная улыбка. – Мне уже много лет, целых 27!

– Мне «целых» 38, но я не говорю: много!

– Вы правы, для мужчины это немного.

В таком духе щебетанье продолжалось, наверно, ещё с четверть часа, пока Изуми – с его помощью: он трепетно поддерживал девичий стан – снимала оконные шторы (в стирку) и протирала подоконник и между рамами. А едва вышла из номера, в его лохматой голове (зарос, к парикмахеру надо) заструились пушкинские строчки: *И забываю мир – и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем, / И пробуждается поэзия во мне: / Душа стесняется лирическим волненьем, / Трепещет и звучит, и ищет, как во сне, / Излиться наконец свободным проявленьем – / И тут ко мне идёт незримый рой гостей, / Знакомцы давние, плоды мечты моей... / И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы лёгкие навстречу им бегут, / И пальцы просят к перу, перо к бумаге, / Минута – и стихи свободно потекут!*

А длинные по-речному строки прозы ничуть не хуже умеют свободно течь, да ведь более свободно, чем стихи!.. Изуми, Изуми, заходи ближе к ночи, промислил он ей вслед и буквально схватился за паркер. Такие дивные дела: «Линия Кайгородова», рассказ, который ему, автору, нравился самому больше других, это же не пьеса, но вот прямо сейчас – как на театре – она, «Линия», начала разыгрываться, точно по нотам. Ну да, он – художник Кайгородов... А кстате, не взять ли ему такой псевдоним?..

Живые и мёртвые картины Бутугычага и Днепровского, сталкиваясь, сшибаясь, мешая одна другой, засуетились в разгорячённой голове. Разгорячённой, вскипячённой этой ниппончочкой. Изуми и Зоя из рассказа – они как близняшки, им по семнадцать... В Тоогэне, где его и повязали чекисты, у него последний раз была подружка. А потом, потом – пять лет лагерного целомудрия. Хотя это слово с лагерем никак не вяжется, никак... Супер-садист следак, ломавший пальцы ребёнку, способен затмить все другие зверства. Но – на потом его, в финал. А пока – план картины Кайгородова, ну или Верещагина – «Апофеоз войны», пирамида из человеческих черепов – кладбище с номерками в Бутугычаге и на руднике Днепровском, смертельные шахты и лесоповал, вонючий барак, набитый блатными и политическими...

Получается, «Зелёный легион Колымы» – это как бы предшественник «Колымских рассказов» Варлама Шаламова, который пока ещё там, на Колыме... Такую задачу Борис поставил перед собой. И на первом листе, в самом веру – вместо *Борис Юльский* – нахмурил брови, будто убивая кого-то в себе, начертал, прикрыв ладонью неведомо от кого, новое имя...

Есть такое подозрение, что один из японских писателей послевоенного поколения **Такэси Кайко** (рассказы «Гиганты и игрушки» и «Голый король» 1957 года; последний удостоен премии им. Акутагавы) или **Дзюнноскэ Ёсиюки** (1954 г. рассказ «Ливень», премия им. Акутагавы. Повести «Праздник во тьме» /1961/, «Растение на песках» /1964/)... это и есть он, Борис Юльский!

А зачиналась эта реинкарнация двадцатого августа 1950 года. Борис взглянул на красочный настенный календарь с видами Токио и едва не подпрыгнул на стуле – воскресенье!

Ну да, бежал он тринадцатого, а это было ведь как раз воскресенье. Прошла, значит, ровно неделя... С ума сойти, в с е г о т о л ь к о н е д е л я !..

Кода

Официоз: Многие возвращенцы получили различные сроки заключения. Как, например, писатели А. Хейдок и Б. Юльский. Последний, находясь в лагере в Магаданской области, совершил из мест заключения успешный побег. Дальнейшая судьба его осталась неизвестна. Архивы ГУЛага – на радость нам, поклонникам автора «Зелёного легиона», явленного на свет воскресшим без малого через полвека харбинским «Рубежом» – подтверждают: «Юльский Борис Михайлович в 1950 году бежал и не был найден»...

А вот что было чуть позднее (тоже официоз): **За I квартал 1952 года совершено 87 побегов, убито 78 бежавших.**

ВЛАДИВОСТОК
2018

Полуостров, на котором я оставил немалую и очень не худшую часть своей жизни, очертаниями смахивает на каменный нож, которой творец успел заострить только с одной стороны. За вторую грань Камчатки он вроде и брался, но соиздание не завершил. Восточное побережье так и осталось необработанным, ощерясь в океан шипами мысов и таранами полуостровов. С Тихого океана волны бьются о скалистые отроги, зато Охотскому морю остаётся в основном только разглаживать пески пустынной кромки берегов да намывать длинные галечные косы.

Зато лосося там в удачные годы такая тьма немереная, что в устьях самых уловистых рек издавна навоздвигали рыборазделочных цехов и барачков для сезонного люда, наезжавшего на путинные заработки со всей нашей распавшейся на пятнадцать разновеликих фрагментов бывшей советской родины. Старожилы, предки которых переселялись на Камчатку ещё при царе-батюшке, сезонную публику предпочитали обходить стороной, особо страшась ростовчан, которым запросто было поставить на кон в «двадцать одно» любого чем-то не понравившегося встречного.

ЖАДНАЯ

Олег ДЗЮБА

КАМЧАТКА

Днём сезонники потрошили горбуш да чавыч или нерку с кетой, стараясь тайком засолить бочонок икры для тайного вывоза на материк. Вечерами они бедокурили, ночами отсыпались, а по утрам после загулов иной раз не досчитывались вчерашних товарищей, койки которых вдруг пустели. Кого-то иной раз отыскивали в прибое без намёка на жизненный процесс, а кто-то растворялся в пространстве навсегда.

Искать их особо не пытались: мол, сезонником больше, сезонником меньше – какая разница. Да и кто сказал, что ростовские его проиграли и прикончили?! Может, пропавший просто дал дёру от опостылевшей и грязной работы на случайном грузовом пароходе, где за икряную взятку всегда можно было сговориться на безбилетный вояж до Находки или легендарного Ванинского порта. А там кому куда – по деньгам и отваге. Одни устраивались на затёртых до наждачной шершавости полках общих вагонов, другие коптились в паровозном дыму на крышах тех же самых колёсных приютов для неимущих. Так что под стук колёс все или почти все усвистывали в родные края передохнуть до новых приключений.

Беседа с распутчицей о Гомере

Припомню разговор с обитательницей Птичьего острова Лилей Евлак, которую я с любопытством, хотя и не без недоверия слушал когда-то на этой скале, высунувшейся из моря чуть западней Камчатки. Когда на островке располагался комбинат, выпускавший консервы из крабов, но в семидесятые годы прошлого века само производство переехало на большую камчатскую землю и на Птичьем жили постоянно только метеорологи, а базировавшиеся там краболовы появлялись только к началу путины в апреле и отбывали по домам к августу.

Лиля числилась в тамошнем береговом колхозе распутчицей, а промысловики, у которых в отдалении от семей всегда одно на уме, именовали её и подруг по работе распутницами. К моральному облику почтенной представительницы корякского народа прозвище отношения не имело, но как было не переименовать в солёных разговорах название профессии, представительницы которой занимались скрупулёзным распутыванием сетей для поимки крабов.

Возраста распутчица была солидного и больше половины своих шестидесяти с хвостиком лет она прожила на Птичьем, частенько не возвращалась на Камчатку даже зимой.

– Ночью краба искать к морю один не ходи, – поучала она меня, пыхтя махороч-

ной самокруткой, – а если пойдёшь, так волн не слушай. Летом ещё не страшно, а зимой после шторма море разговорчивое бывает. Когда погромче бормочет, когда шёпотом. Заслушаешься... и сам на голос пойдёшь.

– Здесь и летом вода ледяная, – отшучивался я, – от холода опомнишься и назад...

– А вот и не успеешь, – без улыбки заверяла узкоглазая собеседница, – тридцать лет на острове состою, сама не раз слышала, а утром кого-то и нет. Милиция на катере приедет, всех допросит, а найти ничего не может.

– Да они на материке давно, – настаивал я в соответствии с «бритвой Оккама», согласно которой всё сущее можно объяснить и без потусторонних выбрыков...

– В ноябре какой материк, – мрачнела от моего скептицизма Лиля. – Месяц как последний пароход ушёл, весь спирт выпили, трезвые ходили давно.

– Не иначе как сирены здесь в вас живут, – вспоминал я приключения Одиссея. Уши надо затыкать, чтобы лишнего не слушать.

Впрочем, Лиля Гомера не читала, а потому, обидевшись, оборвала свои рассказы про былое островное житьё.

Ну ладно там старая распутчица с её наивной верой в морских духов и языческих богов. Коллега мой по долгой работе на Камчатке Владимир Лим, рассказывая о детстве, прошедшем на песчаной охотоморской косе, тоже вспоминал о странном рокоте, будоражившем корейских рыбаков, захавших ради заработка на Камчатку в пору войны между Севером и Югом. Жили они в целом правильно – без водки и пьяных потасовок, но за долгую штормовую зиму хоть кто-нибудь да пропадал. Молва утверждала, что сами уходили в туман, словно кто-то звал, притом не чужой, а долгожданный...

О последнем спорить не буду. Корейцы народ от природы на диво поэтический, мистике они тоже не чужды, поэтому в пересказах баек и полубогин о былых невзгодах без приукрашивания могло и не обойтись. Впрочем, что-то подобное слышал я и от других обитателей посёлка Кировского рыбокомбината, уличить которых в обожествлении всего сущего на свете вряд ли кому удалось бы.

Самой страшной считалась там длинная полоска голого песка между домиками посёлка и рыбокомбинатом. «Люди Гребенщикова», как звали на Камчатке рабочих из «Страны утренней свежести» по фамилии вербовщика, нанмавшего их в Корею, туда старались без крайней надобности не сворачивать, но за зиму всякое бывало. Приходилось собирать плавник, чтобы протопить очаг, а за выброшенными прибоем древесными стволами поневоле надо было идти к самой кромке воды.

Заманчиво было бы свести все эти были и небывлицы к чему-то сугубо реальному наподобие зыбучих песков из «Лунного камня» Уилки Коллинза. Приехав однажды на «косу-убийцу» да исходив её до последнего барака или остова проржавевшего сейнера, я никаких земных зыбей не нашёл. Народ на косе давным-давно поменялся и новые обитатели ничего мистического в унылой суровости монотонных окрестных пейзажей не находили. Трезвый ракурс взгляда на давние местные страсти позднее предложил мне камчатский ихтиолог Игорь Иванович Куренков. Эрудит, интересовавшийся абсолютно всем, что достойно внимания в меняющемся мире, отнюдь не удивился пересудам о призывах из охотоморских глубин. По его словам, «голос моря» действительно существует, но доносится крайне редко и практически не изучен. Пробуждает его, видимо, уникальное совпадение природных условий, при которых вероятно генерирование инфразвуковых колебаний. Для впечатлительных натур воздействие в общем-то почти не слышимых шумов не в радость даже в нормальных житейских условиях. А при замкнутости обитаемого пространства, помноженной на неизбежный в условиях подобных зимовок авитаминоз, на тоску по родине и тому подобное, рассудок в самом деле мог пусть не помутиться, но расслабиться. Словом, как на офорте Гойи и картине Сальватора Дали «Сон разума рождает чудовищ».

Трагедия камчадала после коронации

Впрочем, и вдали от моря можно сгинуть без следа. Одну такую историю на Камчатке расследовали долго, упорно и без малейших результатов. Поведавший её мне охотовед и орнитолог Николай Герасимов неплохо знал семейную чету промысловиков, которую вертолётom забросили на зимний соболинный сезон в далёкие уголья, а через месяц в положенном месте не нашли. В таёжной избушке не было ни живых, ни мёртвых, ни следов борьбы. Похоже, что охотники даже не открывали дверей зимовья, поскольку рюкзак и ружья отыскались снаружи. Когда же сошёл снег, то близ обступавших избушку деревьев вытаяла из сугроба собачья голова, безжалостно отсечённая от туловища. Других останков лайки или следов её хозяев спасателям обнаружить не удалось.

Ни одно из разумных объяснений здесь не подходило. Медведь-шатун без улик своей кровожадности двоих задрать бы не сумел. Да и трудно представить, что зверь набросился бы на них сразу после ухода вертолётa за хребты. Есть, правда, на Дальнем Востоке народы, для которых собачатина деликатес, но вряд ли злоумышленники-изгой оставили бы нетронутыми снаряжение и еду. Вспомним хотя бы Робинзона Крузо, скрупулёзно перетаскивавшего на свой остров едва ли не каждый гвоздь с разбитого штормами ко-

Извержение гейзера Первенец в Долине гейзеров

рабля. А в этих местах зимняя жизнь куда тягостней, чем на его увитом виноградом острове...

Потайного жилья каких-нибудь сектантов-сатанистов нигде с воздуха не нашли, а пешие походы никаких намёков на существование в дебрях пусть разбойных, но всё же гомосапиенсов тоже не дали.

Конечно, по камчатским лесам, ущельям и хребтам в разные эпохи много кто хаживал. Я сам видел в старинном селе Милькове, как старик-камчадал, в жилах предков которого, судя по смугловатой коже, явно смешалась кровь казаков и аборигенов-ительменов, забился за ограду, услышав зазвучавшую неподалёку «Мурку». Горестную балладу о злосчастном романе одесского гангстера и тайной сотрудницы угрозыска распевали подвыпившие работяги из геологоразведочной партии и ничего дурного в головах не держали. Откуда им было знать, что в начале прошлого века «мурками» на Камчатке прозвали банды бывших стражников с дальневосточных железных дорог, прихлынувших на полуостров после русско-японской войны. Шастая по глухим (а других, в общем-то, и не было) деревням, они нещадно стращали тихий здешний народ, вымогая пропитание и пушнину. В общем, всё, как в «Семи самураях» или в «Великолепной семёрке», только без бескорыстных и благородных защитников обиравших крестьян.

Но камчатские «мурки», если кто-то из них и дожил до года исчезновения охотников, пребывали бы в возрасте, когда всерьёз набедокурить они не смогли бы по чисто биологическим причинам. Фантазировать же, что кто-то из них забился в глухомань и воспитывал там династии хладнокровных убийц, я предоставляю киносценаристам. Климат не тот, расстояния не те...

Другую историю, сомневаться в которой у меня никаких оснований нет, поведал мне охотник из городка Ключи Ефим Михайлович Светцов, с которым мне когда-то посчастливилось целый день проверять соболиные ловушки в тайге близ реки Камчатки. В действующую армию или хотя бы в тыловые части его в сорок первом году после 22 июня не взяли, ибо охотник оказался нужней в тайге, где он всю жизнь добывал соболей во имя валютного могущества родной страны. Заодно приходилось медведей и оленей, уток да гусей стрелять, подкармливая земляков мясом и дичью. А в сорок шестом году сезон выдался урожайным на зверя, и охотник выбрался из тайги задолго до весны: был приказ из Москвы пушнину, не дожидаясь закрытия охоты, побыстрее меха закупщикам сдавать. Пушнину у него забрали, вручили почётный значок нарко-

мата заготовок «Отличнику охотничьего промысла» и... отправили за пятьсот с лишним вёрст в Петропавловск-Камчатский на собаках за порохом.

Упряжка у него была на двенадцать ездовых лаек. На них он и добрался к цели за 21 день и три пурги, постреливая по дороге таёжную живность себе и псам на пропитание. Только вот пороха он не получил, нагрузили резиновыми сапогами и неводом, а боеприпасы пообещали по воздуху забросить на «У-2». Пуржило на обратном пути послабей, но зато Ключевская сопка вдруг разбушевалась, запорошила все окрестности вулканическим пеплом, да так щедро, что снег почти стаял и собаки еле тянули нарту по зимней ещё, но источавшей водяной туман земле. Из-за этого и не смог уклониться он от заросшего по брови встречного человека, внезапно вышедшего наперерез упряжке километрах в двадцати от Ключей. Смахивавший на лучшего незнакомец первым делом спросил о порохе, сильно огорчился известию о неудачном по этой части светцовском странствии и, удовлетворяясь сапогами и полупудом муки, опять канул в тайгу. Незнакомец справился и о новостях «с материка», очень обрадовался вести об окончании войны, но о себе говорить ничего не стал. Светцов, впрочем, его ни о чём и не спрашивал, чтобы ненароком не озлобить. И без того ясно было, что подстерёг его скорее всего дезертир, прятавшийся от мобилизации в тайге. Такому ничего не стоило и порешить случайного встречного, чтобы тот не сообщил в милицию о жутковатом лесовике. Недаром же лесовик не без намёка спросил на прощанье: «Молчать будешь»? Светцов пообещал ему не болтать о встрече и молчал про неё почти тридцать лет, поведав мне об этом только в 1975 году.

...Камчатских отшельников или попросту отверженных немилосердной к ним цивилизацией я и сам видывал неподалёку от «Дьяковой заимки» – урочища в полусотне километров от Петропавловска-Камчатского.

Наименование своё эта долина получила от некоего Дьякова, которому в 80-е годы девятнадцатого столетия улыбнулась была судьба, но, как выяснилось через пару лет, улыбка оказалось очень уж горькой.

Дьяков этот был родом из камчадалов. Так ещё лет шестьдесят назад официально именовали метисов – потомков первопроходцев-казаков и коренных камчатских народов и в первую очередь ительменов. За принадлежность к аборигенам и ещё за какие-то заслуги, следа которых мне отыскать не удалось, Дьякова удостоили чести присутствовать на коронации императора Александра III, сменившего на троне Российской Империи своего отца, убитого революционерами-на-

родовольцами. Транссибирской магистрали тогда не было даже в самых смелых проектах и можно только догадываться, с какими тяготами и приключениями связано было его путешествие в столицы и обратно.

С почётом и подарками Дьяков триумфально вернулся домой, но... земляки с первых дней попросту засмеяли его за рассказы о парюходах, паровозах и Бог весть ещё о чём, чего он насмотрелся в своих странствиях. Оскорблённый и униженный бедолага бросил семью и удалился в камчатские дебри, где и коротал остаток дней своих.

Убежище он выбрал по камчатским понятиям едва ль не райское. Неподальёку нерестовая река, поблизости опять же целебные термальные ключи. Соболей в ту пору тоже хватало. На пушнину он выменивал порох и прочие припасы, горько, переживая, по всей видимости, плоды столкновения с людской завистью и людским же недоверием.

В этих «дьяковских» некогда угодьях лет тридцать назад и возникло стихийно нечто наподобие коммуны тех, кому в более или менее окультуренном и озаконенном мире делать было нечего. Образ жизни они вели воистину «дьяковский», связи с «внешним миром» поддерживали сугубо меновые, тайком поставляя своим людям красную рыбу и икру того же цвета.

За этими запрещёнными тогда для свободного промысла и торговли из-под полы дефицитами частенько заезжал к ним хороший мой знакомый, сочетавший преподавание музыки со страстью гонять на мотоцикле по лютому камчатскому бездорожью и водить знакомства с публикой разной степени отпетости. Он-то и уговорил меня съездить в гости к тем, кто в полном смысле слова не от мира сего. Эти вот робинзонокрузовидные знакомые его обладали весьма миролюбивым нравом и мечтали только быть незаметными и незамечаемыми. Возможно, помаленьку мыли или пытались мыть золото. Однако, россыпного драгметалла на Камчатке несравнимо меньше, чем на Колыме в старые времена и озолотиться им удалось бы лишь при самом фантастическом везении.

Приятель мой знал про историю с собачьей головой и попытался выпросить у своих обродяжившихся, но ушлых клиентопартнёров о вероятности существования в тех краях какого-то потайного поселения. С моих слов он уже знал, что ни малейшего намёка на скит каких-нибудь сектантов-сатанистов при поисках с воздуха не нашли, а пешие походы тоже никаких сведений о существовании пусть разбойных, но всё же гомо сапиенсов не дали.

Лихие собеседники наши поизучали карту, пообменивались между собой репликами

и в голос заявили, что сами они в такую даль «ни в жисть» не соберутся и никто по своей воле в любой степени конфликта с законом туда не ползет. Посуху туда не добратся, а на вертолётчиков надежды липовые. Одного ещё можно попробовать подкупить, но весь экипаж – а в нём трое – очень уж накладно. От себя добавлю: контроль за авиаторами в советскую эпоху был жёсткости невероятной, что всё-таки отнюдь не всегда уберегало летунов от подолгу не находивших объяснения исчезновений.

Ледники и снежники камчатских вулканов хранили, да и по сию пору ещё, наверное, хранят фрагменты не мистических, а очень даже рукотворных объектов. Речь о беспилотных летательных аппаратах, которые американцы засылали в нашу сторону и далеко не всегда получали искомые сигналы. Кое-какие детали этих машин или воздушных шаров, попавшие в руки случайных открывателей природных тайников, я за годы, проведённые на Камчатке держал в руках не раз. Приходилось выдывать и патроны для крупнокалиберного авиационного пулемёта, снятые якобы с американского бомбардировщика или разведчика, случайно залетевшего к нам и нашедшего своему экипажу не обозначенную ни в одном кладбищенском справочнике могилу в камчатских хребтах.

Фрагмент пулемётной ленты заокеанского происхождения мне как-то под величайшим секретом показал коллекционер раритетов подобного рода, знавший в них толк. Правда, всё относящееся к подобным инцидентам проходило по ведомству организации, прозванной в народе «Комитетом глубокого бурения», которая (понятное дело) никогда ничего не подтверждала и комментариев не давала.

Базировались, однако же, на Камчатке и вполне легальные «американцы». В год поставок по «ленд-лизу» истребители «аэрокобры» состояли на вооружении одной из авиачастей и мелькали в небесах до начала пятидесятих годов минувшего недавно столетия, когда винтовую истребительную авиацию вытеснила реактивная.

...С метеосводками тогда было туговато, условия полётов в краях смещения стихий были несладкими. Поэтому в случае аварий шансы навсегда раствориться в туманах и прочих непогодах были достаточно велики.

Один из таких без вести пропавших самолётов отыскался близ Вилючинского вулкана лет через тридцать после падения с небес, когда необычно тёплое лето растопило вековые снежники. По номерам на двигателе удалось выяснить, что это и впрямь была лендлизовская «аэрокобра» и установить фамилию лётчика...

Сталкеры с Курильских островов

...Отвлекусь ненадолго от любимого огнедышащего полуострова в пользу вплотную соседствующих с Камчаткой Северных Курил. Сейчас не всякий школьник знает, что именно там, а если совсем конкретно, то на острове Шумшу отгремели последние залпы Второй мировой войны. Что поделаться, если пушкинское мы «ленивы и нелюбопытны», многократно усугублённое бесконечными экспериментами над школьными программами применительно к отечественной истории, привели к тому, что невежество в ней правит бал!

К тридцатилетию Курильского десанта, поставившего последнюю, увы, далеко не бескровную точку в хронике страшных баталий, бушевавших по всему Тихому океану, Китаю и Корее, я приплыл на остров с делегацией ветеранов и камчатских военных моряков. На рассвете море приняло венки цветов с траурными лентами. Были залпы памяти у мемориала, были долгие маршруты по острову. Двое из трёх участников штурма уже ходили с трудом, зато за Петром Владимировичем Бабичем угнаться было трудно. В сорок пятом он был боцманом водолазного бота. Добровольцем пришёл в батальон морской пехоты и неподалёку от высоты, с которой простреливалась вся долина, по которой прорывались вглубь острова десантники, отражал танковую атаку японцев. Три его друга полегли здесь, подрывая танки, прорывавшиеся к уже отбитому у японцев берегу. Поржавевшие на солёных ветрах стальные чудища все ещё рыжели среди кедрача. Мы помянули погибших Водынина, Рынду, Кобзаря у обезвреженных ими бронемашин. Бабич долго кружил среди побитой японской техники, разсыпавшая танк, едва не раздавивший его в сорок пятом. Очевидцы уверяли, будто гусеницы вмяли боцмана в болотистую почву и десантника спасла случайная яма или ров. Сам Бабич с этим согласен не был, говорил мне, что танк, разворачиваясь, сбил его башней. Как бы то ни было, а железная коробка дальше не прошла. Пётр Владимирович выжил, но угодил в списки погибших, а потому свой орден Отечественной войны 1-й степени получил двадцать лет спустя после указа о награждении.

...Наконец нашли. Перевернутая башня танка сбита, валялась рядом. Кто-то из попутчиков порылся в корпусе, со скрежетом выломал какие-то железки и протянул Бабичу: «Пётр Владимирович, это вам на память»...

Страшнее сувенира не придумать. Этими рычагами правил механик-водитель,

увлечённо торопившийся раздавить одинокого десантника.

...Сопротивление японцев на Шумшу при всей его ожесточённости всё же не затянулось, а гарнизон соседнего острова Парамушира и подавно сдался без боёв. Однако упрямая здешняя молва уверяет, будто кое-кто из воинов микадо отсиживался в подземных лабиринтах ещё не один год. Камчатский геолог Тимофей Баженов, служивший на островах срочную вскоре после войны, рассказывал мне, что однажды солдаты нашли замаскированный японский склад. Хитрецы не поспешили к руководству с радостным рапортом, а предпочли время от времени забираться туда и скрашивать трофейной провизией скучный казённый рацион. Однажды в этой компании оказался и сам рассказчик. Проникнув поглубже в скальную выработку, они стали было потрошить ящики в поисках сладкого, но вдруг слышали шаги у входа. Спрятавшись за штабелями и затавив дыхание, они вдруг увидели нескольких японцев, набивавших при свете свечи рисом заплечные мешки. «Сталкеры», как называли бы их в наши дни на манер персонажей «Пикника на обочине» братьев Стругацких, отсиделись в темноте и дали дёру, предпочтя потом никому о приключении не пробалтываться. Свою послевоенную тайну они всё же сохранить не сумели. Всю честную компанию изрядно помуржили в особом отделе, а потом с Камчатки прибыли неразговорчивые парни из армейского спецназа и принялись прочёсывать остров. О результатах их рейдов Баженов ничего не знал, так как в эти самые дни служба его благополучно завершилась и его вместе с другими дембелями отправили на материк.

Другое островное поверье гласит, что руками пленных китайцев японцы построили тоннель между двумя северными островами. Специалисты, с которыми я пытался проконсультироваться на эту тему, к этим рассказам отнеслись скептически: мол, даже при подневольном трудолюбии такая задача представляется непосильной. Зато в существовании подземных лабиринтов особо никто не сомневался. Даже через тридцать лет после войны на островах говаривали о пропажах мальчишек, которые, как и положено сорванцам, блуждали по закоулкам укреплений в поисках приключений или сокровищ. Кто-то из власть имущих решил тогда, что надёжнее всего подозрительные отверствия завалить взрывами...

Но следы трагедий и героизма видны на Северных Курилах до сих пор. Мохнатые лапы кедрача прорастают сквозь останки танков и самолётов. Своими глазами я видел, а руками касался дальнобойных орудий, не-

когда нацеленных японцами в сторону Камчатки. На Парамушире в самом излёте семидесятых годов прошлого века обнаружился целый артиллерийский склад. После одного из нередких здесь землетрясений из замаскированного в скалах японского потайного хранилища несколько снарядов выдавило в речку, где их и нашёл патруль пограничников. Сапёрам, вызванным с Камчатки, хватило работы недели на две. Нечто подобное когда-то спрогнозировали опять же братья Стругацкие, один из которых задолго до всемирной славы служил на Дальнем Востоке военным переводчиком с японского и знаком был с Курилами не понаслышке. В давнем фантастическом рассказе «Белый конус Алаида» описана экспедиция, испытывавшая на Шумшу роботов, созданных для обслуживания на неведомых планетах баз для исследователей с Земли. Эти киберстроители о давно минувшей войне не догадывались и защитный купол возвели прямо над складом японских боеприпасов, которые вторжения техники не выдержали и рванули во всю мощь, словно мстя за проигранную войну...

Предвидение оказалось пророческим. Правда, без взрывов и жертв удалось обойтись. Ну и бахч да баштанов, о которых писали Стругацкие, на северных островах по сию пору не появилось. Мечты мечтами, но климат не таков...

«Ырхуим» –

современник мамонта

Загадка, пусть даже и самая головоломная, подразумевает непременно и окончательный ответ. Промежуточные версии разлетаются, словно одуванчик на ветру. С тайнами дело посложней. Им ничего не стоит зависнуть наподобие закапризничавшей компьютерной программы. Бывают, конечно, исключения. Никто не отменял библейский тезис, согласно которому нет тайного, что не стало бы когда-то явным. Другое дело, что всей жизни расследователя может на прояснение неведомого не хватить, а разгадка придёт через столетия, когда никому из очевидцев её узнать не придётся.

Между тем неведомых чудищ в XVIII веке побаивались куда больше, чем разбойников. И не о дикой Америке речь. Взять хотя бы звенящую ночными серенадами Испанию. При императрице Елизавете Петровне пиренейские земли в краю родных осин считали неким заповедником, «где на неведомых дорожках следы невиданных зверей». Однажды я забрёл в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на выставку старинных лубочных картинок. Ноги по наитию привели к изобра-

жениям морского русалковидного чудища и напрочь заросшего шерстью монстра с пояснительным двустишием «Мужик лесной пойман весной». Обоих вроде бы отловили альгвазилы тогдашнего «гишпанского» короля. Цитаты из «Санкт-Петербургских ведомостей», выгравированные на полях картинки, оповещали, что венценосец, узнав о поимке загадочных существ, повелел их срочно окрестить, а потом только доставить в Мадрид.

Хвостатого морского жителя со старинного лубка я через несколько лет увидел на Мальте, где подобные ему бронзовые страшилища обречены на веки вечные поддерживать пустую чашу отключенного радиэкономии воды фонтана под названием «Тритон» у городских ворот Ла-Валетты. Оказалось, что свирепые эти создания именуются «морскими мужами» и числятся в низшей иерархии средиземноморских мифологических созданий. И если их до самых недавних пор почитали за вполне реальных существ по всему Средиземноморью, давным-давно разутюженного кораблями до последней бухточки, то чего ж могли ждать моряки на другом краю света?

«Ырхуиму тебя бы скормить!», – услышал я как-то на ярмарке в северном селе Хаилино от почти трезвого и в полном парадном облачении обитателя тундры. Новёхонькая красно-коричневая кухлянка, расшитый бисером малахай, торбаза из белого камуса – особо прочной кожи с ног оленя – всё будто с витрины этнографической выставки. Суровое, судя по мрачно сведённым бровям и злодейским интонациям, обращение адресовалось соплеменнику и спутнику коряка по вылазке в село за припасами. Земляк оленевода до того набрался «огненной воды», что улёгся в сугроб без малейшего желания вставать. Простуда ему не грозила, поскольку всесезонная жизнь в обществе «коян», как зовутся олени по-корякски, закалила северян до испытаний посерьёзней нынешнего. Подвыпившего коряка в конце концов усадили в нарту и для надёжности закрепили в ней сыромятным чаутом – камчатско-корякским вариантом лассо, дабы он не вывалился на попутном бугре, когда увлёкшиеся скоростью ездочные псы мчат по тундре со всей мощностью своих собачьих сил.

Оленеводы умчали за мгlistый горизонт, оставив меня в преизрядном недоумении по поводу загадочного «ырхуима». Кто он? Демон? Свирепое первобытное божество? А может быть, вполне реальный и знакомый под другим именем хищник, именуемый так на одном из корякский диалектов?

Слегка развеять туман мне помог несколько позднее известный этнограф,

профессор Илья Самойлович Гурвич, с которым мне довелось увидаться во время одной из его камчатских экспедиций. По его объяснениям, «ырхуимом» северяне называют легендарного зверя, напоминающего по описаниям гигантского медведя. Чудовище, якобы достигающее трёх с лихвой метров в высоту, стоя на четырёх лапах, вроде бы обитает в пещерах Корякского нагорья, редко выбирается наружу, но тогда уж не щадит никого из бегающей, прыгающей и даже летающей живности. Человеку с ним лучше не встречаться, хотя есть рассказы о том, что «ырхуим» способен даже прийти на помощь одинокому путнику, отогнав от его лагеря волков. Реальности «ырхуима» Гурвич не верил, считая его даже не мифологическим, а фольклорным «персонажем» народной фантазии коряков.

Скептицизм учёного, однако же, напрочь отвергал корякский художник-самоучка Кирилл Килпалин. Рисунок тушью, присланный им в редакцию «Камчатской правды», где я тогда работал, изображал чудовище, наподобие доисторического ящера типа бронтозавра, но с медвежьей головой и с медвежьей же шкурой. Из его описаний следовало, что «ырхуим» – добрый хозяин тундры, который может даже обогреть замерзающего странника в складках своего меха.

Один из родственников Кирилла вроде бы видел «ырхуима», топавшего куда-то по своим делам, не выбирая пути, поскольку ни одна из тундровых преград его остановить всё равно бы не смогла.

Письмо Килпалина мы опубликовали, снабдив его комментарием уже упоминавшегося выше известного на Камчатке биолога Игоря Ивановича Куренкова, который в полном согласии с Гурвичем оценил гипотетического зверя как сказочного персонажа. Признать его подобием пришельца из былых тысячелетий, чудом выжившего в камчатских тундрах, мешало само описание «ырхуима». Такой зверь был обречён на неуклюжесть и медлительность, которые неминуемо обесценили бы гигантский рост и приписываемую молвой страшную силу.

Кое-какую теоретическую вероятность существования природного прототипа «ырхуима» наш комментатор всё же признавал, оговорив, что полная уверенность может быть достигнута только после поимки зверя или хотя бы достоверных фотографий.

Килпалин откликнулся на публикацию разгневанным письмом, в котором, не выбирая выражений, проклинал саму возможность охоты на дорогого его сердцу реликта и, требуя заранее взять зверя под охрану, включив его для начала в международную Красную книгу. По прочтении его письма

у меня возник было соблазн переслать его прямиком в Буэнос-Айрес знаменитому писателю Хорхе Борхесу. Тот издал «Книгу вымышленных существ», на страницах которой поселил немало чудовищ типа василисков, годзилл и тому подобных порождений фольклорной и кинематографической фантазии, упомянутых в народных сказках или придуманных писателями разных степеней знаменитости.

Килпалинский «ырхуим», глядишь и украсил бы очередное издание борхесовского бестселлера. Увы, переписка с миром капитала тогда не поощрялась, так что мой редактор идею категорически отверг. Теперь же знаменитый писатель уже переселился в иной мир, из путешествия по которому удавалось возвращаться только Одиссею, Данте и барону Мюнхгаузену. Так что дополнить свой фантастический справочник Борхесу уже не под силу...

Трагедия в «Море дьявола»

И снова к океану, снова к его пучинам. Было время, было счастье, прошёл я на борту научно-исследовательского кораблика «Вулканолог» от Камчатки до Сингапура в поисках подводных огнедышащих гор. Пунктир нашего курса не миновал и знаменитой океанской впадины. Любой, кто читывал в детстве ефремовский рассказ «Встреча над Тускаророй» по сию пору помнит ту дрожь, что невольно пробежала по детской коже после прочтения блистательной фантазии о дрейфовавшем в полузатопленном состоянии паруснике и записках его отважного капитана. Над этой бездной мистика и ужасы нас миновали. Но где вулканы, там непременно страсти, о которых на нижележащих страничках экспедиционного дневника.

...За Тропиком Рака пропали птицы, зато над волнами запорхали лёгкие рыбы. Манерой взмывать над гладью они напоминают ласточек, но в отличие от острохвостых спутниц деревенского житья не тают в синеве, а планируют на воду. Одна умудрилась залететь в иллюминатор и плюхнуться прямо перед мной на обложку полупудового атласа океана. С виду летучая рыбка немного смахивает на селёдку, но спинка густо синяя и столь же синие плавники у головы – длинные, будто птичьи крылья.

Я отправил рыбу в родную забортную стихию, поразмышляв при этом, что безмятежное мельтешенье летуний, сиящихся вырваться из морской колыбели, явно подсказывает, что на далёком дне пока что всё спокойно. Спутники по рейсу «Вулканолога» такой тишине вряд ли были рады. Их

огнеопасные мечты намертво сплавлены с целью своими глазами увидеть бурление Филиппинского моря, прозванного в нашем веке «Морем дьявола» и слывущего ещё аналогом «Бермудского треугольника».

Пока навигационное оснащение кораблей сводилось к бронзовым секстанам и магнитным стрелкам компасов, легенд о «треугольниках» почему-то особо не слагали. Сотни лет моряки вполне обходились Летучими Голландцами, огнями Святого Эльма и морскими чудовищами.

Российские промышленные люди, стартовавшие с Камчатки на шитиках, канаты которых были свиты из обыкновенной крапивы, обошли под такими вот снастями полглобуса, но записей о сверхъестественных встречах почему-то не оставили, вероятно, из-за обилия более реальных приключений. Писал же мудрый классик Николай Лесков, что «фантазия людей данной местности выражает их настроение». Зато в наши просвещённые года гипотезы о губительных морских районах закрубились, как мошкара над болотом. Особо скверной репутацией молва клеймила северные воды Филиппинского моря, по которым мы благополучно проскользили накануне. Притом легенда о местных потусторонних силах располагает в своём активе громким и печальным эпизодом, достоверность которого никем не оспаривается.

В сентябре 1952-го года в море вышла японская шхуна «Кайо-мару-5». Не прошло и нескольких дней, как судёнышко сгнуло без следа, не успев даже взбудоражить эфир сигналом «SOS». Тут у самого антипаранормального индивида перед глазами само собой всплывут или летающая тарелка, всасывающая шхуну в свои отсеки, или гигантский кальмар, из объятий которого тоже не выскользнуть. И ту, и другую версию я сам встречал в двух-трёх публикациях. А вот про то, что на самом деле приключилось в далёкий от нас сентябрьский день у рифа Миодзин, узнать удалось из мало доступного у нас вулканологического бюллетеня, выходящего в Неаполе. Из него я и выяснил, что «Кайо-Мару-5» покинула пирс совсем не случайно. Это гидрографическое судёнышко отправилось к Миодзину, когда с какой-то рыбацкой шхуны пришла весть об извержении подводного вулкана. Вероятно, капитан необдуманно решил приблизиться к кипящей акватории извержения. А может быть, азарт исследователей заставил его забыть про осторожность и всё дальше вести шхуну по клокочущему морю.

И тут воды расступились. Вулканический взрыв над ней образовал гигантский пузырь, наполненный извергнутыми газами. Эта

дьявольская посылка, пульсируя, увеличиваясь в объёме, устремилась наверх вместе с ударной волной. Такой удар мог бы переломить и гигантский океанский теплоход. Крохотная же шхуна попросту рассыпалась на куски. Спасатели смогли выловить только обломки, хранящие следы катастрофы: визитными карточками вулкана стали намертво впившиеся в обшивку кусочки шлака. Извержение не стихало ещё долго. Пепловая колонна вздыбилась над морем на семь с половиной километров. Потом в море вырос вулканический купол Миодзин-Сию и маленький островок Урания. Но вновь отцвела в Японии священная вишня-сакура – и в августе 53-го года волны смели и купол, и островок.

Тридцать один человек был на борту в минуты трагедии. Никому спастись не удалось. А рыбаки по сию пору избегают бороздить эти воды. Это и не мудрено, ведь плавание в этих квадратах чем-то сродни прогулкам по минным полям. А вот полёты над ними – совсем другое дело. С некоторых пор пилотам японских и американских самолётов приказано повнимательней посматривать вниз. Первый, кто обнаружит неведомый вулканический островок, имеет кое-какие шансы застолбить там свой суверенитет, а значит, и претендовать на право объявить окружающие воды своей экономической зоной...

Дьявола мы в Филиппинском море не встретили и благополучно вернулись домой через отведённые для исследований три месяца. Двигатели не подводили, курс прокладывали с помощью сигналов со спутника, хотя штурмана для подстраховки, а может быть и просто пижонства ради, не брезговали секстаном. Конечно, океан и в наши дни ничуть не посмирнел со времён Беринга и Лаперуза, но зубы свои благодаря дизелям и радиоэлектронике способен пустить в ход куда реже, чем при Беринге или Лаперузе. Однако совсем недавно выскользнуть из его мёртвой хватки без подмоги двигателей и запаса воды да продовольствия в трюмах удавалось лишь немногим счастливицам.

В шестидесятые у всего мира на слуху была 49-дневная одиссея четвёрки россиян, баржу которых шторма угнали от южных Курил и унесли почти до Гавайских островов. Изголодавшие скитальцы успели съесть всё мало-мальски органическое, что отыскалось на борту, включая кожаные вставки на мехах гармошки. Младший сержант Асхат Зиганшин, оказавшийся старшим по званию среди четвёрки бедолаг, поведал мне через четверть века после их вынужденно-рекордного заплыва, что на исходе дрейфа по стебельку, по волоконцу схарчили даже веник из курильского бамбучника. Нечаянный по-

двиг во имя выживания у нас отметили орденами, а в Сан-Франциско всей четвёрке вручили символические ключи от города в знак уважения выносливости и мужеству.

Между тем абсолютным рекордом их рейс в никуда всё же не назовёшь. В 30-е годы от Камчатки унесло шхуну с отказавшим двигателем. Тайфун сорвал паруса, сломал мачты. Три рыбака ступили на берег только через три месяца, и земля эта была... филиппинской! Каким-то чудом на множестве перекладных они исхитрились пробраться назад, и возвращение заняло больше года.

Книги рекордов Гиннеса в то время ещё не было, так что официального признания их приключение не получило. Наши газеты были заняты коллективизацией да индустриализацией, а филиппинская пресса на Камчатку не доходила. Если бы не патриарх камчатской биологии Иннокентий Александрович Полутов, рассказавший мне о встрече со шкипером шхуны после чудесного воскрешения из небытия, эта история и подавно растворилась бы во времени.

Так что всё тайное когда-то да станет явным... А вспоминая эти страсти, я вспоминаю и четверостишие немало странствовавшего по Дальнему Востоку поэта Рюрика Ивнева:

*Молю тебя, скажи мне, Бога ради,
О, неужели это только сон,
Оставшийся записанным в тетради
Под рокот тихоокеанских волн?
О, неужели белая палатка
В глухой тайге – насмешливый мираж?
О, неужели, жадная Камчатка,
Ты этих дней мне больше не отдашь?*

Пронзительно-ностальгическое стихотворение, судя по его полному тексту, навеяно было автору гибелью парохода «Индибирка», на котором он в августе 1927 года возвращался после путешествий по огнедышащей камчатской земле во Владивосток. Попутно пароход заходил в японский порт Хакодате на Хоккайдо – самом северном из четырёх главных японских островов. Ивнев исхитрился получить транзитную визу у консула «Страны Восходящего Солнца» в Петропавловске-Камчатском и за время стоянки успел немного поколесить вокруг да около гавани. Сейчас такое может показаться невероятным. Искатель приключений без постоянного места службы или работы вполне законно и спокойно сходит на берег отнюдь не дружественной страны и благополучно обходится без каких-либо тюремно-лагерных последствий в самые суровые годы!

Интересно, пожалуй, даже загадочно другое обстоятельство. «Индибирка», на ко-

торой, по словам Ивнева «...Когда-то мы читали буквы звёзд...», была не единственным пароходом, носившим на борте имя северной реки. «Ивневская», построенная в Шотландии и купленная там ещё до I-й Мировой войны российским «Доброфломом», благополучно отходила по океану положенный срок уже после Великой Отечественной. Но под тем же названием существовал и другой пароход, купленный в США и переданный НКВД в 1938 году.

В отличие от первой «Индибирки», ничем «лагерно-зэковским» себя не запятнавшей, вторая оказалась в составе энкаведешной флотилии каторжных судов «Дальстроая», судов, доставлявших узников сталинских лагерей из печально знаменитого порта Ванино (песня «Ты помнишь ли Ванинский порт...» по сию пору звучит, хотя не всем уже понятна) в Магадан и в Петропавловск-Камчатский. Отголоски этого уцелели в камчатской топонимике. Близ полуостровной столицы до сих пор существуют два селения, которые старожилы по привычке называют «Большой лагерной» и «Малой лагерной», хотя официально они теперь зовутся «Океанскими»... Так, понятно, поблагодарней!

Другая «Индибирка» действительно погибла в 1939 году на рифах у берегов Хоккайдо, унеся жизни почти семисот человек, многие из которых были уже освобождены или следовали с Колымы для пересмотра дел. У нас эту катастрофу замаяли, а за рубежом злосчастный пароход окрестили «Советским «Титаником».

Ивнев всех этих тонкостей явно не знал, так как к 1960 году, когда было написано стихотворение, не бывал на Дальнем Востоке около тридцати лет и каким-то образом дошедшие до него слухи воспринял, видимо, как вести о несчастье с запомнившимся ему судном, не подразумевая жуткого контекста катастрофы.

...Рюрика Ивнева, лишь четырёх дней не дожившего до девяностолетия, лагерная судьба, к счастью, миновала, но жажда странствий его не оставляла, пока хватало сил утолять её. Камчатку же он вспоминал в стихах всю жизнь, особенно в непростые минуты. Одну из его относящихся к полуострову строк наверняка могли бы отнести к себе многие, кому дорог полуостров, напоминающий не только нож кроманьонца, но и дикарскую серьгу на карте Евразии:

*И ныне в ледяной палатке,
При траурном закате дня,
Я ощущаю жар Камчатки,
Обогревающей меня.*

Артур ЖУРАВЛЁВ

ДЕНЬ ПЕНСИИ

***

Между мутными стёклами сдохло десяток мух, пара шмелей, штук пять ос, рота комаров, мошек без счёту... Лежали пыль и мусор. Из щелей рам высовывались мудрые газеты. Мутность сливалась с серым небом. В палисаднике устало прокатывалась волнами трава и раскачивала жиденькими косами берёза. У забора давно не хватало штук десять досок, и через эту дыру под старую рябину часто приходили отлёживаться собаки. Они линяли, а шерсть скапливалась разводами на сырой земле. За рябиной, сквозь ветви, торчала вверх горлом тёмная бутылка из-под пива, под вечер бросая рыжие отсветы на раскрошенный бетон канализационного люка. Соседний двухэтажный белый дом презрительно показывал свой острый угол, отвлекая взгляд выгоревшими на солнце жёлтыми трубами с размазанной надписью красным: «Взрывоопасно – ГАЗ!». Побитые окна грустно палились в сторону тёмными проёмами. В них лезли нежные кусты сирени, пускал свои белые пушистики старый тополь и радовались мгновениям жизни жёлтые беззаботные купальницы. Они просто знали, что жизнь – это прекрасно и она никогда не закончится. А на окне отживал свои последние дни старенький декабрист, в бессилии опустив свои стебли на подоконник. Под ним валялись скрюченные цветки. Рядом лежала раскрытая консервная банка «Шпроты» с горой пепла и окурков. Она напоминала Луну. Там тоже мертво, но в этом есть смысл.

Во дворе напротив иногда появлялись простыни, полотенца, трусы, футболки, носки, брюки, лифчики и реяли на летнем жарком ветру. Ещё были платья. А у них была хозяйка с тазиком, которая уходила в будни утром с девочкой с большими бантами и зайчиком, а возвращалась под красный закат, ведя за ручку ту же самую девочку, но уже без бантов и без зайчика...

Большую вечную лужу на грунтовке традиционно закладывали стащенными кирпичами. Но потом кирпичи куда-то исчезали, а лужа оставалась и лениво тянулась к канализации, пряча дно от беспокойных и злых взглядов. Серёга, автослесарь с первого этажа, презрительно выбрасывал в неё бычок, громко схаркивал, шлёпая в обход с побрякивающим пакетом по пыльной травке. Его чёрная кепка с кольцами «Ауди», белые плечи и грубые руки с парой надписей на толстой коже бойко раскачивались и исчезали за углом. Потом громко хлопала деревянная дверь, скрипели половицы в подъезде. Там пахло дохлыми крысами. Слышалось сердитое

бурчание. Щёлкнул замок. И снова тишина. Её снесла «буханка» с мужиками в тельняшках, несущаяся под орущее «Русское радио» на озеро... Жизнь.

А за спиной была мертвенность, темнота по углам, иногда что-нибудь скрипнет, затем тишь, а потом где-нибудь стукнется, и снова ничего... Стоял шкаф с сервизом, в котором стояли чашки на блюдцах, узкогорлая ваза где-то по серединке, широкие тарелки и эта большая белая в ягодках супница. Без крышки, та разбилась, вроде бы в 93-м... А чайник ещё был с ситечком. Его подарили почему-то... Ложечки маленькие там... Просто потому, что не знали, что подарить.

Вдруг как будто спросонья, хрипло, прочищая горло, взревел звонок. Комната встрепенулась. Шорохов Василий Семёнович закрыл глаза. Хотел пошевелиться, но стул, качнувшись под ним, навалил его локти и грудь на подоконник. Звонок затих. Шорохов нахмурил реденькие брови, лысина съёжилась, словно хотела укрыться, но... Было лень. Звонок подал голос бодрее. Шорохов шумно вздохнул, прогнав пепел в угол к раме, и пошёл открывать.

Пустые серые глаза смотрели на пустые банки. Чистые. Трёхлитровые. С крышечками. В них надо закатывать.

– Бодрого, Семёныч! Ну, держи трёхлитровые. – Белобрысый низенький мужичок лет пятидесяти – Лёнчик, сосед сверху, сунул Шорохову большой пакет. – От моей твоей. Передаёт «Спасибо», вырвали тогда! Возвращаем.

Рука крепко сжала ручки пакета. Тяжёлый. Неудобно носить.

– Знаешь, а я ведь про долги помню, а? – хотнул Лёнчик. И, громко шепча, полез за пазуху джинсовой куртки. – Так что ты не думай зря! Держи-ка, это посуущественнее...

Возникла водка.

– Вот так вот...

Лёнчик блестящими глазами проводил бутылку в руку Шорохова и мялся на месте, переводя взгляд то на бутылку, то на пол, то на дверной косяк... Один гвоздь сверху вылез. Надпись «лох» нацарапана ножичком. Лёнчик всё больше и больше переживал:

«Э-э-э, видимо, решил употребить всё один... Вот где благодарность?... Друг ещё, да?... Жены нет дома, засесть можно культурно, с толком, с расстановкой, когда ещё такой день выпадет?..».

Шорохов начал разворачиваться в комнату. Лёнчик тупо уставился на грязную майку и морщинистую загорелую шею Шорохова. Мысли медленно вошли, сели на скамейку перед статуей из серого

мрамора «Сознание», раскупорили одну бутылку, три консервы шпротов и облизались... Но выпить не смогли.

– Э-э-э, Семёныч... – и вдруг весь просиял, аж перекосило от надежды – А-а! Моя же твоей велела передать, чтоб заходила сразу к ней, как приедет, новая одна роза выросла! Хорошая роза!

Банки и бутылка исчезли.

«Жлобина, млять!» – досадно нахмурился Лёнчик:

– Ну бывай, Семёныч!..

И расстроено заскрипели ступени лестницы.

– Семёныч, Семёныч...

***

Шорохов отстранённо сел на облезлый диван. Помялся. Тупо уставился на исподтишка отклеивающийся, пока он не видит, верхний край жёлтых обоев... Когда-то... Тогда... Они радовали глаз, а по комнатам суетилась Ксюша и всё ля-ля-ля себе, да бу-бу-бу... Вдохнул. Потемневший край закрутился, обнажая стену, и тянул за собой следующий край... Шорохов посмотрел под ноги. Коричневый, посеревший как будто, линолеум. И тапочки обросли чём-то... Сощурил глаза, пелена подёрнулась. Вгляделся. Увидел разросшуюся и уже превращающуюся в войлок густую пыль. Шорохов медленно стал напяливать кофту, застегнул штаны, натянул ремень. Уныло огляделся вокруг. Соображал, как ржавый механизм. В уме слегка блеснуло:

– Пенсия...

Морщинистая рука дрогнула. Ноги словно вросли и исчезли... Шорохову показалось, что он висит в воздухе над пёстрым ковром и видит, как кудрявая, в цветочном платье Ксюшенька выглядывает из кухоньки и зовёт:

– Василёчик мой, яблочный подошёл! Отключай свою далдонку...

Шорохов вздрогнул, ощутил холод в руках. Глянул ещё раз в проём: белый дверной косяк. Прикрытые тюлем окна. На столе пусто. Звонит тишина. Шорохов хрипло кашлянул, быстро отвернулся и двинулся в коридор.

– Так, паспорт... А-а-а... – бормотал себе под нос. – Ключи, часы... Пиджак...

Сердце беспокоилось. Шорохов тяжело согнулся, сел, чтобы завязать шнурки. Кольнуло. Он замер и посидел немного, разглядывая себя в зеркало. Оттуда смотрела старость, пустота, всё такое серое...

– Порезала салатика немного, ещё сейчас картошечки можно пожарить с лучком... – вдруг зазвенело в ушах. Шорохов опять дёрнулся, пробежали по спине мурашки. «Нет, нет, нет... Нет. Лёнчик пришёл, принёс водку...» – Шорохов качнулся вперёд-назад. Резануло, как ножом по живому, в суставах колен... «Ра-с, ра-с, ра-ас, и-и!» – Шорохов подался вперёд, согнутый, в глазах заиграли синие, белые, зелёные звёзды... И как задышало, и как забилося, засуетилось сердце, готовое улететь к ним, к каждой и сразу же!

– Водочку принёс...

Шорохова болтало, а ноги ступали, ступали, туда, сюда, но вперёд к столу. Банки прошли. Водка тут... Звон в ушах оглушал. Звёзды неслись по орбите... Ксюша была где-то рядом, он ощущал её спиной...

– Лёнчик принёс...

– И с каких это пор ты пьёшь дома, да ещё перед обедом?! А? – Шорохов врезался, как в стену из стекла. Это Она. Шибанул мороз минус тридцать пять. Губы смёрзлись. А в горле наступил сушняк, там температура взлетела под плюс сорок. Шорохов уставился на бутылку. Она молчала. Жидкость заманчиво светилась ореолом святости...

– Так, Лёнчик... Принёс... – то ли шепнул, то ли подумал он.

– Так, шагом марш из дому! – под лампочкой без абажура громыхнул гром, разорвала мозг молния. – Ты за пенсией шёл! Растеряешь, дурень!

«И-ду...» – даже и не вымолвил. Развернулся и зашаркал, весь подавшись вперёд. Шея вытянулась.

Дверь торопливо защёлкала разболтанными замками. И скрип, скрип, стук-хлоп... Тишина.

***

В подъезде было темно, прохладно и сыро. Коричневая дверь провыла: «Трож-ж неж-жнее!» растянувшейся пружиной. Шорохова обдало горячим воздухом, по глазам резануло ярким солнечным светом. Порог дома давно уже просел ниже уровня земли, нога Шорохова ушла вниз, ища доски...

– Ва-а-а! – разнёсся резкий жизнерадостный голос. – Ва-а-а...

Шорохов выкарабкался из подъезда. Дверь глухо хлопнула за спиной. К нему, качаясь из стороны в сторону, в замусоленном цветастом платье семенила старушка по ямам. Высокая трава, уже загрубевшая от долгого лета, цеплялась за её сумки. Морщины собрались возле губ, глаза расширились и с аппетитом вглядывались в Шорохова из-под полей узорчатой шляпы.

– Поймала наконец! Гляжу, ты – не ты, а это ты... А то пропал куда-то, и Ксюху не видать, на участок к вам всё не доберусь... – старушка встала прямо перед ним. Маленькая, кругленькая, усохшая немного... Шорохов покорно шевельнул ртом, как будто улыбнулся.

– ...Черноплодка у меня хороша-а... С весны силу набрала, листья такие сочные... Разрослась на весь угол, ма-алину теснит, упёрлась в стену, в окно стучит, через забор полезла, ломится на дорогу, перегородила тропу... А я давай её резать! Чтобы в ягоду, ягоду силу пускала! А она мне всё ветки да ветки даёт... Но сорта-ая! Вася, сорта-ая! Кустика вам... Нужна? – старушка схватила его за руку, – Вася, она только так приживётся! Копнуть её – и быстренько к вам, там её посадить, удобренности-а, навозца-а, полили и всё! Только смотреть, чтоб в ягоду шла! Давай я к твоей ща-ас найду, может, ей-то нужно... Ягода, ягода хороша-то. Дома Ксюшка? Давно не видела так её! Хотя здорова она? Она у тебя молодец, всё работает и работает...

Шорохов осторожно высвободил руку. В сердце щемило. Он выдавил:

– На даче она...

– Ой, так передай ей: пусть забежит ко мне, глянет мою черноплодку! Ну?

В спину словно ударила волна – Шорохов зашагал прочь.

– Не забудь, Вася, слышишь!

Шорохов, бормоча под нос, отвернулся от неё и вдруг почувствовал влагу в ботинке. Разлившаяся перед ним лужа мутно улыбалась: «Ну, обходи!». А чумазая трава по самому краю, казалось, под ветерком захихикала.

– Да что за...!

***

Шороховы любили ходить в Детский парк, там родители гуляли со своими детьми, были качельки всякие, мамочки возили коляски... По кронам сосен бегали белки, падали шишки. Ещё можно медленно-медленно, просто для души, брести к роднику за город, чтобы набрать бутылку святой воды и в кормушку, беря целлофановый пакетик у Ксении, насыпать белочкам корму...

Тропа выводила с полей в небольшой лесок возле заброшенного коровника. Это кирпичное здание без крыши, рядом с которым бьёт из трубы сероводородная струя. Очень кислая и противно пахнущая... Тут они не останавливались, а шли дальше к торфянику. Очень приятно идти либо рано утром, в пять-шесть часов, или вечером, позднее семи... Мошкара не досаждала, разве только глубоко в лесу. Но – это мелочи жизни! Поле поднимается прямо к небу. И если идти по скошенной траве, то кажется, что оно бесконечное, и сливается прямо с голубизной, а голубизна – с далёкими перистыми мазками, а мазки купаются в лучах спрятавшегося где-то рядом солнца... Думаешь, что можно очень долго идти, идти, идти взявшись за руки и вместе молчать... Под ногами пружинит трава, суетятся мухи, бабочки, осы и пчёлы. Стрелой проскочит ласточка над головой. Но вот, всегда был край: впереди, в низине, просёлочная дорога, за ней река, а там поднимаются суровые ёлки леса. Дальше болота. Поворачивали вдоль дороги, к тропе среди леса. Родник был на склоне, рядом с крытой синей беседочкой. Внутри висели иконки, а на крыше был маленький серебряный крест. Шорохов набирал воду, а Ксюша сидела и просто смотрела на его сгорбленную спину и слушала задумчивое журчание.

Они, наверное, никогда не отпускали рук! Как выйдут с пустой бутылкой со стёртой этикеткой «Тобысь», да так и вернутся, только с уже полной. Ксюша набирала веник из иван-чая, зверобоя, клевера... Затесывались и ромашки: лекарственные, и просто невинные белые. Дома в вазочку. У них глазки были распахнутые, удивлённые, смотрели с таким любопытством, открыто – как у детей... Остальные травы развешивались под потолком и источали пряные сильные ароматы. От них переставала болеть голова. А дома всегда было спокойствие.

Только, грустное немного. Потому что детей у них не было. Не появились...

А ещё был парк КиО, но там сейчас очень уютно. Молодёжь приходит только выпить пива, да покурить. Вот в прошлом веке там было всё наоборот! И Шороховы были ещё просто Вася и Ксюша. Но приходили так же за ручки, чтобы вечером танцевать там... Там действительно была и культура, и отдых, и лодочки с катамаранами, чтобы покататься по небольшому озеру, и речка была чистая, и маленький пляж, вдоль которого можно было гулять. Деревья раскидистые создавали такую приятную прохладу жарким июльским днём, что на скамеечке в тени появлялись и по долгу сидели, словно приросли, любители книг, шумели игроками в домино, мерили друг друга азартными взглядами картёжники, восковыми фигурами плавились математики у шахмат, яростно обсуждали очередь за «Жигули» шашечники, совсем забыв про свои шашки на картонке, носились весело кричащие дети, кто-нибудь обязательно разбивал себе коленку, упав с велосипеда «Школьник», начинался плач, а потом зелёнка и желание скорее покататься на чёртовом колесе или съесть мороженое...

Вот ребята столпились на берегу: три мальчика и девочка, всем лет по десять, а который чуть старше держал большой белый кораблик, чтобы запустить. Они размахивали руками, что-то упорно доказывали...

– Ветер, куда? Ветер надо!

– Течение есть! Поплывёт, но там мель же...

– Да нет же, он в другую сторону поплывёт. Под мост!

– А капитан Врунгель не упадёт?

– Да не-е, он приклеен...

– Ну всё, запускай уже! Дальше, дальше, на глубину иди...

– Подтолкни! Нет, я давай, я!

– Хоть бы не перевернулся!

Мальчик в шортах, скинув сандалии, зашёл по колено в воду, распугал копошащуюся стаю рыбок и осторожно опустил парусник с длинным килем. Кораблик осел по ватерлинию, закачался, стал медленно поворачиваться... Рука легонько подтолкнула его, под брызгом поднялась маленькая волна, расчерчивая зеркальную гладь...

– Ну! Ха-а, ура-а! Ура! Плывёт!

Ребятня побежала следом. Мальчик спешно застегивал сандалии.

– Он уплывёт прямо в Ледовитый океан!

***

«Почта» – это двухэтажный домик с покатою крышей из алюминия. Кругом кусты, выросшие добротные деревья, кронами закрывающие со всех сторон дом. На улице стоит духота, как перед грозой. При этом белизна над головой ярко светится, да так, что даже жжёт глаза. Шорохов тяжело дыша, покрывался потом, со лба стекали капли. Он несколько раз уже доставал из нагрудного кармана скомканный платок и нервно оттирал глаза. Соли

щиплют. Шорохов раскраснелся, расстегнул пиджак, рубашку... Мимолётный ветерок вдруг появлялся откуда-то сбоку, и словно играясь, окутывал грудь Шорохова и опять ускользал куда-то за угол, в палисадник... Ничто не шевелилось. Даже бродячая мохнатая собака, высунув язык, задыхалась, плелась через тень и так болезненно проводила взглядом Шорохова, что он позабыл на мгновение о почте. Остановился и тоже посмотрел ей в глаза. Там была тоска. Живая, вдумчивая, почти такая же, как и у него. Хвост покоился в пыли. А глаза заглянули к нему в душу, походили там, открывая то пыльную в паутине дверцу, то повернув ручку загоревшейся синем пламенем газовой плиты... Глаза на ней вспыхнули и зашипели, иссыхая на углях боли. Собака моргнула и отвернулась.

Шорохов надул щёки, выдохнул и зашагал дальше по разбитой дороге. Куски асфальта сменялись то песком, то гравием... Свернул на тенистую тропу, где сразу же затихли суетившиеся в кустах воробьи. Прошёл через дворик бревенчатых длинных домиков, вдалеке сверкнули окошками две высокие хрущёвские пятиэтажки. К ним неслись чёрные нити проводов. Поворот. Появилась синяя табличка с белыми крупными буквами: «ПОЧТА РОССИИ». У Шорохова подогнулись колени, он схватился за ветку сирени, та ухнула вместе с ним...

***

Прохладно. Очереди нет. Стекланные окошки. Одно закрыто, второе закрыто, третье закрыто, четвёртое... А вот в том девушка. Шорохов медленными, но твёрдыми шагами, да он готов, он настроен и он может сделать это, подходил... «Зачем мне это? Зачем?» – летала мысль, как муха... Да это была обычная навозная муха. Она села на лоб и тут же сорвалась дальше. Прохладно, но всё-таки душно. Девушка обратила на него взгляд, оторвавшись от бумаги. Она молчала. Шорохов опёрся на высокую деревянную стойку. Сжал зубы. Замер. Тело одеревенело. Девушка моргнула несколько раз большими карими глазами. Такими живыми, такими добрыми, ясными, живыми, очень тёплыми даже, живыми, в которых есть свежесть и солнышко, живыми, полными лучей тех далёких звёзд, за многие световые годы, живыми, не из прошлого, а живыми, сегодня живыми... Моргнула, что-то сказала.

– Я оглох... – только и выдавил Шорохов. Она замерла. Убрала взгляд вниз. Зашелестела чем-то.

Деньги ссыпали в яму. В яму, которую Шорохов копал раз в месяц. На руках были кровавые мозоли и лил удушающий дождь. И дул, размывающий края земли в грязь, ветер. Но Шорохов брал лопату вновь и вновь вдавливал несколькими нажатиями её в глину и выкидывал, выкидывал, выкидывал, всем прессом, спиной, руками, её наверх, туда, туда... А она сливалась вонючими болотными ручьями и засасывала ноги... И хлоп, хлоп, хлоп: бери, бери, бери – шептала ему в каждое ухо... Ваша, ваша, ваша, ваша... Шорохов сглотнул:

– Не-ет!

Его паспорт уже был раскрыт. Шелестели бумаги.

– Ваша пенсия, Шорохов Василий Семёнович, – девушка уже деловито отсчитывала перед ним купюры, – Составляет девять тысяч восемьсот пятьдесят пять рублей тридцать копеек. Возьмите. Распишитесь.

Дрожащая рука протянула второй паспорт. Вены были голубые и толстые.

– Во-от...

Перед ним осыпались края ямы. Ветер сдавил горло. Он почти закашлялся и упал на растекающееся дно, не удержавшись на ногах. Пучина затягивала и стонала:

– Зачем ты живёшь, зачем ты живёшь...

– На имя Шороховой Ксении Ивановны... Минуточку... Пенсия составляет – десять тысяч триста семьдесят рублей двадцать пять копеек.

Снова зашелестели банкноты. Шорохов закрыл на мгновение глаза. А потом нервно собрал всю эту бумагу...

– До свидания. Приходите ещё.

Сунул всё в кошелек. Тот увиливал, не хотел падать в карман.

– С-сп-сибо...

Дверь тяжело поддалась. Пахнуло пеклом. Где-то над головой собирался пар, это влага, которая вдруг может – раз! – и обрушиться на всё... Чтобы смыть и очистить. Промыть и продышаться. Освежить и вымыть всё и сразу.

«Молока, хлеба, творог, яйца... Шпротов. Да, да, шпротов...». – Шорохов зашаркал по тропинке. – «Водка есть...».

***

Там, за краем, ничего нету. Вообще нечего. Пустота. Закрыл глаза и всё. Поэтому Шорохов смотрел, видел, воспринимал, слушал, наливал, выпивал, наливал, закусывал, ещё выпивал, курил, ссыпал на Луну, ещё затягивался... Наблюдая муху, ползающую по стеклу, чистящую лапки о брюшко. Нет, как ни чисти, как ни три, как ни три, как ни встряхивай – если ты навозная муха, ты и останешься до окончания лет навозной мухой. Три, давай, три... Ещё затяжка. Это приятно, когда времени нет, а есть только затяжка и медленно-медленно выпускаемый дым... Голова плывёт, сознание... Нет, нету сознания, ничего нет. Но живёшь. Ощущаешь эту пустую комнату. Ничего не хочется. Полка. Там кораблик, трёхмачтовый барк «Товарищ», стоит на подставке, в сухом месте, чистенький, беленький, среди пыли... Ванты взмывают вверх, канаты оттягивают понурые прямые и косые паруса... Дерево усыхает медленно, бушприт вяло упёрся в книгу... Палуба пустая, руль зафиксирован прямо, компас ничего не показывает.

«Нет, Ксюша, нет... Лучше ты приходи ко мне. Просто. По-человечески. И по душам. Приходи ты... Без тебя тут ничего нету. А я не хочу. Я не могу. Там у тебя ничего нету... А у меня есть всё! Всё и сразу. Стол, стул, вот... Цветок ещё. Всё! Всё есть... Всё...»

Есть... Ну всё же есть! Понимаешь меня? Всё есть! Всё-о...».

Горячий комок вошёл с одного маху в горло, булькнул, прошёл по пищеводу поддавая жару, вспенивая кровь, пуская свои щупальца в голову и бегло нажимая каждый нерв «Выкл», «Выкл», «Выкл», «Выкл», «Выкл»... Комната перевернулась кверху ногами, плавно перешла в жидкое состояние, втянула Шорохова под пол, свернула ему шею, ударила запахом чего-то сладкого и пряного, как Ксюша в... Это был... Кажется, был... Был! Нашатырь.

Открыл глаза. Его потолок. Тускло. Светит лампочка Ильича. Его. Не последняя ещё в России. Шорохов огляделся. Вокруг дивана столпились тени. Они смотрели на него сверкающими, как у бесов, глазами и вдруг потянули к нему тёмные руки, жгучие и рвущие его на части:

– Наш Шорохов, наш Шорохов, наш...

Душа сжалась, бессильная защититься, несвободная, а отягощённая, её тянуло вниз и душило каменными холодными руками. А он хотел бежать. Бежать. Шорохов зажмурился, закричал во всю свою душу, так как уже чувствовал, как погружается в огненное болото:

– Ксюша!.. Ксюша!.. Ксюша!..

– Шорохов Василий Семёнович, как вы себя чувствуете?

Шорохов открыл глаза. Сердце больно колотилось о грудь. Пот валил градом. Тело не чувствовалось совсем... А в голове прошло стадо слонов. Участковый сидел перед ним на стульчике с планшетом и ручкой. Сзади стояли врачи. А за ними... Выпучивший оба глаза, как шпрот, Лёнчик, и рядом с ним побелевшая вся, его жена...

– Что? – простонал Шорохов. Голова думать не хотела. Участковый. Лежу. Лёнчик. Диван. Боль. Чувствую себя, как...

– Вы можете отвечать на вопросы? – внимательно посмотрел на него Участковый. Снял фуражку.

– Да, – после паузы ответил Шорохов. В его голове возник гараж... Но сердце не дрогнуло. Только холод снова окутал его. А душа замерла и вдруг затрепетала, словно ждала этого момента всю свою жизнь и жила только для этого, и теперь наступил тот самый день, та самая минута и сейчас вот в радуге она помчится...

– Гараж... – дёрнулась голова в нервном зажиме. Шорохов смотрел в облупившийся потолок. И чувствовал, как его ноги дрожат, как руки, зажатые в конвульсии, крепко держат тело, уже холодное, недвижимое, но податливое... А он не видит его, только знает о нём. Он не хочет понимать, что делает. Но чётко идёт. С её телом. Но телом. Ворота. Темнота. Лампа зажигается. Тут хлам. Там гроб. Он кладёт туда это тело. Медленно и аккуратно. Складывает бледные руки. Глаза закрыты... Скорее, скорее крышку. Гвозди длинные. Молоток легко ударяет. Гвоздь за гвоздём лихо входят в древесину. Крышка крепко встаёт на место. Тук, тук, тук... Быстро. Не понял даже, как – а уже её нету. Это тело. Там...

Железные ворота, грозно скрипнув, закрылись наглухо.

– Она умерла десять месяцев назад, сама, старость, сердце...

– Десять месяцев? И вы не заявили о её смерти, спрятали тело в гараж и десять месяцев скрывали об этом происшествии... – Голос молодого Участкового был ровный, сухой, административный. А взгляд выражал отвращение. Он облизал губы. В его памяти промелькнула картинка увиденного им разложившегося трупа, в нос снова ударило жуткое зловоние, гул мух, кости, ещё какая-то гадость. – Зачем?

– Пенсия... – как на исповеди сказал Шорохов, глубоко выдохнул и перекрестился. Крест оказался тяжёлым, рука ушла в сторону, не выдержав. Кривая линия.

– П-пенсия? – замер Участковый. Ручка чуть не выпала. По его телу прошла мелкая дрожь. – Что?

– Десять тысяч триста восемьдесят рублей двадцать пять копеек. – На глазах Шорохова выступили слёзы, а душа уже пела. И успокаивалась. И чего-то хотела и, кажется, всё понимала и, может быть, уже растворялась, вот только ей ещё оставались какие-то секунды...

– Хо-осподи Иисусе... – выдохнула полная жена Лёнчика, опустила на табуретку, схватилась за грудь. Лёнчик окинул друга тяжёлым взглядом:

– Мы, пожалуй, пойдём... Прости, Семёныч...

– Шорохов... Василь... Семёныч... – быстро каркая в планшете, участковый пробормотал себе под нас что-то не членораздельное, матюгнулся и поднял взгляд. – Короче, сейчас поедем в отдел... Там всё расскажешь... Я ни хрена не понимаю!.. Пусть они там решают, что с тобой делать... Вы где работали?

***

Сначала земля была мягкая, а потом пошла глина. Но Шорохов продолжал вгрызаться лопатой в неё, придавливать ступнёй в сапоге, подрезать и отбрасывать в сторону... Сердце устало. Силы потихоньку покидали. Он часто останавливался, опирался всем телом на черенок и подолгу отдыхал. За больной спиной были ряды могильных камней, а впереди... Шорохов рассматривал, тихо улыбаясь, краешек зелёного леса, широкое бесконечное поле и облака, медленно проплывающие мимо него на чисто-голубом небе. Много он заметил разных глыб, таких лёгких и быстрых, которые появлялись откуда-то издалека и уплывали дальше неведомо куда... Они не возвращались. Облака спешили, клубились, менялись, сцеплялись, расходились, светлели, темнели, гремели, зло сверкали, ласкали, мелькали в лучиках солнца, скрывали его от других... А Шорохов никуда уже не торопился. Лезвие врезалось в глину, давило, откидывало новый комок в сторону. Шорохов кричал, медленно распрямлялся, замирал, дышал и снова врезался в глину...

УХТА – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЗА ВСЕ УЧТЁННЫЕ ГРЕХИ

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

Вот уже скоро будет пять лет, как с нами нет Мирона Марковича Этлиса. Знаковые для Магадана личности уходят. Он не был на Колыме временщиком, попыток строить свою будущую жизнь за её пределами не предпринимал.

В последнее время мы с ним очень сдружились, и даже семьями. Хотя сложно сказать – семьями, крайние месяцы он уже был один. Казалось бы, чего общего – репрессированный и представитель этого самого, как принято считать, репрессивного аппарата. Но, как сказал однажды Мирон Маркович: «Профессия накладывает отпечаток, но человека не меняет».

Он долгое время был под надзором. Но был объективен и не конъюнктурен в оценках людей, выполнявших эти функции, не равнял всех под одну гребёнку. Своих «кураторов» вспоминал по-доброму. Говорил, что прежнее их поколение было более образованным, начитанным и интеллигентным. Считал, что сотрудники могут понимать в литературном творчестве. Не только понимать, но и быть в нём.

Кто-то как-то заметил, что он «из тех», многозначительно постукивая пальцем. Но, во-первых, я скажу, не похож. Во-вторых, источник подобной информации – известный историк, который был в своё время ограничен в допуске к архивам из-за некорректного обращения с информацией. В третьих, к таким данным настолько узкий доступ, что в истории спецслужб немало примеров, когда человек не мог доказать, что он не враг и не предатель, из-за гибели тех, кто его внедрял. Ну и, конечно, известный историк не мог видеть такой информации, будь он даже самым смелым в раскрытии тайн репрессий, когда это уже разрешено. Просто Мирон Маркович, как свидетель того времени, мешал кому-то говорить неправду. И, в отличие от большей части современных обличителей истории, свои убеждения с приходом перестройки не менял.

С другой стороны, некоторые вопросы возникают к другим людям, прошедшим и описавшим те же маршруты, что и Этлис. Каким образом автор, будучи заключённым, всегда оказывался (оказывалась) в местах обострения событий, часто перемещаясь из одного лагеря в другой? По чьей инициативе и с какой целью? Но это всего лишь версия. Повторюсь, подтверждения её вы никогда не найдёте по указанным выше причинам.

Мирон Маркович мне называл не одну фамилию «из тех», кто «под него» работал. Вычислял их благодаря своему аналитическому уму. Среди них достаточно известные в то и уже в наше время люди. В отличие от них он не был приспособленцем.

Несмотря на то, что пострадал от репрессий, Мирон Маркович обиды ни на кого не держал.

М.М. ЭТЛИС

Относился ко всему философски и учил этому других. Не секрет, что многие, заикливаясь на обидах, зарывают в землю свои способности и талант, и, в конце концов, себя. Он этого избежал.

Талантлив был не только как учёный, как врач (был хорошим диагностом, я в этом неоднократно убеждался), но и как литератор, поэт. В творчестве был очень требователен к себе. Не случайно поэтому, первую книгу стихов «Выход из тени» опубликовал уже на склоне лет.

*Не заразиться графоманией,
Не изуродовать талант.
Не обольститься равноправием
И не забыть, что дилетант.*

Это строчки из рукописи второй книги стихов. В ней он учёл прежние ошибки, многие из которых, кстати, определил сам, поднявшись на новую творческую высоту. Над изданием этой книги мы начинали работать вместе. Уже отдали на оформление художнику. Но тот запросил немыслимую сумму, поэтому проект пришлось приостановить. Некоторые, знавшие Мирона Марковича, и говорившие о нём при нём хорошо, когда речь заходила о помощи в издании книги, поворачивались спиной. Надеюсь, мне удастся завершить начатую работу. Как и кому-то, возможно и с моей помощью, опубликовать воспоминания Мирона Марковича, над которыми он трудился до последнего дня.

Первое, начальное название второй книги, которое он предложил, «Кровяное давление». Потом предложил другое, нечто избитое типа «Магаданские зарисовки». Но я заметил, что первое мне больше нравится. Он обрадовался и сказал: «Так и оставим».

Дважды я привозил Мирона Марковича на поэтические вечера в пушкинской библиотеке. Его новы-

ми стихами заинтересовались известные магаданские чтецы и композиторы, но продолжения это не получило.

Запоминающихся фраз, которые можно цитировать и использовать в качестве афоризмов, он произносил много. К примеру: «Разделять репрессированных по национальностям – преступление». Сейчас мы это поняли на примере Украины, когда кто-то пытался в ком-то найти виновников голодоморов. И нашёл. Может, пока не поздно, опомнимся?

Понимая, что у Мирона Марковича в любое время может слететь с языка что-то очень мудрое и важное, я в разговорах с ним пользовался диктофоном. Образовалась довольно внушительная фонотека и, я думаю, должен когда-нибудь получиться хороший цикл радиопередач о нём.

Его было приятно слушать. Старый, уходящий в прошлое лексикон русского интеллигента с уменьшительно-ласкательным обращением к собеседнику. При том, что в обиходе и в поэзии допускал острые выражения, покруче и, наверное, более точнее и к месту, чем у «Komedi klab». Обожал высказывание профессора Северо-Восточного государственного университета Елены Михайловны Гоголевой: «На то мы и филологи, чтобы не топтаться на узком пятачке нормативной лексики».

Во время встречи с Мироном Марковичем в его последний день рождения я поздравил его, но под-

черкнул, что, учитывая состояние его здоровья, не принёс любимую им мою наливку. Он меня пожурил и попросил исправить эту ошибку. Сказал, что поставит на видное место в сервант и будет всех угощать, кто к нему приходит. Хотел собрать всех своих друзей, кто не оставил его в последние месяцы, и тех, кто друг с другом не знаком, познакомить. Не предполагал, наверное, что это случится так быстро.

Очень не хотел попасть в больницу. Считал, что это для него будет окончательным приговором. Был очень волевым человеком, до конца боролся с одолевавшим его недугом. Учился спускаться по лестнице в подъезде, в надежде на продолжение наших совместных поездок-экскурсий по Магадану и его окрестностям, во время которых рассказывал много интересного из истории города. Постоянно сообщал о своих успехах, выражавшихся в преодолении одной лишней ступеньки.

Как это нередко бывает в подобных ситуациях, в этот вечер я оставил где-то свой телефон, и только утром увидел пропущенный ночной звонок от Мирона Марковича. Он не был надоедливым, по пустякам старался не беспокоить. При этом к пустякам мог отнести и некоторые очень важные для него события. Я понял, что случилось что-то очень серьёзное. Попытался перезвонить. Но его живого голоса так больше и не услышал.

г. МАГАДАН

Мирон ЭТЛИС

КРОВАЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ

***

*Вдруг на меня упал фантом душевной боли,
Как на кого-то с верхней полки падает протез.
Я сердце обложил мешками горькой соли,
Чтоб с ним наедине остаться без
Напряга оскудевшей силы воли,
Претензий к обществу, к подругам и судьбе,
Без сладкой участи купаться в алкоголе
И умирать, играя на трубе.*

21.08.08 г.

***

*На кресле отвалиясь, гляжу на потолок,
Где на задор воображенью,
Паук козявку паутиной обволол
И приступил к её съеденью.*

*Как зрение моё остро в очках!
Как мощен дух натурализма!
Паук козявку обращает в прах,
А я слагаю гимн о жизни...*

05.01.05 г.

***

*Повседневность меня не душит,
И пространство не смеет мешать
Пульс мерцающий чутко слушать,
Как он скачет в ушах шурша.*

*Затянулось земное время,
Затянулось как млечный путь.
И живётся мне вместе со всеми
Как положено, как-нибудь.*

*Распластался уютный фатум
Обволок нищетою щедрот,
Как надежда на мирный атом,
Как зарплата и кризисный год.*

*И что бы ещё ни случилось,
(А пока ничего не случилось)
Есть надежда на божью милость.*

15.03.09 г.

***

*Когда генетика командует «Умри!»
И бьёт командой в жизни орни,
Я остаюсь с часами до зари
И убеждаю их, как следует, запомнить,
Что срок их остановки предрешён
Не хитростями генов и генетик,
Что ждут меня дела, и путь не завершён.
И пусть я не один такой на свете,
Который задержаться бы хотел
Среди травы и злоключений,
Среди белковых бестолковых тел*

На выходе из прошлого, как тени
Того, что надо заново прожить,
Того, что без меня не обойдётся...
Пытаюсь над часами ворожить,
А времени всё меньше остаётся.

13.02.05 г.

УМИРАЮЩИЙ КЛОУН

Шатёр упал – подпилен шест,
Упорно много лет поддерживавший купол...
Я умираю. Мой последний жест:
Вот эта – на бумаге, кровью – глупость.
Дыханье ветра шевелит полы,
Упавший полог горбится шалаво...
Я умираю. И творю хулы
Обманному бессмертью глупой славы.
Там был очаг – остался силуэт –
Окружность обожжённости и кратер.
Я умираю. Чётки глупых лет
Перебираю и творю проклятья...

***

Он правде заглянул в лицо и ужаснулся:
У правды почему-то не было лица...
Смущённый взор – как в бездну окупнулся,
У этой бездны не было конца,
И также не было законного начала
И отблеска в неё нырнувших глаз,
Которых пустота не замечала,
А только отражала на показ.

И было безнадёжным зазеркалье –
Убежище для множества Алис –
Мерцающая перламутром или сталью,
Соединяющая болью верх и низ.

Такая правда только ослепляла –
Куда-то за собой, в себя звала,
Опутывая паутиной и печалью...

Такие вот, правдивые, дела.

10.03.08 г.

***

Уже мне не грозит уход насильный:
Не утоплюсь и рук не наложу,
Не задохнусь в какой-нибудь красильне
От едких запахов и ног не застужу,
И вместе с ними от морозной хвори
Дыхательных путей не обожгу.
Не выстрелит из-за угла наёмник, и его товарищ
Не обречёт мой труп валяться на снегу.
С удавкой на одряхлевшей шее,
Не прыгну из открытого окна,
И живо не задохнусь под трупами в траншее...
Умру как большинство, не исчерпав до дна.
Свою судьбу и жизненную силу,
И лягу, как в постель, в холодную могилу.

15.03.08 г.

***

Ночные бдения трудовые,
Свои несбыточные сны
Я подарил тебе, Россия,
И в ожидании весны,

Погод нормальных и сердечных,
Укорам совести назло.
Забывши жизни скоротечность,
Я думаю – мне повезло.

Хочу, обиды презирая,
Последних сил не загубя,
Не ради вечности и рая
Хоть что-то сделать для тебя.

25.02.08 г.

***

Куда бежать от круглых дат,
От юбилейных славословий?..
Фальшивый в прошлое откат,
Игра по правилам условий,

Которые не создавал,
А лишь «культура» навязала?..
Качать за прошлое права
Так много доброты стало...

Мне говорят – пиши роман,
Но чтоб о будущем ни слова...
Не клюну на самообман
Черновики и заготовок,

Туманных и лукавых фраз
И километров киноленты.
Живу как все – последний раз,
И пусть простят меня потомки.

07.02.08 г.

***

Вдыхая ароматы ярких роз
И ветра ласковые дуновенья,
Мы не поймём чумы экологических угроз
За шорами чудесного мгновенья.
Мы устремляем взоры на Восток,
Но нас уверенно затягивает Запад.
Весь мир асимметричен и жесток,
Его не различить на вкус или на запах,
И мы рисуем бледный силуэт
На розовеющем закате счастья,
Как то, что назовёт иной поэт,
Предчувствием угрозы и напасти...
Грядущее ведь всё равно решительно грядет
В непредсказуемом, неотвратимом виде,
А солнце всё равно взойдёт
За настоящее пред будущим в обиде.

08.03.08 г.

***

Чтобы открылись горные чертоги
Спокойствия измученной души,
Чтоб отлетели грешные тревоги
И не замолкнуть в северной глуши,
Чтобы пропеть, как завещал Высоцкий,
Его слоган о жизни, пропиши
На стенах магаданских и чукотских:
«Они прошли за так, на четвертак, за ради Бога,
В обход и напролом, и просто пылью по лучу...
К каким порогам приведёт дорога?
В какую пропасть напоследок прокричу?»

Утешься и уймись, найдя дорогу,
Не доверяй рвачу и палачу,
А если вдруг отказывают ноги –
Проследуй просто пылью по лучу.

***

На Магадане все могилы братские,
Сроднила нас холодная колымская земля,
Пронзённая указами, указами,
До этих сопок от московского Кремля.
Нас породнили беды и туманы,
Сравнил и подытожил тяжкий труд.
И Маска Скорби – брэнд для Магадана –
Взросла из горя и подземных руд,
Которые сокрыты, не добыты,
Как говорится, «на-гора».
Легендами мы все по горло сыты.
Тасуют нас по новой фраера,
Которые дорвались до наживы.
Братаемся мы, не жалея сил –
Пока святою правдою мы живы,
И чистоган свечу не погасил.

***

Об этом говорят – прозрел.
Но можно проще: успокоился,
Или – дошёл, перегорел,
Устав от угрызений совести...

Сведи все признаки в синдром,
Собравши качества до кучи,
Пойми, как это всё старо –
Себя винить и, болью мучая,

За все учтённые грехи
Писать последние стихи,
Уверовав... на всякий случай.

***

Век наехал стеснённо, торосисто,
Громоздя года друг на друга,
Будто тысяча лет проносится,
Да и с временем стало туго.

Напряжение масштаба планетного.
Дефицит – несмотря на инфляцию.
Каждый день – со своими причудами –
Обращает «эмоцио» в «рацио».

***

Всех слишком сытых не люблю.
Когда они гужуются от пуза,
Но и аскетов современных не хвалю
За склонность к бунту и сомнительным союзам.

***

Восходит долгожданный век
На утренней заре тысячелетия.
Он всех голодных и калек
Как будто бы учёл и держит на примете.

Неужто новый век такой же для людей,
Как прошлые с их кровью и злодейством,
Лелеет новые элиты и вождей
И обожает лицедейство?..

10.03.08 г.

№ 2 / 2018

***

Во сне мы от себя удалены
И чиним энергетику сознания.
А если видим вспыхнувшие сны,
То это отблески того живого знания,
Которое совпало в глубине
С архетипической устойчивой структурой.
И плавится в биохимическом огне,
Покрывшись пеной, всякая халтура.

09.03.08 г.

***

У любви нашей есть начало,
Нет конца.
Ты, любимая, очень устала,
Нет лица.
Мне от жизни нашей досталось
Сто тревог,
Но готов я начать сначала,
Видит Бог.
Мало времени были вместе мы,
Ну и что ж:
Нас связали любовь и ответственность,
А не ложь,
На которой другие клеены,
Не любя.
И судьбу упрекнуть не посмею я
И тебя.
И стихи для тебя написаны –
Все про нас.
Жить нам с каждым днём интереснее –
Каждый час.
Мы утешены ожиданием
Новых встреч
И умеем своё призвание
Уберечь
От всего, что других запутало,
А не нас.
Дорожу золотыми минутами
В поздний час.
Сон приходит, и сны мои
Хороши.
Обнимаю тебя, любимую,
От души.

***

Не промолчу о сокровенном,
Храня «сокровища души»,
Цедя «прекрасные мгновенья»
(Ты их, попробуй, опиши!).

Хотелось быть полезным людям,
Чужих и ближних возлюбя,
Чтобы сказали: «Не забудем.
Ты часто забывал себя
И был простой и честный малый,
А если чем и согрешил,
То мы, когда тебя не стало,
Тебя прощаем от души».

04.02.08 г.

В стихах поэта Сергея Королёва, уроженца Вологодской области, трагически погибшего в Москве в 2006 году, в неполные 26 лет, перед защитой диплома в Литературном институте — намечен давно необходимый русской поэзии мост между, условно говоря, Борисом Рыжим, Владимиром Высоцким — и Тютчевым.

...ПРО ДРЕВНИЙ ХАОС, ПРО РОДИМЫЙ

В родстве с Рыжим у Королёва — обречённость лирического героя, его честность, брутальность, привычка смотреть прямо в лицо собственной судьбе, фаталистическое мироощущение, порой — хулиганистое, резкое, «наотмашь» высказывание; порой, достаточно редко — интонация и музыка стиха.

*Много одинаковых красавиц,
Много одинаковых красавцев —
Что идут, асфальта не касаясь,
Ниже их достоинства касаться
Жизни неразбавленно-реальной
И не отдаваться жизни даром —
Но идти с улыбкою журнальной
По весенним гляцевым бульварам,
Над чужой бедой неуполимой,
Высоко над смертной угрозой
И нести безликим-нелюбимым
Тоже одинаковые розы.
Повезло иметь глаза пустые
Цвета бледного спитого чая —
И прожить, как птицы и святые,
Не касаясь зла, не замечая.*

Здесь мы видим, как чётко обозначена позиция поэта по отношению к, так скажем, тёмной стороне жизни: он не собирается её избегать, да и не представляет это возможным. Даже в сравнении с Борисом Рыжим, абсолютно искренне, с горькой иронией, говорившим самому себе: «Больше чёрного горя, поэт» — Королёв жёстче. Меньше лиричности, меньше музыки, тема любви и утраты, столь важная в творчестве Рыжего, присутствует, но осмысливается метафизически и словно бы отодвигается целомудренно за черту речи, а то и за черту самой жизни.

*Хорошо, если вместе умрём.
Не хочу без тебя доживать.
Поседевшие стол и кровать —
Даже пыль нас запомнит вдвоём.
Берег неба зажжёт маяки,
А по берегу — он и она —
Как улитки, бредут старики,
И вот-вот их подхватит волна.
Что на память тебе подарю?
Что имею — давно не моё.
Не о смерти с тобой говорю,
Но о чём-то важнее её.
Если всех растворяет поток,
Я с тобой непременно сольюсь.
Я боялся, что будет «потом», —
А теперь ничего не боюсь.*

В родстве с Высоцким — опять-таки брутальность, но иного теста, нервность слога, пронизанного беспокойством и напряжением воли, масштабность образов, некоторая эпичность, обращение к легенде, к страшному и героическому прошлому:

Рай Чингисхана

*Звёзды ждали, что ветер ночной
Разметает снега в полях,
Молча слушали хруст стальной —
Так, вращаясь, скрипит Земля.
Я как камень озяб к утру
От бессмертья в твоей степи.
Степь закончится — я умру:
Это должен ты уступить!
Я напрасно тебя кричал —
Ты придуман самим собой.*

*Окровавленных стрел колчан
Ты рассыпал моей судьбой!
Лишь забрезжит по краю смерть –
Изнемогут ветра свистеть,
На оси сотряётся твердь
От дробящихся там костей.
Я хотел побежать бегом –
Копья белые в грудь вошли!
Заколдованный снег кругом...
Несмолкаемый скрип Земли.*

По своей закваске, по масштабности замыслов, философичности, по какому-то внутреннему движущему голоду Королёв ближе к Высоцкому, но ранняя гибель и та беззащитность перед жизнью и собственным нутром, которая свойственна только одарённым, честным, сильным и молодым людям, роднит его, уроженца Вологодчины, с уральским поэтом. И так через Высоцкого прокладывается внезапно прямой, короткий, самоочевидный путь от Рыжего – к Тютчеву. Поэт, написавший вот это:

*Хорошо бы в родимом колхозе...
Хорошо, кабы если бы не
Опрокинутый трактор в навозе
С трактористом, утопшим в говне.
В беспробудном селе и суровом,
Где собаки не спят на цепи, –
Хорошо, если дети здоровы,
Хорошо, чтобы отчим не пил.
Хорошо... А иначе как птице
На скалистом пустом берегу:
Не спасись, не найди покормиться,
Но легко умереть на снегу.
Никакие не «вечные своды» –
Там суглинок да камень тяжёл,
Да дремучая темень природы,
Из которой однажды пришёл –*

поэт, написавший это, знает, что «про древний хаос, про родимый», про тютчевский хаос природы говорят сама действительность российской глубинки – что Вологодчины, что Урала, что Сибири, что любого другого региона страны, – и судьба родившегося на этой земле поэта. Говорят, для имеющего слух и голос, достаточно отчётливо.

Стихи Королёва – это стихи начала 2000-х, впитавшие опыт 90-х и, возможно, конца 80-х. Вот эти времена – по большому счёту, до сих пор не прошедшие – определяют здесь образ «родного края», «родины». Разруха, нищета, «провинциальные страшные города», село, «беспробудное и суровое», «опрокинутый трактор в навозе». А всё, что осталось от истории – это предки, давно лежащие в земле, где «суглинок да камень тяжёл»... И только «ветеран ВОВ

Н.Потапов», что «бредёт как та-ра-рам хозяин необъятной та-та-та своей». За чёрной иронией звучит понимание того, что на месте важных слов как будто и правда ничего не осталось, что эти слова канули в небытие.

Лирический герой чувствует некий долг перед умершими, сравнивая их тяготы и горести со своими – и спрашивая себя: «Чего же я хандрю, щенок позорный?». По большому счёту, он остаётся проживать свою жизнь из некоего стыда – что предки, хлебнувшие больших бед, всё-таки «отмотали» весь отмеренный им срок, и потому грех жаловаться на свою судьбу. По сути, поэт говорит нам, что во многом именно этот мужественный стыд – вместе, конечно, с любовью к жизни и любовью к конкретным людям, порой явственно проступающей в стихах, – и держит его на земле.

На земле, оказаться «под» которой – дело совсем недалёкое и несложное. Ввиду суровости, лютой и вместе с тем брэнности мира, в который человек пришёл из «дремучей темени природы», куда рано ли, поздно вернётся. Это посмертие в некотором смысле и есть жизнь как подлинная реальность – поскольку из него человеческое существование, «потная сбруя бытия», тянется и в него уходит. Обозначается эта реальность небытия в стихах Королёва по-разному: «дремучая темень природы», «мавзолеем пустоты», «несмолкаемый скрип Земли», поток, растворяющий в себе всех и вся – но общее в этих определениях то, что они подчёркивают некое сумрачное, если не откровенно мрачное величие. Это та слепая «воля», которую поставил «во главе угла» философ Артур Шопенгауэр – одновременно порождающая и уничтожающая всё живое. Поэтому так близки в стихах Королёва «жизнелюбцы и самоубийцы». И подобно тому, как не принято в суровой российской истории зарекаться от сумы и тюрьмы – так и в мире Королёва не стоит зарекаться от этой воли, от этой бездны.

*За тобой и за мною придут:
Я уже напрягаюсь и жду.
Наверху вычисляют маршрут
И звезда вызывает звезду:
– Не бросай меня. Слышишь? Ответь!
Но широк пустоты мавзолеем
И высок одиночества мост;
Но теряются звёзды в траве,
Но теряются травы корнями в земле,
А Земля затерялась меж звёзд.*

И потому – здесь возникает шаткая, на грани безумия мысль: эта слепая, не знающая ни над, ни под собой закона воля и есть единственно адекватный, достойный ответ

человека дремучему, гиблому миру и ей самой.

*Свободу некуда девать:
она не влазит в ворота;
она желает убивать –
и не приучена работать.
У ней особенная статья,
не поминай Свободу всуе,
ей лучше не существовать –
и вот она не существует.*

По сути, эта свобода, всемогущая настолько, что может по собственной воле быть или не быть – и есть родина. Та самая родина, от которой остались только «тарарам» и «татата» в песне. А в реальности – предки, канувшие и потерявшиеся в могилах, «как теряются травы корнями в земле» и «Земля затерялась меж звёзд» – страшные провинциальные города, беспробудные суровые сёла, влачащие неподъёмную жизнь люди и их буйная тёмная кровь – тёмная северная природа и тёмные окна, с той стороны которых на нас живых смотрим мы сами, но уже мёртвые, уже – оттуда родом.

*В провинциальных страшных городах
Колючими крещенскими ночами
(Где фонари горели не всегда,
А что горели, рано отключали) –
По всей вселенной делалось темно,
И ветхий дом в пространство уносило,
И думалось, что смотришь не в окно,*

*А в чью-то незарытую могилу.
И только печь пугала мертвецов,
И бабушка тесней к огню держалась –
Какое бы дремучее лицо
На аспидном стекле ни отражалось.
Я верю: это было в старину!
И в то, что снова повернётся детством
Большая жизнь: я запросто стряхну
Невинную задумчивость младенца –
И повторится вечное кино,
Где бабушка с седыми волосами,
И после жизни мы в своё окно
Из смерти в жизнь заглядываем сами.*

В творчестве Королёва есть очень человеческая и очень «корневая» – родственная ему самому и его родине, глухой провинциальной России, – пропорция тьмы и света, жизнелюбия и безысходности, любви и ярости отчаяния, берущихся из одного источника, одной почвы. Иногда человек может остаться человеком только при том условии, что не отвернётся от темноты, от бездны, внешней и внутренней. Перед Королёвым, такое чувство, всю его жизнь стоял какой-то очень жёсткий, «проклятый», беспощадный вопрос, честно решить который человеку вряд под силу – по крайней мере, оставшись в живых. И об этот вопрос он из всех своих недюжинных сил – и расшибся, не став избегать лобового столкновения.

Николай ВАСИЛЬЕВ